Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 16 31 АВГУСТА. № 16

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„ПРАВДА"

Главлит № А—20562 Тираж 75.000

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

Троцкистская оппозиция перед судом международного пролетариата.

Четыре года назад V конгресс Коминтерна решительно осудил троцкистскую оппозицию внутри ВКП, признавши вслед за XIII с'ездом нашей партии идеологию оппозиции мелкобуржуазным уклоном от коммунистической линии. Весьма характерно, что уже тогда троцкизм пытался организовать свои силы против большевизма не только в рядах ВКП, но и в международном масштабе. Он имел довольно значительные группы сторонников и сочувствующих в коммунистических партиях Германии, Франции, Чехо-Словакии, Польши и т. д. Что было характерно для международного троцкизма эпохи V конгресса? Совершенно прямая и явная ориентация на правые элементы в международном коммунистическом движении, в той или иной мере склонявшиеся к социал-демократии. Это особенно ясно и отчетливо бросается в глаза на примере Германии, где троцкистское течение возглавляла группа Радека и Брандлера, которая своими правыми ошибками осенью 1923 г. не мало способствовала поражению германского пролетариата.

Организуя правые, еще не успевшие изжить свое социал-демократическое прошлое или вновь возвращающиеся к нему элементы против ленинской линии ВКП и КИ, троцкизм эпохи V конгресса еще не решался, однако, открыто рвать с коммунистической дисциплиной. На XIII с'езде нашей партии Троцкий торжественно заявил о своем беспрекословном подчинении решениям партии независимо от того, права она или не права. И ссылаясь на формальную партийную дисциплину, он отказался, несмотря на приглашения, явиться на V конгресс для защиты своих взглядов, осужденных XIII с'ездом партии. Он предпочел изложить эти взгляды на происходившем в Москве одновременно с конгрессом с'езде... ветеринарных врачей. Там Троцкий пространно говорил о смягчении противоречий между империалистическими государствами Европы, об эре демократического пацифизма, еще и еще раз подчеркивая свой правый уклон от позиции КИ и ВКП.

Решительный отпор, данный троцкизму со стороны партии и Коминтерна в 1923—24 гг., принудил троцкизм к отступлению, перегруппировке своих сил и к известному идейному перевооружению. Для этого понадобился довольно значительный отрезок времени, и

только через 2 года после V конгресса, летом 1926 года, начинается снова решительная атака троцкизма на ВКП и КИ. К этому времени троцкизм в КИ лишился наиболее влиятельных, авторитетных, имевших марксистское прошлое и связанных издавна с рабочим движением групп своих сторонников. С ним порвала группа Брандлера и Тальгеймера в Германии, целый ряд видных коммунистов в Польше, игравших руководящую роль в партии до V конгресса, и т. д. В троцкистском лагере оставались отдельные, не связанные с рабочим движением или оторвавшиеся от него, насквозь погрязшие в беспринципном оппортунизме и политиканстве литераторы типа Суварина и Истмэна, полуреформисты, полусиндикалисты типа Росмера и Моната, оказавшиеся очень скоро после V конгресса за пределами компартий, и т. п. элементы. Антикоммунистический характер этих элементов, отсутствие какой бы то ни было связи их с революционным пролетарским движением ясно бросались в глаза. Вести наступление на КИ с такой армией было делом заведомо безнадежным. К «счастью» для троцкизма, именно в 1925—26 гг. в связи с частичной стабилизацией капитализма, переходом компартий на рельсы упорной, повседневной работы по завоеванию рабочего класса, по укреплению своих позиций в профсоюзах, по созданию централизованных партийных организаций, связанных с рабочим классом и способных руководить его повседневной борьбой, в различных компартиях Европы стали появляться в довольно значительном количестве ультра-левые элементы, неспособные вести длительную коммунистическую работу в условиях реакции и частичной стабилизации капитализма, сбивавшиеся на путь беспочвенной революционной фразеологии, авантюризма, путчизма, попыток подменить трудную задачу завоевания большинства пролетариата «смелыми» действиями инициативного революционного меньшинства. Среди этих элементов были мелкобуржуазные революционеры, прибитые военными и послевоенными бурями к коммунистическим партиям, были просто разложившиеся, выдохшиеся и переродившиеся коммунисты, были временно колебавшиеся. И тех, и других, и третьих об'единяло неверие в силы пролетарской революции, прикрытое революционными фразами. И тех, и других, и третьих об'единяло неверие в социалистическое строительство на территории СССР, для которого отлив революционной волны и частичная стабилизация капитализма создали чрезвычайно серьезные трудности. В основе этого неверия лежало антиленинское убеждение троцкистов в том, что в советских условиях будто бы заложена неизбежность раскола между рабочим классом и крестьянством.

Новая оппозиция в рядах ВКП, создавшаяся в 1925 г. как раз на почве этих трудностей, на почве паники и капитулянтства перед ними, прикрытых революционными фразами и «левыми» лозунгами, естественно повела за собою ультра-левые элементы в Коминтерне в роде Маслова, Рут Фишер, Домского (Польша), Трэна (Франция) и т. д. Только вчера из среды этих элементов раздавались громовые речи по адресу троцкизма. Только вчера они были склонны обвинять руководство партии и Коминтерна в излишнем попустительстве троцкизму. Но общая социальная подоплека сделала свое дело. Хорошие друзья встретились и очень быстро и легко простили себе взаимно старые обиды. В 1926 г. Троцкий поистине с кинематографической быстротой проделал свой исторический поворот в международных вопросах налево кругом, и на июльском пленуме ЦК ВКП Троцкий вместе с Зиновьевым, таща его за собой, яростно атаковал «слева» политику КИ «за реформизм», за англо-русский комитет, за мнимую ставку на Амстердамский Интернационал и т. д.

Для руководителей новой оппозиции, еще вчера добивавшейся чуть ли не исключения Троцкого из партии, а вместе с тем и для Рут Фишер, Масловых, Домских, Трэнов и т. д. Троцкий становится вождем. И под его руководством идет дальнейшая атака на Коминтерн и на его основную твердыню, ВКП, в первую голову. Вчера—эра демократического пацифизма, сегодня—уже конец или чуть-чуть не конец капиталистической стабилизации. Вчера Радек об'являл Маслова и Рут Фишер авантюристами и случайными людьми в германской компартии. Сегодня в авантюристы попали уже те, кто исключил Маслова из Коминтерна. Вчера — попытки создать правое крыло в Коминтерне, сегодня — обвинение Коминтерна в правизне и социал-демократических симпатиях, вчера — лозунг уступок капиталистическим концессионерам в СССР (Радек, Пятаков не без благосклонного согласия Троцкого), сегодня—обвинение ЦК ВКП, отвергшего эти уступки, в термидорианстве. И вся эта комедия с переодеванием, весь этот сногсшибательный маскарад — буквально в несколько месяцев. Можно ли удивляться, что троцкизму удалось обмануть весьма немногих из тех, для кого его маскарад предназначался.

Не будем останавливаться на всех этапах и перипетиях борьбы троцкистской оппозиции внутри ВКП и Коминтерна. Ее мелкобуржуазная суть в этой борьбе обнаружилась еще яснее, чем во время дискуссии 1923 г. Обострение противоречий нэпа, трудности восстановительного периода, усиленный нажим аппарата пролетарской диктатуры на буржуазные элементы в стране автоматически порождали обострение борьбы троцкистской оппозиции, все сильнее и сильнее подпадавшей под буржуазное влияние, против партии. В этой борьбе троцкистская оппозиция, во время XIII с'езда и V конгресса Коминтерна формально еще подчинявшаяся дисциплине, сломала всякие рамки партийности и дошла до антисоветских выступлений, до прямой апелляции к мелкобуржуазной улице с взятыми напрокат у меньшевиков лозунгами.

XV с'езд исключил троцкистов из рядов ВКП (из западно-европейских коммунистических партий они были удалены еще раньше).

XV с'езд нанес уничтожающий удар троцкизму внутри ВКП. И этот удар заключался не только в самом факте исключения и уж, конечно, не в том, что против исключенных были приняты некоторые админи-

стративные меры, совершенно естественные и неизбежные, поскольку троцкисты стали на антисоветский путь. Суть была не в этом, а в другом. В течение ряда лет троцкизм бессовестно обманывал рабочих Советского Союза и рабочих капиталистических стран левыми фразами, в течение ряда лет он клеветал, что партия идет на поводу у нэпманов и кулаков, что советская власть перерождается, что страна вступает в период термидора, что разгром троцкистской оппозиции будет означать окончательное торжество термидорианской контрреволюции и открытую капитуляцию советской власти перед силами международной капиталистической реакции.

Изданная троцкистами осенью 1927 г. нелегально в Советском Союзе и переизданная их сторонниками в Европе пресловутая платформа обещала западно-европейской буржуазии, что ЦК ВКП готов отменить монополию внешней торговли, признать царские долги, дать широкие уступки буржуазно-кулацким элементам внутри страны.

Вместо этого партия, покончивши с троцкистской оппозицией, наметила на XV с'езде дальнейшее энергичное проведение индустриализации, впервые поставила перед собой в широком масштабе и в конкретно-практическом виде задачу строительства социализма в сельском хозяйстве, наметила курс усиления наступления на нэпмана и кулака и стала энергично проводить этот курс непосредственно после с'езда. Тем самым она со всей очевидностью окончательно разоблачила лживость «левой» демагогии троцкизма. Заседавший через месяц после XV с'езда девятый расширенный пленум Коминтерна, исходя из всей обстановки обострения противоречий частичной стабилизации капитализма, нарастания опасности классовой войны против СССР и превращения социал-демократии в активное орудие буржуазии и империализма, дал решительную установку на усиление борьбы против социал-демократии и против правой опасности внутри секций Коминтерна. Демагогическая ложь троцкизма, обвинявшего Коминтерн не больше, не меньше как в подготовке слияния со вторым Интернационалом, еще раз была беспощадно разоблачена.

После XV с'езда и IX расширенного пленума Коминтерна мы видим быстрое разложение и распад троцкистской оппозиции в рядах ВКП и Коминтерна. Серьезное начало этому разложению было положено еще декларацией группы Зиновьева и Каменева на XV с'езде. Эта группа, в свое время не устоявшая под напором мелкобуржуазной стихии, теперь отказалась от троцкизма, признала свои ошибки и тем открыла себе путь для возвращения в партию. За ней последовало значительное количество сторонников Троцкого, начиная с таких крупных, как Пятаков. Разложение перенеслось и на заграничные группы троцкистов. Развал «ленинбунда» немедленно после его организации и переход группы руководителей зульской организации к социал-демократам, позорный провал германских ультра-левых на выборах показали, что ничего кроме простой агентуры социал-демократии и буржуазии, в довольно прямом и непосредственном смысле слова, троцкизму в Западной Европе против Коминтерна не удалось создать. Факт выпуска польской охранкой во время выборов якобы подпольной прокламации от имени «польской фракции троцкистов», совершенно выдержанной в духе обычной троцкистской фразеологии, показывает, что если бы троцкизм с его ярко антисоветской установкой, прикрытой пышным покровом революционных лозунгов, не существовал в природе, его бы нужно было изобрести в интересах правящей буржуазии и буржуазной политической полиции непосредственно борющейся с рабочим движением.

Чрезвычайно знаменательна диференциация в рядах троцкистской оппозиции в Советском Союзе после XV с'езда. От оппозиции отошла значительная часть, особенно рабочие, есть элементы, которые стоят на грани если не полного, то во всяком случае частичного признания своих ошибок. На ряду с этим другие элементы, во главе с самим Троцким, довольно быстро скатываются к точке зрения сапроновской оппозиции, которая уже давно открыто стоит на платформе создания нелегальной партии с нелегальным аппаратом и с нелегальными методами борьбы. Сапроновскую оппозицию сейчас уже почти ничто не отделяет от меньшевиков.

Складывается довольно оригинальный переплет. Официальный меньшевизм в годы Октябрьской революции и гражданской войны оказался так основательно разбитым и выхолощенным идейно и организационно, так политически себя скомпрометировал в глазах пролетарских масс, что ему не удалось подняться и стать на ноги даже под живительными лучами нэпа и некоторого оживления буржуазных элементов в стране. Нелегальная организация меньшевиков еще кое-как проявлявшая себя в 1921—22 гг., теперь почти совершенно развалилась и почти никакой работы не ведет. Вести рабочих под флагом меньшевизма против советской власти нет никакой возможности.

Буржуазии нужна рабочая партия менее скомпрометированная, с известным революционным прошлым, с известным политическим капиталом, в советском костюме с тем, конечно, чтобы по методам, характеру, содержанию и целям своей работы эта партии ничем не отличалась от меньшевиков боролась с советской властью, пыталась скомпрометировать ее в глазах рабочих, подрывала пролетарскую базу советской власти. Именно сюда ведет путь скатывающейся к сапроновщине троцкистской оппозиции. Само собой разумеется, скатываясь к сапроновщине, троцкизм старается и будет стараться уверять себя и других что его вынуждает к этому «новый поворот партии направо» будет выпускать новые фонтаны и фейерверки псевдо-революционной трескотни. Он напоминает так ярко изображенных в Коммунистическом Манифесте Маркса и Энгельса феодальных аристократов, размахивавших нищенской сумой, чтобы собрать вокруг себя народные массы и заставить их защищать реакцию. Народ, действительно, собирался, но очень быстро замечал на спинах своих мнимых защитников старые феодальные гербы и разбегался с громким непочтительным смехом.

Как суррогат меньшевистской партии, как заместитель полумертвого меньшевизма на арене

борьбы контрреволюции против советской власти, троцкистско-сапроновская оппозиция имеет известные шансы на существование в пределах Советского Союза, ибо нет никаких данных за то, что недовольство мелкобуржуазных элементов, городского мещанства, кое-каких слоев служащих, интеллигенции и т. д. советской властью завтра прекратится и что это недовольство не будет оказывать влияния на отдельные группы рабочих.

Как придаток к социал-демократии, как сотрудник буржуазии и буржуазно-фашистской политической полиции в капиталистических странах с определенной целевой установкой компрометирования Советского Союза и Коминтерна в глазах тех рабочих, которые не верят социал-демократии, троцкистская оппозиция также имеет шансы на существование и будет наверное поддерживаться искусственно, особенно в нынешний момент лихорадочной подготовки войны против Советского Союза.

Но этого мало. Не только для открытых врагов пролетариата, но и для всех уклоняющихся от коммунизма вправо элементов (а такие элементы могут оказаться в том периоде обостренной классовой борьбы, в который мы вступаем) троцкистская оппозиция, до каких бы ничтожных и жалких размеров она ни развалилась, несомненно, окажется желанным союзником. Не даром отколовшаяся несколько месяцев назад от коммунистической партии Западной Украины ренегатская группа Василькова и Турянского, ставши на путь борьбы с Коминтерном, превратившись в фактическую агентуру польского фашизма, немедленно вступила в фактический блок с троцкистской оппозицией и встретила радушный прием на страницах «Фане дес Коммунизмус». Троцкистская оппозиция доказала свою способность блокироваться с кем угодно, хотя бы с чортом и его бабушкой, хотя бы с Истмэном, торгующим завещанием Ленина, хотя бы с Суовариным, высказывавшимся за политику Чан Кай-ши после расстрела шанхайских рабочих, хотя бы с фактическими агентами польского фашизма, лишь бы только навредить ВКП и Коминтерну. Нет никаких сомнений, что и в дальнейшем троцкистская оппозиция будет оставаться притоном для всех ренегатов и предателей коммунизма, хотя отнюдь не исключена возможность, что некоторые из этих элементов не пожелают итти к троцкизму и будут прикрываться антитроцкистской фразой—настолько троцкизм политически себя скомпрометировал.

Во всяком случае как бы ни был разбит и дезорганизован троцкизм он еще существует и ведет свою контрреволюционную работу как в международном масштабе, так и в масштабе СССР, и поэтому постановка вопроса о троцкистской оппозиции на VI конгрессе Коминтерна вовсе не была простой формальностью, выполнением долга международной коммунистической вежливости перед известным этапом истории ВКП, закончившимся на XV с'езде. Нужно не только окончательно похоронить троцкизм, но и вбить в его могилу осиновый кол, «чтоб встать он из гроба не мог». Такая задача стоит перед нашей партией и Коминтерном. Партия и Коминтерн должны принять все меры, чтобы предохранить себя и предохранить рабочие массы от

дальнейшей предательской, разлагающей работы троцкистской агентуры международной социал-демократии и международного капитала.

Декларации различных партий Коминтерна, резолюции конгресса по вопросам политики ВКП и борьбы с троцкистской оппозицией показывают всем и каждому, что в своей оценке троцкизма все секции Коминтерна совершенно согласны с ВКП, с резолюциями XV с'езда. На всем громадном конгрессе среди представителей всех стран и материков не нашлось не только сторонников или сочувствующих троцкизму, не нашлось даже мало-мальски примиренчески настроенных по отношению к нему людей. Это вполне понятно: скатившийся к сапроновщине и меньшевизму, злобно клевещущий на СССР и ВКП, дающий своими разговорами о термидоре в СССР, о «национально-ограниченной» политике ВКП прямое оружие в руки международной буржуазии, которая готовит войну против Советского Союза, троцкизм на конгрессе международных пролетарских революционеров ни малейшей симпатии к себе вызвать не мог.

Конгресс сказал свое слово о политике ВКП и о троцкизме. Конгресс одобрил политику ВКП, одобрил решения XV с'езда. Конгресс дал решительный и твердый отпор меньшевистско-троцкистской клевете на партию. Надежде буржуазии на то, что этой клевете удастся посеять хоть какую-нибудь рознь между ВКП и другими секциями Коминтерна, не удалось и не удастся осуществиться. Конечно, потоки троцкистской клеветы будут литься и дальше. Наши заграничные товарищи приложат все усилия, чтобы этой клевете так же мало верили рабочие, как и заявлению Дана на Гамбургском конгрессе II Интернационала о том, что в СССР покровительствуют кулакам и иностранным капиталистам и преследуют рабочих. Нет сомнения, что в СССР троцкизм будет использовывать все наши трудности, слабости и недочеты и даже нашу самокритику, как это делали до сих пор меньшевики. Не преувеличивая сил разбитого врага, но и не забывая о том, что он еще существует, наша партия должна в корне пресечь и парализовать эти контрреволюционные попытки.

Конгресс Коминтерна целиком и полностью солидаризировался с позицией ВКП по отношению к троцкизму. Конгресс одновременно одобрил ту положительную работу социалистического строительства, которую проводила и продолжает проводить наша партия, окруженная кольцом врагов, вопреки всем трудностям. Нет никаких сомнений в том, что какие бы новые трудности партия ни встретила на своем дальнейшем пути, она найдет растущую поддержку международного пролетариата и братских партий, руководящих его борьбой. Нет никаких сомнений в том, что та связь между ВКП и другими партиями Коминтерна, которая так усилилась и окрепла на VI конгрессе и которая нашла себе выражение в резолюциях и декларациях по так называемому русскому вопросу, будет расти и дальше и что эта связь явится одним из самых мощных факторов победы международного коммунизма над международным империализмом.

К. Попов.

К двадцатипятилетию II с'езда.

Борьбу, проводившуюся «меньшинством» против «большинства» на II с'езде и после него, Мартов назвал «восстанием» против «ленинизма». Он бросил эти слова мимоходом в брошюре «Борьба с осадным положением», выпущенной в начале 1904 года и тогда же пожалел, что «восстание» не началось «полугодом раньше», еще до с'езда. И этот термин «восстание» (правда, взятый в кавычки), и это сожаление показывали, как еще в рамках старой «Искры» ленинизм стеснял будущих лидеров меньшевизма, не давая развертываться то там, то здесь проскальзывавшим у них оппортунистическим тенденциям. Если «мягким» искровцам удалось в конце-концов произвести «восстание», а затем и произвести «переворот» в партии, завладев «Искрой», то лишь об'единившись с «болотом» и заматерелыми оппортунистами из прежних «экономистов». Но эта возможность «восстания» против ленинизма и «переворота» была куплена ценой расцвета оппортунистических тенденций самих «мягких» искровцев. Оппортунизм периода «разброда, распада, шатания»—экономизм—не мог уже жить в обстановке развивавшегося массового революционного движения. Он должен был быть подчищен, подновлен. «Мягкие» искровцы выполнили роль его подновителей, и «экономизм» видоизменился в «меньшевизм», с тех пор неизменно противостоявший ленинизму. Сам же ленинизм был не чем иным, как последовательным отстаиванием и развитием программных, тактических и организационных принципов революционного марксизма старой «Искры». «Отстаивание революционной тактики старой «Искры» создало «большевизм»,—говорил Ленин («Социализм и война», т. XIII, стр. 124). Поэтому «восстание» же против ленинизма, приведшее к «видоизменению» экономического оппортунизма в меньшевистский, явилось вместе с тем «восстанием» против староискровства, против революционного марксизма.

Ленинизм вырос из староискровства. В старой, ленинской «Искре» были заложены его основные, исходные идеи. За них боролась старая «Искра» против экономизма. За них боролся Ленин внутри самой редакции «Искры» с оппортунистическими тенденциями будущих лидеров меньшевизма. За них он боролся вместе с «большинством» на II с'езде против бундовцев, акимовцев, против «болота», против «мягких» искровцев. II с'езд, борьба на нем и после него, «восстание» против ленинизма отделили от ленинизма шатких, неустойчивых, «мягких» и сформировали его в особое, самостоятельное политическое течение.

«Восстание,—писал В. И. Ленин по поводу замечания Мартова,—прекрасная вещь, когда восстают передовые элементы против реакционных. Когда революционное крыло восстает против оппортунистического, это хорошо. Когда оппортунистическое крыло восстает против революционного, это дурно» (т. V, изд. 1923 г., стр 476).

«Дурное» дело восстания мягких против ленинизма было вызвано победой на с'езде «революционного крыла», вызвано тем, что этому крылу в конечном счете удалось выполнить задачу, поставленную перед ним периодом

подготовки первой русской революции. В послесловии к извещению об образовании «организационного комитета» по созыву II с'езда, Ленин писал: «Об'единение, восстановление целостности партии—самая насущная, настоятельно требующая немедленного решения задача русских социал-демократов. Эта задача очень трудна, потому что нам нужно не об'единение нескольких кучек революционно настроенных интеллигентов, а об'единение всех руководителей рабочего движения, поднявшего к самостоятельной жизни и борьбе целый широкий класс населения. Н а м н у ж н о о б ' е д и н е н и е н а п о ч в е с т р о г о п р и н ц и п и а л ь н о г о е д и н с т в а, к которому должно сознательно и твердо притти все или громадное большинство комитетов, организаций и групп, интеллигентов и рабочих, действующих в различной обстановке, в различных условиях, пришедших иногда самыми различными путями к своим социал-демократическим убеждениям» (т. V, изд. 1928 г., стр. 227).

На II с'езде и было положено начало этому «об'единению на почве строго принципиального единства», тому об'единению, которое потом привело к созданию «железной когорты» ВКП(б) у нас, Коминтерна—в международном революционном движении пролетариата. В первой консолидации накопленных по всей стране за все первое десятилетие борьбы и работы Ленина и его единомышленников сил новой ленинской гвардии—огромное значение II с'езда.

Эта первая консолидация родилась в борьбе с оппортунизмом. Она сложилась на базе идейных приобретений ленинизма за староискровский период, и поэтому, говоря о значении II с'езда, нельзя не говорить об этих приобретениях.

«В чем состояла главная задача с'езда?»—спрашивал Ленин в брошюре «Шаг вперед, два назад» и отвечал: «В создании д е й с т в и т е л ь н о й партии на тех принципиальных организационных началах, которые были выдвинуты и разработаны «Искрой». Что именно в этом направлении с'езд должен был работать, было предрешено трехлетней деятельностью «Искры» и ее признанием со стороны большинства комитетов. Искровская программа и направление должны были стать программой партии, искровские организационные планы должны были получить закрепление в организационном уставе партии» (т. V, изд. 1923 г., стр. 310). Так оно и стало, стало для партии без «восставших» против ленинизма, для партии без мягких и без приверженцев «видоизменившегося» экономизма, для ленинской, большевистской, д е й с т в и т е л ь н о й партии пролетариата.

Старая «Искра» дала программу партии, общая часть которой и теперь является одной из составных частей программы ВКП(б). Она написана Плехановым, но она не была бы «самой ортодоксальной программой из всех программ» тогдашнего II Интернационала, если бы не борьба Ленина внутри редакции «Искры» против тех уступок и уступочек оппортунизму, которые делались Плехановым в его «первом» и втором проектах. Так, Ленин добился того, что из проекта Плеханова устранено было замазывание классового характера пролетарской партии, классового характера социалистической революции, действительной роли в ней пролетариата, как единственного до конца революционного класса, и двойственной природы, шаткости, неустойчивости мелкой буржуазии [1]). Ленин же добился более точной и ясной, вместо расплывчатой, играющей на руку ревизионистам, формулировки судеб мелкого производства при капитализме. Он же добился более острой и тогда исключающей ревизионистские толкования формулировки идеи обнищания масс [2]). Пядь за пядью он преследует каждую уступку ревизионизму, и в ре-

[1]) См. «Ленинский Сборник» II, замечание Ленина на стр. 78—82 и ответ Плеханова на стр. 94—95.

[2]) См. там же, замечания Ленина на стр. 76—77 и стр. 123.

зультате его борьбы искровская программа приобретает такой вид, что может служить опорой для дальнейшей борьбы «действительной» партии пролетариата против извращений марксизма.

Партия приобретает такую программу в годы «приближения великой бури», когда «представители трех основных классов, трех главных политических течений: либерально-буржуазного, мелкобуржуазного, демократического (прикрытого вывесками «социал-демократического» и «социал-революционного» направлений) и пролетарски-революционного, ожесточенней шей борьбой программных и тактических взглядов предвосхищают и подготовляют грядущую открытую борьбу классов» [1]). Для «мягких» искровцев, которые принимают эту программу вместе с Лениным и ленинцами, она остается действительно только «вывеской социал-демократического направления» и в конце-концов превращается в простую бумажку. А для Ленина и ленинцев она действительно служит основой для подготовки «грядущей открытой борьбы классов» вплоть до победы пролетариата в нашей стране.

На базе революционного марксизма, проникшего собой программу старой «Искры» с ее ленинскими направлениями, выросли и «тактические взгляды» староискровского ленинизма, от которых также отреклись «восставшие», и которые также стали основой подготовки «грядущей открытой борьбы классов». Они входили неотделимой составной частью в систему взглядов искровского направления и вместе с программой определяли собой сущность организационных принципов ленинизма, против которых прежде всего восстали «мягкие». Сами по себе они получили слабое отражение в работе II с'езда. Но и в борьбе против организационных принципов старой «Искры» и в борьбе против ее программы, особенно против аграрной программы, сказалась борьба против тактической линии староискровства. Сказалась потому, что «оппортунизм в программе естественно связан с оппортунизмом в тактике и с оппортунизмом в вопросах организационных» [2]). Староискровская, ленинская идея партии-авангарда, получившая плоть и кровь в ленинском организационном плане, теснейшим образом связана с выпестованной ленинизмом, конкретизированной применительно к условиям крестьянской страны, превращенной в руководящий принцип тактики идеей гегемонии пролетариата. Поэтому отказ от организационного плана Ленина и война против него были равносильны отказу и от идеи партии-авангарда и от идеи гегемонии пролетариата. Этим последним отказом характеризовался экономизм. К нему пришел от войны против организационного плана Ленина и видоизмененный экономизм—меньшевизм. Нет, и не может быть пролетариата—гегемона непролетарских и полупролетарских трудящихся масс—ни в буржуазно-демократической, ни в пролетарской революции без партии-авангарда рабочего класса, и нет партии-авангарда без строжайшего централизма и суровой дисциплины, этих китов староискровского, ленинского организационного плана.

Через идею гегемонии пролетариата ленинский организационный план неразрывно связывался с ленинским же староискровским пониманием взаимоотношений между пролетариатом, либеральной буржуазией и крестьянскими массами в буржуазно-демократической и пролетарской революции и с поставленной Лениным перед пролетариатом и его партией задачей борьбы за эти массы. Уже совершенно сложившаяся в период старой «Искры» ленинская идея союза пролетариата со всем крестьянством в революции против самодержавия и помещиков и союза с деревенской беднотой в революции против буржуазии [3]), борьба за тот и другой союз, за руководство

[1]) Ленин, «Детская болезнь «левизны»...», т. XVII, изд. 1924 г., стр. 120.
[2]) Ленин, «Шаг вперед...», т. V, изд. 1923 г., стр. 468.
[3]) См. отчетливое выражение этой идеи в брошюре «К деревенской бедноте», главы 4-я и 6-я, стр. 331 и 349.

им пролетариата были неосуществимы без партии-авангарда, без партии, способной своим единством, идейной выдержанностью, централизованностью и дисциплиной противостоять буржуазным и мелкобуржуазным влияниям на свои ряды и на ряды всего пролетариата. И с той же последовательностью, с какой ленинизм отстаивал основы своей аграрной программы и тактики по отношению к крестьянству на ряду и вместе со своими организационными принципами, все, кто на с'езде, до и после него «восставал» против организационного плана Ленина, тогда же или впоследствии восставал и против ленинской тактики по отношению к буржуазии и крестьянству и против ленинской аграрной программы, ее принципов. Так было с рабочедельцами и бундовцами, так было со с'ездовским «болотом», так вышло и с «мягкими» искровцами, когда их искровство обратилось в «видоизмененный» экономизм.

В период же старой «Искры» выдвинута была идея всенародного вооруженного восстания, также связанная для ленинизма с партией-авангардом, как и всякая другая тактическая идея Ленина. Эта идея вооруженного восстания, его организационная и техническая подготовка партией-авангардом встретили впоследствии такое же отрицательное отношение со стороны ренегатов староискровства, как и ленинский организационный план.

Без претворения в жизнь тактических идей ленинизма, сложившихся за период старой «Искры» и принятых II с'ездом,—для того времени прежде всего программы-минимум,—без создания партии-авангарда по ленинскому организационному плану немыслимо было проведение староискровской, ленинской тактики. Поэтому обстрел ленинского организационного плана был уже, по самому существу своему, обстрелом всех идейных приобретений ленинизма за период старой «Искры». И поэтому понятно то «бешенство», с которым отвечал на него В. И. Ленин, с которым он защищал основы организационного плана, начиная с формулировки § 1 «Устава». Это была борьба за одно из основных условий свержения царизма, как первого этапа на пути к победе пролетариата над буржуазией.

К 1905 году на основе программных и тактических приобретений ленинизма за староискровское время сложилась ленинская концепция русской буржуазной революции, как революции крестьянской, руководимой пролетариатом и—через революционно-демократическую диктатуру пролетариата—перерастающей в революцию пролетарскую. И в этой концепции, в качестве одного из основных условий ее фактического осуществления, опять стоит централизованная, сплоченная «на почве строго принципиального единства», способная итти не «в хвосте либерально-монархической буржуазии», а «во главе революционного пролетариата и крестьянства» партия-авангард. Борьба за нее ведется Лениным и ленинцами вместе с борьбой за идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства так же «бешено», как она велась на II с'езде и на другой же день после него. В годы реакции и нового под'ема та же бешеная борьба идет под флагом борьбы с ликвидаторством меньшевиков и «ликвидаторством наизнанку» отзовистов, соединяясь с борьбой за «трех китов» революционной программы и тактики. Годы империалистической войны превращают ее в столь же бешеную борьбу с социал-шовинизмом II Интернационала за III Интернационал, соединенную с борьбой за превращение войны империалистической в войну гражданскую во всех охваченных войной передовых капиталистических странах и с борьбой все за ту же крестьянскую революцию, переходящую в революцию пролетариата—в России. В этой начатой в период старой «Искры», продолженной на II с'езде и с тех пор не прерывавшейся борьбе за партию действительно складывается эта партия, партия — победительница в последней Октябрьской схватке, когда пролетарская революция против буржуазии сливается с крестьянской революцией против помещиков в один поток, который сносит и помещиков и буржуазию.

Опыт Октября и «опыт победоносной диктатуры пролетариата» в нашей стране после Октября оправдал то «бешенство», с которым проводилась Лениным борьба с «организационным оппортунизмом» ренегатов староискровства в период II с'езда, когда оформлялся ленинизм, «как течение политической мысли и как политическая партия». Этот опыт через Ленина и через его партию передан братским коммунистическим партиям и лег в основу их организационного строения, ибо он «показал наглядно», что «безусловная централизация и строжайшая дисциплина пролетариата является одним из основных условий» и свержения всех и всяческих остатков феодализма, крепостничества, и победы над буржуазией.

Дополненные (в условиях политической свободы для трудящихся при диктатуре пролетариата) развернутой внутрипартийной демократией, превратившись в последовательно-проводимый демократический централизм, «безусловная централизация и строжайшая дисциплина», эти основные моменты ленинского организационного плана, служившие главным предметом борьбы на II с'езде, остаются и до сих пор основными принципами ленинской партии, остаются, несмотря на все попытки сломить их со стороны оппозиционных группировок ВКП(б) после Октября, начиная от «рабочей» оппозиции 1920—21 годов до троцкистской оппозиции 23—24 и 26—27 гг. Эти группировки так же, как «мягкие» искровцы на II с'езде, начинали свои «восстания против ленинизма» с ревизии его организационных принципов, а кончали отказом от его тактических и программных взглядов. Их участь уподобилась участи ренегатов староискровства. Но если обстрел этими ренегатами ленинского организационного плана превращался в обстрел идейных приобретений еще только слагавшегося ленинизма, то обстрел ленинских организационных принципов оппозиционными группировками в ВКП(б) превращался в обстрел учения, уже окрепшего и выросшего в руководящее революционное учение мирового пролетариата, в основное условие роста и победы мировой революции. Если срыв организационного плана Ленина в период II с'езда становился срывом одного из основных условий развертывания борьбы с царским самодержавием и его свержения, то попытки срыва оппозиционерами в ВКП(б) «безусловной централизации и строжайшей дисциплины» превращались уже в попытки срыва завоеванной пролетарской диктатуры и успехов социалистического строительства. Это потому, что после Октября организационные принципы ленинизма сами превратились уже в основное условие этой диктатуры и этого строительства. И наша, теперь миллионная, большевистская, ленинская партия защищает это основное условие с такой же страстностью, энергией и с такой же непобедимой силой, с какой защищал свой организационный план В. И. Ленин со своими тогда еще малочисленными соратниками-ленинцами двадцать пять лет назад при первом организационном оформлении еще только родившегося ленинизма. С организационными принципами Ленина побеждает она, побеждает руководимый ею пролетариат СССР, идет к победам Коминтерн, потому что эти принципы, верность им—гарантия идейного единства, теоретической выдержанности, революционной тактики и правильности действий пролетарской партии.

Г. Зиновьев.

Сколько „марксизмов" существует на свете?

Казалось бы, довольно праздный вопрос! А вот подите же. Один из виднейших представителей «австро-марксистской» (гм! гм!) школы, г. Карл Реннер, утверждает, что в международном рабочем движении ныне борются друг с другом «полдюжины или даже дюжина марксизмов». С самым серьезным видом этот теоретик II Интернационала заявляет, что «большевизм, меньшевизм, австро-марксизм, реформизм, лэйборизм («лэйбор-партизм») являются не чем иным, как систематизацией частичной практики вчерашнего и позавчерашнего дня—при чем ни одна из них (этих «систематизаций»?) не может быть перенесена с одной страны на другую, ни одна не может полностью со вчерашнего дня быть перенесенной на завтрашний» [1]).

С такими откровениями выступает—и это должно было послужить «теоретическим» введением к работам Брюссельского конгресса II Интернационала—Реннер в статье, имеющей «сделать эпоху» (статья озаглавлена: «Что такое марксизм—идеология или наука?»—«Кампф», XXI, 6).

«Наш» Ф. Дан ухитряется об'явить это реннеровское выступление «апологией большевизма»—не больше, не меньше! Дан удостоивает Реннера звания «одного из наиболее блестящих и бесстрашно-последовательных представителей национально- и государственно-мыслящего социализма». Но в то же время он делает ему выговор за то, что (Реннер) «вынужден был, в конце-концов, притти к выводу, что, «в сущности, социализмов столько же, сколько имеется на земле государств и стран», а отсюда — и к апологии большевизма. Ибо различны должны быть не только национальные «социализмы», но и национальные «марксизмы». А большевизм и есть национально-русский «марксизм», естественный и необходимый продукт «особой психологической установки русских и их грандиозной, но совершенно специфической сферы опыта». С этой точки зрения,—печалуется Дан,—социал-демократия, в западно-европейском смысле этого слова, не имеет права на существование в России, как чужеземный, не-национальный цветок» («Соц. Вестн.» № 14).

Пусть успокоится г. Дан! Против права на существование меньшевизма в России аргументы г. Реннера действительно малоубедительны. Октябрьская революция привела куда более внушительные аргументы против меньшевизма...

* * *

Ход «мыслей» в нашумевшей статье Реннера таков.

Психология масс различна не только в разных государствах, но и в разных профессиях. Ремесленник, фабричный рабочий, горняк, контоорский служащий, мелкий крестьянин, батрак—всех их несет один социалистический поток. Но у каждого из них своя психология, свои навыки и традиции. Большую роль играет и «идеология, в которой жили эти массы: ка-

1) «Кампф», XXI, 6, 251.

толицизм, протестантство и т. д.». Старая идеология участвует в формировании новой идеологии. Еще большую роль играют экономические различия, существующие между государствами, их различная экономическая структура.

Из этого вытекают два вывода. Первый: социализм, как массовое движение, сам течет и изменяется из десятилетия в десятилетие. Второй: в каждой отдельной стране, а тем более в каждой части света социализм имеет свой особый характер. Крупнейшую роль играет «психологическое предрасположение» (vorpsychologie) масс, их психологическая установка. «Католические, протестантские, православные или свободомыслящие массы населения, индусы, японцы и т. д. на все реагируют по-разному; массы населения, стоящие на высокой ступени грамотности, реагируют иначе, чем полуграмотные массы в России и на Востоке; массы, привыкшие к деспотии (Россия) или к сословной монархии (старая Германия), не похожи на массы, выросшие на американской земле, никогда не знавшие режима сословий, не говоря уже о монархии». Отсюда вывод, что единого социализма нет и быть не может. «Если свести воедино все эти факторы, то мы должны научиться понимать, что, в сущности, социализмов имеется столько же, сколько на земле государств и стран» (разрядка автора) [1].

Понимание этой истины должно принести «целительное успокоение» для каждого социалиста. Именно различия, которые существуют между отдельными «социализмами», часто вызывают не только у недруга, но и у друга, представление о распаде и разложении социализма. То же самое относится и к спорам между отдельными социализмами. Кричат об «ошибках, лжеучении, отпадениях, измене», устраивают «суды над еретиками». А на деле никакого распада нет, и мы имеем перед собою только различные социализмы, при чем различия эти обусловлены своим особым опытом, особой психологической установкой.

Все это относится и к марксизму. Марксизмов тоже много. И иначе и быть не может. «Каждая страна имеет свои катехизисы». «Из марксизма, который является и должен являться наукой, делают идеологию. Это не упрек. Это неизбежный процесс массовой психологии».

До войны теория социализма находилась в совершенно ином положении, чем теперь. Правда, и до войны внутри марксизма были «оттенки» (так и сказано!). После ревизионистских выступлений Бернштейна («оттенок»!) появились специфически-«ортодоксальные» антибернштейновские литературные произведения, в частности, произведения Розы Люксембург. Но вокруг Каутского собрался «центр». «Правое» и «левое» толкования Маркса большой роли не играли. «Карл Маркс—это был лозунг единения и собирания сил». Не то теперь. И в этом виноваты прежде всего «русские». «Особая психологическая установка русских и их грандиозная, но совершенно специфическая сфера опыта как бы инкрустировали на особом дереве особый «марксизм». И социалисты, и коммунисты ссылаются теперь на Маркса. Каждая сторона утверждает, что она обладает «настоящим Марксом». Ссылка на Маркса—«к горю моему, как и к горю всякого ученика Маркса» (хорош «ученичок»!)—теперь ничего не об'ясняет, а чаще всего увеличивает путаницу и обостряет раскол. Мало того. Внутри коммунистов борются несколько марксизмов. Но и внутри социализма, который, вообще говоря, «более терпим», мы тоже видим различные направления: «левая, правая и представляемый так называемыми австро-марксистами марксистский центр. А если еще прибавить к марксистскому центру на одной стороне Макса Адлера, а на другой — Рудольфа Гильфердинга, то становится ясно, что

---

[1]) «Кампф», XXI, 6.

и внутри марксистского центра существуют очень большие, едва примиримые разногласия».

Одним словом, «марксизмов» существует, по крайней мере, столько же, сколько пальцев на руках и ногах у г-на Реннера.

Но мало того. Кроме всех прочих «марксизмов» существует еще «марксизм без Маркса». И этот именно «марксизм» является громадной, решающей силой в мировом рабочем движении. Это — марксизм... Английской Рабочей Партии! «Рабочая Партия Англии, это—воплощение в жизнь марксизма без его учения, это—марксизм без Маркса» [1]). И далее следует несколько страниц панегирика по адресу Английской Лэбор-Парти и специально по адресу ее вождя, Макдональда—«того деятеля, который, по нашим континентальным понятиям, выполнил величайшую задачу: политически конституировал британский рабочий класс, как класс.

Как же это случилось, что в самой могучей капиталистической стране Европы—в Англии—мы имеем перед собой воплощение в жизнь марксизма без его учения, марксизма без Маркса? Да, очень просто! «Иная психологическая установка привела и к совершенно иной политической методе» [2]). («Eine andere politische vorpsychologie hat eben eine ganz andere politische Methode ergeben»). Так, буквально так пишет г. Реннер. Так «по-марксистски» об'ясняет особенности английского рабочего движения «ученик» (???) Маркса, «наиболее блестящий и бесстрашно-последовательный» представитель австро-марксистского «центра».

На макдональдовском «марксизме без Маркса» г. Реннер останавливается особенно подробно, особенно любовно и с особенно «ученым» видом. Он серьезно считает—или делает вид, что считает,—что тут ему удалось сделать ценный теоретический вклад, что он сделал некое «открытие». Реннер так и пишет: «Так как я уже начал в этой моей работе говорить до конца горькую правду, то я должен прибавить еще следующее в высокой степени значительное открытие, которое должно прямо потрясти тех догматиков, кои честны, и крайне озлобить тех из них, кои неспособны ни на какую самокритику» (там же, стр. 249). И далее следует уже приведенное нами «открытие» насчет «марксизма без Маркса».

— Ведь вот пример совершенно поразительный,—расточает свою мудрость дальше наш «австро-марксист». Известно, что в германской социал-демократии до войны учение Маркса было особенно сильно, а в Английской Рабочей Партии оно было и остается особенно слабым. И что же? Германская социал-демократия, «невзирая на Маркса», во время войны раскололась и лишь теперь начинает вновь подыматься и быстро расти. А Английская Рабочая Партия прошла через войну единой и сильной и теперь непрерывно растет и скоро будет править Англией — «и это без Маркса и, по нашим представлениям, без всякой теории!»

«Приведенные факты—уничтожащи для идеологов марксизма»,—заключает Реннер (250).

«Идеологи», «догматики», «сектанты», видите ли, «предаются неслыханной переоценке теории» (252). «Я сильно сомневаюсь, чтобы во всей славной истории германской социал-демократии хотя бы $^{1}/_{1000}$ часть германских рабочих, с.-д. избирателей, когда-либо прочитала и переварила хотя бы самый маленький катехизис марксова учения» (стр. 252).

Идеал Реннера—«практик» Виктор Адлер. Этот «гениальный эмпирик» никогда не позволял над собой властвовать ни прошлому, ни «великим перспективам будущего», он не был во власти «аспектов столетий». Его

---

[1]) «Кампф», XXI, 6. стр. 249.

[2]) Там же, стр. 250.

главной отличительной чертой было—«не пропустить бы чего-нибудь, что необходимо для ближайшего шага» (254).

«Идеологи—по Реннеру—неизбежно являются плохими тактиками»—потому что они всегда ищут аналогий в историческом прошлом, будущее видят только сквозь призму теоретической «догмы», не понимают всего решающего значения практического опыта. «Полевых священников нельзя назначать полевыми командирами. Погибла та армия, которая это сделала бы» (стр. 255).

«Есть только эмпирический или индуктивный социализм теории, это—Карл Маркс. Есть только эмпирический или индуктивный социализм практики и тактики—образцовым представителем его является Виктор Адлер. А эмпирический социализм практики даже без теоретического понимания себя самого—это политика Английской Рабочей Партии» (254).

Таков идеал Реннера. От Карла Маркса,—которого «ученик» покровительственно похлопывает по плечу—линия ведет прямо к... оппортунисту из оппортунистов Виктору Адлеру, а в наши дни прямехонько к... Рамзэю Макдональду.

Правда, был еще на свете тоже небезызвестный марксист—Ленин. Он проделал «великие эксперименты». Но «никакая наука в мире не могла бы предсказать великого ленинского эксперимента, в том числе и сам экспериментатор» (стр. 252).

В результате: марксизм, конечно, есть некая, весьма почтенная наука. Но только «фанатики», только «секта верующих» может излагать ее именно так, непременно так, как это делал «экспериментатор» Ленин. Об «оттенках» можно мирно поспорить. Но нельзя «бросать спор в массы и делать судьями в споре тех, кому нехватает самых необходимых предпосылок для того, чтобы составить себе какое бы то ни было научное суждение» (255).

Поэтому—«против идеологов!» (250). «Назад к опыту!» «Не дедукция из марксовых учений в пользу большевизма, меньшевизма, реформизма и других измов, а—индукция!»

«Чтобы пояснить дело одним примером: это—настоящий позор для марксистской школы, что еще не сделано ни одного научного опыта тщательно собрать весь материал о конкретных экономических мероприятиях русского хозяйства и сравнить их (советские мероприятия) с мероприятиями по социализации во всех других странах, точно сопоставить результаты и т. д.». Другими словами: это «позор» для «марксизма» реннеровской школы, что «социальный заказ» буржуазии и буржуазной социал-демократии на «научное» обоснование преимуществ капиталистической «социализации» перед «экспериментами» Ленина выполняется так плохо. Но это дело поправимое, г. Реннер! Г-н Гильфердинг, хотя и обременен занятиями в министерстве финансов германской буржуазии, еще найдет досуги для такой «благодарной» работы. Да, наконец, еще держит перо в руках сам Каутский. На основании «индукции» мы хорошо знаем, что все эти «теоретики» охотно выполняют социальные заказы против диктатуры пролетариата.

Итог «глубокой» статьи Реннера: и марксизм «остался» «наукой», и неизвестно, что такое марксизм—«марксизмов» существует, оказывается, не менее дюжины. И «индуктивный метод» торжествует—и лучшим видом марксизма об'явлен «марксизм без Маркса». А главное—за смертью Виктора Адлера наиболее выдающимся воплотителем марксизма на земле оказался... Макдональд. Вполне достойное «теоретическое» введение к работам Брюссельского конгресса II Интернационала! Вариации на эту тему в Брюсселе разработали Бауэр, Вандервельде, Гендерсон и К°.

* * *

Самым «значительным» своим «открытием» г. Реннер считает, как мы видели, открытие «марксизма без Маркса», каковой «марксизм» нашел свое воплощение в Английской Рабочей Партии. В самом деле! Разве не посрамлены этим «открытием» «догматики» и «сектанты»? «История английского рабочего движения с 1900 г. со времени основания Английской Рабочей Партии обогатила нас именно этим открытием» (стр. 249). Разве это не факт, что величайшая из рабочих партий мира «совершенно сознательно отказывается от какой бы то ни было единой идеологии — марксистской, антимарксистской или какой бы то ни было другой» (249). Это ли не чудо? Прямо—обезглавление головы и других частей тела! Полное торжество «индуктивного метода»!

Помилосердствуйте, г. Реннер! Зачем клеветать на Макдональда? Абсолютно неверно, будто они отказываются от какой бы то ни было идеологии. Антимарксистская идеология в очень большом ходу у вождей Английской Рабочей Партии. Либерально-буржуазная идеология есть тоже идеология. И она-то и есть идеология Макдональдов, которые являются не чем иным, как проводниками буржуазного влияния на пролетариат. «Идеология» Английской Рабочей Партии имеет очень прочные корни в капиталистической действительности современной Англии.

«Реальный факт, что организация воспринимает в свои ряды все, абсолютно все, что принадлежит к классу; реальный классовый характер Рабочей Партии, это в глазах Макдональда гораздо важнее, чем классовая идеология» (стр. 249)—не унимается г. Реннер.

«Все, абсолютно все, что принадлежит к классу»? И как божиться-то не лень, г. Реннер! Ведь вам отлично известно, что рабочих-коммунистов Макдональды изгоняют из Рабочей Партии и из профсоюзов, что между Макдональдами и Джиксами есть простое разделение труда: Макдональды и Томасы исключают коммунистов из профсоюзов, а Джойнсоны Хиксы и Болдуины сажают их в тюрьму. Да, да, в тюрьму—по самому испытанному «индуктивному» методу, к которому в потенцированной форме прибегали и Носке и сам господин австро-марксист Реннер (во время своей министерской деятельности)! Вот так «реальное классовое единство»!

«Марксизм без Маркса»! Г-ну Реннеру, видимо, и невдомек, что именно марксизм-то один в состоянии об'яснить,—конечно, подлинный марксизм Маркса, Энгельса, Ленина,—почему же именно в Англии вот уже в течение ряда десятилетий мы имеем «буржуазное рабочее движение», в котором очень сильна либерально-буржуазная «идеология» и по этому самому пока еще очень слаба «идеология» революционного марксизма.

Неужели г. Реннер так-таки ничего и не слышал о том, как еще с половины XIX века устанавливалась связь между оппортунизмом в английском рабочем движении и промышленной монополией Англии? Об этом когда-то умел писать и Каутский, когда он еще был марксистом.

Еще в письме Энгельса к Марксу от 7 октября 1858 г. говорилось: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, повидимому, довести дело, в конце-концов, до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией. Разумеется, со стороны такой нации, которая эксплоатирует весь мир, это до известной степени правомерно».

Еще 70 лет назад, таким образом, один из творцов научного коммунизма давал ключ к разрешению той «загадки», которую не может,—вернее, не хочет,— разгадать г. Реннер. А ключ этот годится и сейчас.

Пошляк Реннер называет Ленина «экспериментатором» и говорит, что «сам экспериментатор» не мог бы предсказать своей будущей дороги. О том, как Ленин применил учение Маркса к русским условиям, мы еще поговорим. Ну, а как «русский» Ленин отвечал на английскую «загадку», как применял он марксизм к условиям Англии и английского рабочего движения?

Ленин был вернейшим учеником и продолжателем Маркса. Ленинизм развил и обогатил марксизм в целом ряде областей. Только политические невежды или политические шарлатаны могут не знать, как много нового ленинизм сказал, между прочим, именно о проблеме социальных прослоек в самом пролетариате, как источнике раскола рабочего движения на оппортунистическое и революционное направления.

К вопросу о господстве оппортунизма в рабочем движении Англии Ленин обращался много раз. Не знать этих замечательных по своей глубине писаний Ленина стыдно для «ученого» г. Реннера. И, во всяком случае, незнание не есть аргумент. Особенно замечательны работы Ленина, написанные во время мировой войны.

В статье Ленина «Империализм и раскол социализма», написанной в октябре 1916 г., т.-е. за год до победы «эксперимента» Ленина в России, Ленин с исчерпывающей полнотой об'ясняет связь между оппортунизмом и империализмом в четырех крупнейших странах мира: трех главнейших странах Европы (Англия, Франция, Германия) плюс Америка. С особенной тщательностью Ленин прослеживает все теоретические обобщения, все даже отдельные замечания Маркса и Энгельса относительно зарождения оппортунизма в английском рабочем движении и связи этого явления с промышленной монополией Англии. Ленин прослеживает все замечания Маркса и Энгельса, начиная с 1858 г. (письмо Энгельса к Марксу от 7 октября 1858 г.) и кончая 1892 г. (предисловие Энгельса ко 2-му изданию «Положения рабочего класса в Англии»).

Те две тенденции, даже две партии в современном рабочем движении, которые так явно разошлись во всем мире, были «прослежены Энгельсом и Марксом в Англии в течение ряда десятилетий, приблизительно с 1858 г. по 1892 г.»,—писал Ленин. Маркс и Энгельс не дожили до империалистической эпохи. Но особенностью Англии было уже с половины XIX века то, что, по крайней мере, две крупнейшие отличительные черты империализма в ней находились налицо: 1) необ'ятные колонии и 2) монопольная прибыль. И Энгельс с Марксом, анализируя это исключение, совершенно ясно и определенно указывали связь его с победой (временной) оппортунизма в английском рабочем движении.

Когда Каутский в 1914—16 гг. в своем ренегатском усердии пытался и в этом пункте «исправить» Маркса и Энгельса, ссылаясь на то, что промышленная монополия Англии давно-де сломана, давно разрушена и ее нечего и нельзя-де вновь разрушать,— Ленин особенно подробно останавливался на фальши этого аргумента?

«В чем фальшь этого аргумента?

«В том, что, во-первых, обойдена колониальная монополия Англии... Если промышленная монополия Англии разрушена, то колониальная не только осталась, но чрезвычайно обострена, ибо вся земля уже поделена»...

«Во-вторых, почему монополия Англии об'ясняет победу оппортунизма (на время) в Англии? Потому, что монополия дает сверхприбыль, т.-е. избыток прибыли сверх нормальной... Из этой сверхприбыли капиталисты могут выбросить частичку (и даже не малую), чтобы подкупить своих рабочих, создать нечто в роде союза...—союза рабочих данной нации со своими капиталистами против остальных стран» (Н. Ленин, т. XIII, стр. 477).

«В 1848—68 гг. и частью позже монополией пользовалась только Англия; поэтому в ней мог на десятилетия победить оппортунизм... Последняя треть XIX века была переходом к новой империалистической эпохе. Монополией пользуется финансовый капитал не одной, а нескольких, очень немногих, великих держав... Тогда рабочий класс одной страны можно было подкупить, развратить на десятилетия. Теперь это невероятно, пожалуй, даже невозможно, но зато меньшие (чем в Англии в 1848—68 гг.) прослойки «рабочей аристократии» подкупить может и подкупает каждая великая держава. Тогда «буржуазная рабочая партия», по замечательно глубокому выражению Энгельса, могла сложиться только в одной стране... Теперь «буржуазная рабочая партия» неизбежна и типична для всех империалистических стран, но в виду отчаянной борьбы за дележ добычи невероятно, чтобы такая партия могла надолго победить в ряде стран» (там же, стр. 478—479).

Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин с несравненным мастерством вскрыл новейшую стадию «рабочего империализма», расцветшего прежде всего в Англии.

Пусть г. Реннер назовет нам другого «иностранного» деятеля рабочего движения, который так тщательно изучал каждый практический шаг рабочего движения Англии и, в частности, Английскую Рабочую Партию, как это делал Ленин.

Ленин был «русский», и, согласно Реннеру, ему полагалось по штату обогащать только русский опыт. Но Ленин задолго до Реннеров отдавал себе ясный отчет в том, какую большую всемирно-историческую роль предстоит сыграть английскому рабочему классу и какое поэтому гигантское значение имеет образование массовой рабочей партии в Англии, даже когда она находится в руках реформистов.

В октябре 1908 г.,—т.-е. двадцать лет назад—впервые во II Интернационале поставлен был вопрос о принятии в ряды Интернационала Английской Рабочей Партии. Ленин был тогда членом Международного Социалистического Бюро и стоял на левом крыле его. Как же высказался Ленин по этому вопросу? Он выступил за принятие этой партии, несмотря на ее реформизм,—именно в виду ее массового характера и в виду чрезвычайного своеобразия тогдашнего положения в этой партии. Но, именно, Ленин поставил вопрос по-марксистски. Каутский, который тогда еще не порвал с марксизмом, сделал принципиальные поблажки реформизму Английской Рабочей Партии. Виктор Адлер рассуждал, как от'явленный оппортунист. Один Ленин уже тогда проявил так много дальнозоркости в этом—не «русском», а «английском»—вопросе, что ленинцы в праве за одно это гордиться своим учителем. Ленин сказал по этому важному вопросу в 1908 году то, что сказал бы Маркс и Энгельс, если бы они были живы.

Вопрос этот настолько интересен, что мы позволим себе почти полностью привести описание, сделанное Лениным, тому заседанию Международного Соц. Бюро, на котором впервые решался вопрос об Английской Рабочей Партии.

Вот это описание:

«Первый вопрос порядка дня,—о допущении английской «Рабочей Партии» («Labour Party»),—занял все предобеденное заседание. Дело в том, что по уставу Интернационала членами его могут быть, во-первых, социалистические партии, признающие классовую борьбу, и, во-вторых, рабочие организации, стоящие на точке зрения классовой борьбы (т.-е. профессио-

нальные союзы). Образовавшаяся недавно в английской палате общин «Рабочая Партия» не называет себя открыто социалистической и не признает решительно и определенно принципа классовой борьбы. Но, само собою разумеется, что в Интернационал вообще и на Штутгартский Социалистический Конгресс в частности эта «Рабочая Партия» была допущена, ибо по существу дела эта партия есть организация смешанного типа, стоящая между теми двумя типами, которые определены в 1-м и во 2-м пункте устава Интернационала,—представляющая из себя политическое представительство английских трэд-юнионов. Тем не менее, вопрос о допущении этой партии был поднят и поднят ею самой в лице так называемой «Независимой Рабочей Партии», составляющей одну из двух подсекций британской секции Интернационала. Другую подсекцию составляет «С.-Д. Федерация».

«Независимая Рабочая Партия» требовала прямого признания того, что «Рабочая Партия» входит в Интернационал. Делегат ее, Брус Глейзиер, настаивал на громадном значении этого представительства в парламенте сотен тысяч организованных рабочих, все определеннее и определеннее идущих к социализму. О принципах, формулах, катехизисе он отозвался очень пренебрежительно. Каутский отвечал ему, отгораживая себя от этой пренебрежительной оценки принципов и конечной цели социализма, но всецело высказываясь за допущение «Рабочей Партии», как ведущей классовую борьбу на деле. Каутский предложил резолюцию такого содержания:

«Принимая во внимание прежние решения Международных Конгрессов, допускающие все организации, которые стоят на почве пролетарской классовой борьбы и признают политическую борьбу, Международное Бюро об'являет, что английская «Рабочая Партия» допускается на Международные Социалистические Конгрессы, так как она, не признавая прямо пролетарской классовой борьбы, ведет ее, тем не менее, на деле и становится на почву ее самой своей организацией, которая независима от буржуазных партий»...

«Я взял слово, чтобы присоединиться к первой части резолюции Каутского. Невозможно отказать в допущении «Рабочей Партии», т.-е. парламентского представительства трэд-юнионов, раз Конгрессы допустили уже раньше все трэд-юнионы вообще, даже передававшие свое представительство буржуазным парламентариям. Но неправильна,—сказал я,—вторая часть резолюции Каутского, ибо на деле «Рабочая Партия» не является действительно независимой от либералов и не ведет вполне самостоятельной классовой политики. Я предложил поэтому поправку: сказать в конце резолюции, начиная со слова «так как», —

«так как она (Рабочая Партия) представляет собой первый шаг действительно пролетарских организаций Англии к сознательной классовой политике и к социалистической рабочей партии».

«Эта поправка была мной внесена в Бюро. Каутский не принял моей поправки, заявивши в следующей своей речи, что на основании «ожиданий» Международное Бюро не может принимать решений... Отмечу еще, что Виктор Адлер, говоря после меня и до второй речи Каутского, возразил мне таким образом: — цитирую по отчету бельгийского социалистического органа «Le Peuple», дававшего наиболее подробные и точные отчеты о заседаниях, — «предложение Ленина соблазнительно (séduisante, Адлер сказал: verlockend заманчиво), но он не может заставить нас забыть тот факт, что «Рабочая Партия» встала вне буржуазных партий. Не наше дело судить, как она это сделала. Признаем факт прогресса»...

«Интернационал поступил бы безусловно неправильно, если бы не выразил прямо и решительно своего полнейшего сочувствия этому громадному шагу вперед массового рабочего движения в Англии, своего поощрения начавшемуся в колыбели капитализма великому перевороту. Но из этого вовсе не следует, чтобы «Рабочую Партию» можно было теперь уже признать

на деле независимой от буржуазии партией, ведущей классовую борьбу, социалистической и т. д.». (Н. Ленин Соб. соч., т. XI, ч. 1, стр. 126, 127, 128, 129, 130).

Повторяем, пусть г. Реннер назовет нам другого марксиста, который в оценке английской Рабочей Партии проявил бы так много внимания, такта к массовому рабочему движению в Англии, даже возглавляемому реформистами, и так много здорового марксовского недоверия к вождям-реформистам, «идеологам» реформизма. «Великий эмпирик» Виктор Адлер, как видит читатель, ничегошеньки не понял в 1908 году в характере английской Рабочей Партии. А великий «экспериментатор» Ленин показал самый реалистический подход к сложной проблеме английской Рабочей Партии.

Ленин никогда не «игнорировал» реформистское рабочее движение в Англии только за то, что оно реформистское. Он изучал его сам и помогал изучать его другим (он, например, еще в 90-х годах перевел на русский язык известную книгу Вэббов о трэд-юнионах). И он умел с такой же глубиной, как ранее Маркс и Энгельс, оценивать английское рабочее движение.

До 1914 года Ленин и его сторонники входили во II Интернационал и считали возможным — на известных условиях — сидеть в нем вместе даже с английской Рабочей Партией. После краха II Интернационала в 1914 году, после перехода английской Рабочей Партии на сторону воинствующего империализма в 1914—1918 гг. об этом, конечно, более не могло быть и речи. Но о своеобразии и массовом характере английской Рабочей Партии Ленин не забывал и сейчас.

В 1920 году—в «Детской болезни «левизны» и в речах на втором конгрессе Коминтерна — Ленин вновь дал нам замечательные по глубине образцы марксистских оценок своеобразия английского рабочего движения.

А вот теперь — в 1928 году — приходит Реннер и делает «открытие», что нынешняя английская Рабочая Партия, возглавляемая Томасами и Макдональдами, есть «марксизм без Маркса», есть воплощение марксизма на земле. Предательство стачки горняков и всеобщей забастовки 1926 г., продолжение грабительской политики в Индии во время премьерства Макдональда в «рабочем» правительстве, поддержка Чемберленов, когда они громят китайскую революцию и готовят войну против СССР, поддержка «мондизма», доброжелательное отношение к черносотенному биллю о профсоюзах—все это тоже «марксизм без Маркса», г. Реннер? Что же тогда называется национал-либеральной «рабочей» политикой, что же называется черным предательством дела пролетариата?

* * *

«Никогда рабочий класс во всем мире не упускал случая для борьбы, раз только эта возможность борьбы представлялась ему—в мастерской ли, на заводе или при создании революционной ситуации во всем государстве. Напротив. Рабочий класс навлек на себя бесчисленные малые поражения и многие большие катастрофы именно потому, что стихийные аппетиты масс всегда идут дальше, чем то, что действительно достижимо» (стр. 251).

В первой из этих фраз г. Реннера содержится грубейшая лесть рабочим, направленная к тому, чтобы замазать предательскую роль с.-д. вождей. Грубо польстив массе в первой фразе, автор тут же во второй фразе изображает массу толпой, которая руководится только слепыми «аппетитами»— и этим автор хочет взвалить на стихийность массы все те действительные беды, поражения и катастрофы, которые навлекают на рабочий класс измены с.-д. вождей.

Неправда, что никогда рабочий класс во всем мире не упускал ситуаций, пригодных для борьбы. Он упустил ее, например, в конце империалистской войны в 1918—1919 гг. в таких передовых и культурных странах, как Германия, Австрия, Франция и т. д. Конечно, в этом приходится видеть не вину, а беду рабочего класса. Пролетариат упустил тогда революционную ситуацию именно потому, что налицо была сильная — слишком сильная!— социал-демократия, ставшая к этому времени буржуазной рабочей партией. Он упустил ее не только потому, что у него не было еще достаточно сильных марксистских, т.-е. большевистских, партий, но именно потому, что его связали по рукам и ногам сильные антимарксистские, т.-е. социал-демократические партии. Не чрезмерные стихийные «аппетиты» масс, а переход на сторону буржуазии рабочей бюрократии и рабочей аристократии навлекли на рабочий класс поражения и катастрофы.

Достаточно напомнить лишь, некоторые факты того времени.

Эберт, уже будучи президентом германской республики, сам рассказал на известном судебном процессе, как он и весь ЦК германской с.-д. партии саботировали стачки рабочих, входили в стачечные комитеты с одной целью— разложить ряды рабочих, «возглавить, чтобы обезглавить», как с.-д. вожди до последней минуты боролись против революции, против низвержения кайзера и т. п.

Только с.-д. вождям, руководителям «буржувзной рабочей партии», т.-е. агентам буржуазии в среде рабочих, могло удаться так легко деморализовать Советы Рабочих и Солдатских Депутатов в Германии. Только вождям социал-демократии могла удаться такая драгоценная для буржуазии «работа», как проведение с.-д. партией решения на всегерманском с'езде Рабочих и Солдатских Депутатов о своем собственном роспуске. В недавно вышедшей книге майора Фолькмана приведены «тезисы» Людендорфа и Гинденбурга (тогдашнего верховного командования) от 16 ноября 1918 года о необходимости вхождения офицеров в Советы Солдатских Депутатов. «Интеллигентные и благонамеренные элементы Солдатских Советов (т.-е. соц.-дем.) сумели добиться того, что рядовые солдаты вновь вспомнили о военной дисциплине. Советы Солдатских Депутатов, таким образом, часто умели стать той организацией доверия, которая путем идейного воздействия возвращает офицеру силу командования над рядовым». (Майор Эрик Отто Фолькман, «Марксизм и немецкое войско в мировой войне», стр. 317—319 нем. изд.).

Эту неоценимую для буржуазии контрреволюционную работу выполняли с.-д. вожди всюду, где начинали бушевать волны подлинной революции.

То же самое происходило и в Австрии.

Нынешний «левый» вождь II Интернационала, Отто Бауэр (друг г. Реннера), так описывает дни переворота 1918 г. в Австрии:

«В дни переворота типом революционера был «демобилизованный», возвращающийся домой солдат, преисполненный, вследствие ужасных переживаний, дикими (!) страстями, убежденный, что оружием и ручными гранатами он может насильственно опрокинуть все существующее». Но против этого типа революционера выступили, видите ли, другие «типы». «Это были те десятки тысяч доверенных людей с.-д. партии, профсоюзов, членов рабочих и солдатских советов, фабрично-заводских комитетов, которые путем работы, полной величайшего сознания ответственности, направляли пробужденную революцией энергию масс, готовых погубить в своем революционном бешенстве (!!) самую революцию, на плодотворную творческую работу» («Австр. Революция», русск. пер.—89).

Да, «заслуги» этих других «типов»—«доверенных лиц» с.-д. партии, чиновников, верхов буржуазной рабочей партии—неизмеримо велики. Это они спасли «свою» буржуазию от «красногвардейского социализма» (как любили говорить «наши» меньшевики), это они посильно спасали свою европейскую буржуазию от «волны большевизма, прокатившейся по всей Европе» (Бауэр). Только «буржуазная рабочая партия» и могла спасти буржуазную «цивилизацию» от разыгравшегося «безумия стихий».

Послушайте, как описывает положение тот же Отто Бауэр:

«Революция разбила аппарат господствующего милитаризма, подавляющего рабочий класс. Последний стал свободным. Он уже не подчинялся никакой военной силе...

В казармах фактическая власть находилась не в руках офицеров, а солдатских советов. Никакая принудительная военная сила не могла заставить народную армию подчиняться капиталистическому правительству...

Рабочие и солдаты могли каждый день установить пролетарскую диктатуру. Не было силы, которая могла бы им в этом воспрепятствовать... (там же, стр. 178).

Во время дискуссий, которые велись в солдатских советах, происходила борьба между с.-д. и коммунистами. Солдаты надеялись с оружием в руках добиться победы пролетариата...

«Диктатура пролетариата. Вся власть Советам» — только и слышно было на улицах» (там же, стр. 118).

Так кипели рабочие массы. Так рвались они свергнуть власть капиталистов. При таком положении дел поистине на вес золота ценились услуги, оказанные капиталистам «доверенными лицами» социал-демократии, которые одни только сумели «утихомирить» разбушевавшиеся страсти—конечно, не без помощи «офицеров старой армии», не без «маленького» кровопускания рабочим.

Оценивая эту полосу революционного кризиса, Ленин в речи, подводившей итог первому году работы Коминтерна, говорил:

«Если бы Интернационал (имеется в виду II Интернационал) не был в руках предателей, которые спасли буржуазию в критический момент, то много шансов было бы на то, что во многих воюющих странах непосредственно с окончанием войны, а также в некоторых нейтральных странах, где был вооружен народ, революция могла бы произойти быстро, и тогда исход был бы иным».

А небезызвестные вам венские события июля 1927 года, г. Реннер? Массы-то, действительно, не хотели упустить случая свести счеты с подлейшей реакционной буржуазной кликой. Но какова оказалась тут роль австрийской с.-д. партии, возглавляемой «австро-марксистским центром»? Вожди австрийской с.-д. побили все рекорды самого низкого, самого отвратительного предательства. Ведь еще на-днях, в годовщину венских событий, эти забрызганные кровью рабочих «вожди» вместе с Зейпелем оплакивали убитых в июле 1927 года фашистских громил и полицейских с такой елейностью, с такими обильными слезами, что трудно было все это читать без омерзения. Когда смотришь на фотографический снимок, где с.-д. вожди: Реннеры, Зейцы и К°—сняты на похоронах жертв венского восстания вместе с попами, буржуазными парламентариями и полицейскими, то живо вспоминаешь картину похорон контрреволюционных казаков в июльские дни 1917 г. в Питере. Вожди «наших» эсэров, гг. Керенские и К°, тоже в окружении попов, полицейских и белогвардейской сволочи, оплакивали не убитых белой гвардией рабочих, а убитых рабочими белогвардейцев.

В восстании венских рабочих в июле 1927 года был подлинный марксизм массы. Ну, а ваша роль, г-да Реннеры? Это была роль Носке в переводе на «австрийский» язык...

* * *

Чтобы прикрыть эту трижды позорную контрреволюционную роль социал-демократии—только для этого понадобилась вся «новая» теория г. Реннера относительно существования нескольких «марксизмов». Мы все «марксисты»—каждый по-своему! Мы все обобщаем «опыт» своей страны—каждый «марксизм» по-своему! Да здравствует «опыт», да здравствует «практика», да здравствует «гениальный эмпиризм», «индуктивный метод», да здравствует реализм масс! Неужели вы против этого?...

Что рабочий класс каждой страны внесет в международную революцию нечто свое, будет итти к ней своими путями, что драгоценен опыт самих масс—не вам, г. Реннер, учить этому марксистов. Тут вы бьете нам челом нашим же добром.

Марксизм весь стоит на диалектике.

«Вся теория Маркса,—писал Ленин,—есть применение теории развития—в ее наиболее последовательной, полной, продуманной и богатой содержанием форме—к современному капитализму. Естественно, что для Маркса встал вопрос о применении этой теории и к предстоящему краху капитализма и к будущему развитию будущего коммунизма.

На основании каких же данных можно ставить вопрос о будущем развитии будущего коммунизма?

На основании того, что он происходит из капитализма, исторически развивается из капитализма, является результатом действий такой общественной силы, которая рождена капитализмом.

У Маркса нет и тени попытки сочинять утопии, по пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется» (Том XIV, ч. 2, стр. 365—366).

Или в другом месте:

«Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания... На каждой ступени развития, в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать.. об'ективно неизбежную диалектику человеческой истории» (В. И. Ленин. «Маркс. Энгельс. Марксизм», изд. Института Ленина, 1925 г., стр. 29—30).

Несколько «марксизмов» это на деле значит—никакого марксизма. Вот что хочет сказать г. Реннер!

«Если под марксизмом понимать эмпирическую науку, а не идеологию, тогда легко понять, что законченной науки о вещах, которых Маркс сам не пережил, сам не видел, вообще существовать не может,—поучает Реннер.—Ведь Маркс умер вот уже 1½ поколения назад... Его теоретические положения ни в коем случае не должны рассматриваться, как каноны для наших действий» (Реннер, там же, стр. 255).

«Теория» нескольких «марксизмов» есть крайне удобное оправдание для теории взаимной амнистии социал-предателей различных стран. Ведь в начале империалистской войны 1914 года и Шейдеман с Эбертом, с одной стороны, и Вандервельде с Реноделем, с другой стороны, защищая капиталистов «своей» страны, одинаково ссылались на «марксизм». А Каутский и весь «марксистский центр» примиряли тех и других ссылкой именно на то, что и те и другие только обобщают опыт своей страны...

Если рабочих заставить «немножко» перерезать друг друга в империалистской войне за «защиту отечества» капиталистов—это ведь тоже можно об'яснить различными «оттенками», различными толкованиями «марксизма». Если помочь империалистам задушить революцию в Китае или об'явить «демократическую войну» против СССР—это ведь тоже можно

истолковать, как борьбу за «марксизм», только несколько по-иному понимаемый.

Формула «марксизма без Маркса» есть только перефразировка энгельсовой формулы «буржуазного рабочего движения». Только Энгельс говорил о последнем, бичуя либеральную рабочую политику А Реннер—прикрывая и восхваляя ее. Рабочее движение без марксизма — вот что хочет провозгласить своей теорией «дюжины марксизмов» г. Реннер. Рабочее движение без пролетарской революционности—вот идеал современных «передовых» либеральных рабочих политиков.

И для этого пускается в ход все. Для этого можно в «изящной», легкой, «венской», «остроумной» форме чуточку подшутить даже над самим собой. «Я, конечно, не такой чудак, чтобы в момент, когда сам доказываю, что теперь существует более чем полдюжины марксистских школ, я стал утверждать, что именно моя интерпретация Маркса единственно правильна и спасительна»—пишет Реннер (стр. 250). Какая «тонкая» постановка вопроса! «Нам» не нужно «монополии» правильного понимания марксизма. С «нас» достаточно все осмеять, по всем направлениям посеять скептицизм, все облить ядом раз'едающих сомнений, под видом «науки» преподнести утонченнейшую подделку под марксизм, дать «теоретическую» энциклопедию и «научную» базу для измен. Пока с «нас» достаточно этого идеологического яда. А придет вновь пора стрелять в спину рабочим, разгонять их Советы, выпускать против них фашистские банды—это сумеют отлично сделать наши «практики»...

* * *

Чтобы «откупиться» от марксизма и под этим прикрытием протащить свою национал-либеральную контрабанду, г. Реннер подводит следующий итог:

«Учения русского большевизма представляют собой только индуктивное оправдание русского опыта. как нынешний немецкий марксизм является индукцией германского опыта, а австро-марксизм—специфически австрийского опыта. Но каждое из этих учений ограничено не только географически—каждое из них представляет еще только опыт вчерашнего и позавчерашнего дня» (стр. 253).

Вздор, г. Реннер!

Большевизм отнюдь не представляет собой какой-то «русский социализм», как того хотелось бы г. Реннеру.

Большевизм представляет собою, конечно, также и русский опыт—но не только его. Большевизм есть марксизм современной эпохи. Ленинизм есть марксизм эпохи монополистического капитализма (империализма), империалистических войн и пролетарских революций. Эту формулу официально принял Коминтерн в 1925 году, и она абсолютно верна. Большевизм есть теория и тактика мировой революции.

Если поверить Реннеру, то сам «экспериментатор» Ленин не смог бы предсказать своих «экспериментов» 1917 года! Г-н Реннер, видимо, и не слышал, что уже в 1894 году в одном из первых своих произведений («Что такое друзья народа?») Ленин в основном изложил учение большевизма применительно к условиям России и что с тех пор основная мысль большевизма—гегемония пролетариата в демократической революции в России и перерастание этой революции в социалистическую под диктатурой рабочего класса—красной нитью проходила более 25 лет через все сочинения Ленина. Г-н Реннер, видимо, не слышал и о том, что уже в 1915 году Ленин от имени нашей партии—тогда гонимой и бешено преследуемой царизмом и мировой буржуазией «секты»—отвечал на вопрос, «что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне», и отвечал именно в духе будущего «эксперимента» 25 октября 1917 года (см. известные ленинские «Несколько тезисов» от 13 октября 1915 года).

На свете существует только один марксизм: Маркса, Энгельса, Ленина. Следуя Энгельсу («От утопии к науке», «Анти-Дюринг»), Ленин справедливо указывает на то, что марксизм является продолжением и завершением трех главных идейных течений XIX века: 1) классической немецкой философии, 2) классической английской политической экономии и 3) французского социализма.

«Учение Маркса всесильно, потому что оно верно. Оно полно и стройно, давая людям цельное миросозерцание, непримиримое ни с каким суеверием, ни с какой реакцией, ни с какой защитой буржуазного гнета. Оно есть законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма» (Н. Ленин, соб. соч., т. XII, ч. 2, стр. 55).

При своем возникновении научный социализм должен был, как и всякая новая теория, использовать идейный багаж, который он застал при своем появлении. Таким материалом и являются указанные три источника марксизма.

В статье «Карл Маркс» Ленин отмечает следующие составные части миросозерцания Маркса: философский материализм, диалектику, материалистическое понимание истории, экономическое учение, научный социализм и тактику классовой борьбы пролетариата,—разумеется, включая сюда учение о диктатуре пролетариата. Марксизм в своем исследовании охватывает как вопросы жизни природы, так и вопросы общественного развития. Но марксизм не только «об'ясняет» мир, но намечает и пути изменения мира.

Маркс и Энгельс подытоживали прежде всего опыт общественных движений во Франции, Англии и Германии. Ленинизм, вырастая из учения Маркса и опыта Запада, боролся в первых рядах против извращений марксизма западно-европейскими социал-демократами (борьба Ленина против оппортунизма вообще и каутскианства в частности), и в то же время ленинизм, пользуясь методом Маркса, смог подытоживать уже и опыт великих революционных движений на Ближнем и Дальнем Востоке и на границах к Востоку— в России, Китае, Индии и т. д.

Без Маркса нет Ленина. Но после того, что сделали с марксизмом вожди II Интернационала, после той «ревизии» марксизма, которую проделали Каутский и К° под флагом Маркса (особенно в борьбе этих ренегатов марксизма против пролетарской диктатуры в России), приходится сказать, что без ленинизма в нынешней обстановке не может быть революционного марксизма.

Ленинизм одержал свою первую непосредственную победу в стране с большинством крестьянского населения (Россия). Но как сама русская революция выросла из всей международной обстановки, так и ленинизм есть продукт всего международного пролетарского движения. Очистив марксовы оценки великих пролетарских движений XIX века (чартизм, Парижская Коммуна) от оппортунистических извращений, прибавив к этому марксистскую оценку опыта растущих новых массовых пролетарских движений Европы, Америки и других частей света, учтя великое значение крестьянских и национально-революционных движений, заявивших о себе с особой силой с начала XX века,—Ленин поднял учение Маркса на новую высоту.

Будущее принадлежит марксизму-ленинизму.

Б. Маркус.

Рабочее время в СССР.

(Ответ международному бюро труда при Лиге Наций).

В связи с манифестом ЦИК СССР и началом проведения 7-часового дня международное бюро труда при «Лиге Наций» сочло необходимым и своевременным предпринять экскурсию в область проблемы рабочего времени в СССР. Экскурсии этой усиленно хотели придать характер об'ективного, нейтрального исследования с научной целью. Для исполнения этой миссии дозарезу необходим был хотя бы напрокат какой-нибудь «профессор», который принял бы на себя роль «маститого» знатока рабочего вопроса в СССР. На всякий спрос находится соответственное предложение. Нашлось и здесь. Правда, лицо какого-нибудь Загорского или Шварца давно слиняло от житейских передряг, поблекло и потерлось от времени, но зато оно оказалось совершенно подходящим под символически желтый цвет обложек всех изданий бюро труда при Лиге Наций. Осталась одна неприятность—имя... Имя, увы, слишком компрометирующе пахнет даже в Европе. Бюро Труда решило перехитрить: оно выпустило автора в свет анонимно, выдав его лицо за свое собственное и приняв тем самым на себя ответственность за высказанные в статье положения и взгляды. Маска, конечно, не скрывает торчащих длинных ушей меньшевика, но самый маскарад и знаменателен и поучителен.

Бюро труда при Лиге Наций, бюро предпринимателей и реформистов, призванное в силу самого своего существования морочить рабочих обещаниями будущих благ «в мировом масштабе», давно уже оскандалилось на практике своей полной бездеятельности в области практического улучшения условий труда. За 10 лет, прошедших со времени подписания Версальского договора, возлагавшиеся на него надежды и иллюзии развеялись, как дым; как мыльный пузырь, лопнули чаяния некоторых наивных людей на то, что от этой овцы, пасущейся на подножном корму на лугах Лиги Наций, можно будет получить хоть какой-нибудь шерсти клок. Находятся, однако, еще по сей день простаки, носящие вату в ушах, воспринимающие жизнь сквозь формулу «все существующее разумно и благо». Они силятся найти оправдание существованию бюро труда и находят его в том, что бюро якобы играет положительную роль, как источник правильной международной информации о положении труда в разных странах. Конечно, такая «простота хуже воровства», но с ней приходится считаться, как с фактом. С ней приходится еще бороться. В расчете именно на таких простачков бюро труда предоставляет страницы своих печатных органов перу некоторых авторов, профессионально занятых систематическим обманом читателя. На примере той статьи, которую нам придется разобрать, качество информации бюро труда видно весьма прозрачно.

Сначала на французском языке в мартовском и апрельском номере «Revue internationale du Travail», позже в майском и июньском номере

«Internat. Rundschau der Arbeit» появилась пространная статья, носящая название «Проблема нормального рабочего времени в Советском Союзе».

Не удержавшись на намеченном спокойно повествовательном тоне, подкрепленном «ученым» арсеналом цитат и ссылок, автор статьи то и делс сбивается на иронически ядовитые кавычки и под конец, касаясь проблемы семичасового рабочего дня, переходит просто на беззастенчивый крик буржуа, призывающего полицию на помощь против красного призрака.

Рядясь в шелуху левых фраз, бюро труда делает вид, что оно недовольно нашей «правизной», допущенными нами «отступлениями» от принципа 8-часового рабочего дня. Оно беспокоится за судьбу наших рабочих и дает им следующий бескорыстный совет:

> «Было бы благодарной задачей российской рабочей политики побороть нарушения восьмичасового дня в промышленности, на транспорте и далеко идущие исключения для многочисленных других групп нанявшихся и доставить полную победу принципу 8-часового рабочего дня. Для достижения этой цели необходимо еще как-никак проделать большой обратный путь».

Внезапно, однако, наш «левый» критик делает головокружительную мертвую петлю и, появляясь совсем не с левой стороны, с головой выдает себя. Он вынужден признать, что говорит все это только для того, чтобы «доказать» несвоевременность об'явления перехода на 7-часовой рабочий день. Вот здесь-то и зарыта собака:

> «Однако (!) сейчас советское правительство об'явило, что ставит целью своей политики проведение в ближайшие годы семичасового рабочего дня для промышленных рабочих».

Автор спешит с удовлетворением пожать руку троцкистам, он удостоверяет правоту оппозиции ВКП(б), подчеркивавшей на юбилейной сессии ЦИК Союза, что введение 7-часового дня якобы «вызвано мотивами демагогического порядка» «стремлением» перекозырять «оппозицию социально-политическим радикализмом». Впрочем, тут же он добавляет и свою аргументацию. С видом петуха, самодовольно извлекающего из навозной кучи жемчужное зерно, он возвещает миру:

> «..На юбилейное обещание влияли, вероятно, частично наивные хозяйственно-политические соображения, а именно стремление повышенного использования технического оборудования производства путем введения широко распространяемых ночных работ (системы 2-х и 3-х смен) также для женщин, а при надобности и для несовершеннолетних».

С той же развязностью автор утверждает далее, что советская власть заметно стремилась подождать еще с проведением семичасового рабочего дня, но идея эта нашла глубокий отклик в стране, что на местах ее восприняли всерьез, поэтому-де ВСНХ был вынужден издать приказ, запрещающий перевод предприятий на 7-часовой рабочий день вне твердого плана и без особого разрешения правительственной комиссии, а ВЦСПС подтвердил эту мысль в информационно-директивном письме. Намекая на то, что этим-де доказано, что в центре бьют отбой, автор многозначительно заканчивает статью утверждением, что «*трудно при этих обстоятельствах еще сказать, будет ли об'явленный принцип 7-часового дня иметь где-либо практическое значение*» [1].

Надо отдать справедливость, во имя «доказательства» этих центральных утверждений, автор не пожалел трудов. Он кропотливо подобрал, вер-

1) Характерная деталь: в немецком тексте, вышедшем в свет на 2 месяца *позже* французского, «для стройности» текста выпущено даже упоминание о текстильных фабриках, перешедших уже на 7-часовой день в 1928 году.

нее отобрал, материал об истории законодательного регулирования рабочего времени в России, начиная от царя-гороха до наших дней. Здесь изложено и царское законодательство о рабочем времени и «заслуги» деятелей временного правительства. При этом нам показывают «чудеса в решете»: реакционнейший закон о рабочем времени, устанавливавший 11½-час. день, изданный в 1897 году, закон, ухудшавший фактическое положение рабочих, закон, подвергнутый в свое время уничтожающему огню убийственной критики т. Ленина [1]), оказался столь благодетельным, что позволил отнести царскую Россию к числу «немногих государств в Европе, которые издавна ограничивают законом рабочее время не только женщин и подростков, но и взрослых мужчин».

Столь же «нечаянно» автор сообщает, что среднее рабочее время в промышленности при царизме перед войной «составляло 9,6 часа». Видимо только «неосведомленность» или «стыдливость» не позволила упомянуть, что фактическое среднее рабочее время вместе со сверхурочными составляло к 1913 г.—10 часов [2]). К тому же из 2-х млн. пром. рабочих, подчиненных надзору фабр. инсп, в 1913 г. 10 часов и больше работало 58,9% всех рабочих, в т. ч. 15,5%—больше 11 часов [3]).

Далее автор, что называется, из кожи лезет вон, чтобы доказать, что уже Февральская революция принесла 8-часовой день для *большинства* нанявшихся в промышленности, транспорте и торговле. Пользуясь случаем, он делится с нами новостью, о которой мы до сих пор и не подозревали: оказывается, на ряду с Загорским отцом неизданного меньшевистского закона о 8-час. дне был проф. А. Быков—тот самый, который раньше был фабричным инспектором, а позже, через 3 года после Октября, оказался расстрелянным ленинградской ЧК за контрреволюцию. Истина, стоящая нашего внимания, хотя бы потому, что великолепно иллюстрирует, каким людям вверяли меньшевики заботы о рабочем законодательстве. Однако, и здесь слеза, уроненная по «убиенном» Быкове, затуманила взор «исследователя», он случайно опускает цифровые данные, а они как раз свидетельствуют о том, что не только на транспорте и в торговле, но даже в промышленности, где часть рабочих, не спросся разрешения меньшевиков, успела захватным порядком осуществить 8-часовой день, — даже в промышленности средний рабочий день вместе со сверхурочными составлял в 1917 году все еще 8,92 часа, т.-е. 9 часов без пяти минут [4]).

Совершенно иначе «пишется история» после Октября 1917 года. Употребив красные чернила на период Февральской революции 1917 года, автор пишет дальше какой-то розовой жидкостью, которая становится совершенно бесцветной, когда речь заходит о положительных чертах советского трудового законодательства. Снисходительно одобрив декрет о 8-часовом рабочем дне от 29 октября 1917 года и даже Кодекс Труда 1918 года, наш прокурор делает пару выпадов против редакции КЗоТ 1922 года. При этом особенного внимания его заслужило примечание к ст. 94 КЗоТ, устанавливающее ненормированный рабочий день для ответственных работников (какие же варвары наши ответственные полит-, проф- и совработники: не поблагодарили даже тех, кто о них так заботится!).

1) См. Н. Ленин—«Новый фабричный закон», т. I, Собр. Соч. ГИЗ. 1924 г., стр. 301—340.

2) См. С. Струмилин—«Заработная плата, производ. труда в русской промышленности в 1913—1922 гг.». Москва, 1923 г., стр. 49. Косвенно подтверждено сборником ЦСУ—«Итоги десятилетия советской власти в цифрах». 1917—1927 гг. (стр. 338), где приведены данные без сверхурочных работ.

3) Данные фабричной инспекции,—цитирую по книге Шварц и Зайцев—«Молодежь СССР в цифрах», стр. 21 и 36.

4) См. Струмилин—там же.

Далее развертывается огонь по всей линии фронта: ведется подробное изложение отдельных наших законов, направленных якобы «к далеко идущему ослаблению регулирования рабочего времени в СССР». Наша ахиллесова пята, оказывается, находится в следующих четырех направлениях.

1. Мы виновны в том, что применение ненормированного рабочего дня постепенно было распространено значительно шире, чем это указано рамками примечания к ст. 94 КЗоТ (речь идет о ненормированном дне на транспорте, для специалистов, оплачиваемых по индивидуальным договорам).

2. Мы грешны тем, что мысли о продолжительности присутствия на работе («Arbeits bereitschaft») противопоставляется мысль «об эффективном» рабочем дне, которому придается все большее распространение (месячный учет рабочего времени, эффективный рабочий день для ряда работников на транспорте, регулировка работы для домработниц).

3. Понятие о сезонных работах толкуется распространительно, причем для сезонных рабочих установлено якобы «эластично» растягиваемое рабочее время и игнорирование принципа 8-часового дня (на практике, мол, удлинение рабочего дня применяется для сезонных работ, не перечисленных в списках НКТ СССР, не урегулирован рабочий день в крестьянских хозяйствах).

4. Наконец, число допущенных сверхурочных часов повышается применением их для целого ряда отраслей труда, круг коих значительно шире, чем одни лишь сезонные работы.

Эти общие рассуждения автор пытается далее подкрепить цифровым материалом о фактическом рабочем времени. Тут он пользуется изумительно «честным» приемом. Приведя таблицу с данными ЦСУ о рабочем времени, показывающими на ряду с прочими моментами, что в 1926 году средний рабочий день в СССР вместе со сверхурочными работами составлял для промышленных рабочих 7,5 часов, автор делает вид, что этой цифры он не заметил. Все его внимание переносится на подчеркивание данных о сверхурочных работах: при этом для вящшей убедительности данные, относящиеся ко всей промышленности СССР в целом, не подвергаются анализу, а взамен этого тщательно разбираются и подбираются материалы, относящиеся к Украинской ССР, к отдельным производствам и даже к отдельным предприятиям, отмечаемым в газетных заметках, как наиболее злоупотребляющие сверхурочными работами.

Что и говорить, испытанный метод критики! Беда заключается лишь в том, что люди, не порвавшие с обыкновенной логикой, называют его «п о д м е н о й целого частью». Сшив такими белогвардейскими, виноват, белыми нитками свой обвинительный акт о нарушении 8-часового дня в промышленности, автор считает просто излишним обращаться к каким бы то ни было цифровым материалам о рабочем времени на транспорте и в других отраслях труда. Он просто требует, чтобы ему на слово поверили, что здесь дело обстоит весьма печально, ибо самое законодательство изрешетено отступлениями. Единственный подкрепляющий аргумент заключается при этом в том «солидном» обстоятельстве, что всякое упоминание о борьбе со сверхурочными работами в СССР сопровождается язвительным включением слова «борьба» в кавычки.

Что и говорить, все это было бы и печально и страшно, если бы хоть немного походило на истину, но, как известно, на честном слове, как и на песке, нельзя ни строить выводов, ни укреплять обвинений.

II.

После веселого сопровождения легкого, свободного полета фантазии автора, доказывающего, что в области рабочего времени большевики в переходе на 7-час. день совершают очередное зверство, мы вынуждены просить

читателя соприкоснуться с прозаической землей. Для этого нам придется вооружиться лопатой терпения, разгрести нагроможденный словесный мусор и вбить сваи основных цифровых показателей. Опираясь на твердый фундамент, мы сможем рассмотреть весь вопрос в двух сечениях: 1) в плоскости изучения фактического рабочего времени для отдельных категорий труда в СССР; 2) в плоскости сравнения с фактическим состоянием рабочего времени в других странах.

Для логичности изложения мы считаем необходимым сделать попытку некоторого, хотя бы весьма приблизительного цифрового подсчета того, на какие численные категории распространяются наши отдельные законы о рабочем времени. Лишь после такого «об'емного» определения законодательства мы перейдем к учету фактического рабочего времени.

Такой ход изложения нам необходим только потому, что, с одной стороны, автор статьи подробнейшим образом рассказывает на многих страницах о допущенных нами «отступлениях» от принципа 8-часового рабочего дня, изрешетивших наше законодательство: исходя из того места, которое уделяется этим отступлениям, читатель должен сам сделать неизбежный вывод о том, что они распространяются на огромное число трудящихся. С другой стороны, автор не находит ни места, ни времени рассказать о степени применения сокращенного рабочего времени.

С последнего мы и начнем.

Весьма характерна для «беспристрастного» исследователя такая мелочь, что из десяти страниц текста, излагающего и изолгавшего наше законодательство, автор нашел на задворках, в конце ровно 12 строк для сообщения о сокращенном рабочем дне на подземных, особо тяжелых, опасных и вредных работах, утверждая, что «он применяется в совершенно узких границах для единичных групп рабочих». Нужды нет, что один лишь перечень профессий, в коих установлен сокращенный рабочий день, составляет весьма разнообразный и далеко не короткий многостраничный список, нужды нет, что каждый грамотный человек, имея в руках этот перечень, может справиться с материалами профессиональной переписи и произвести хотя бы грубый ориентировочный подсчет, который покажет, что п о з а к о н у в восьми основных производствах (горн., металлообр., химич., полиграф., текстильн., обраб. живот. прод., бумажн., доб. минералов) сокращенный рабочий день полагался в 1927 г. 196,9 тысячам рабочих, т.-е. охватывал примерно 9% рабочих этих отраслей промышленности [1]).

Все это «не касается» ученого «исследователя», ибо явно портит стройность всей его статьи.

Весьма неохотно, как бы нечаянно, упомянув вскользь в придаточном предложении о сокращенном рабочем дне для лиц умственного и конторского труда и для несовершеннолетних, автор тотчас же пытается отойти от этих вопросов, как малозначащих. Между тем, если бы мы попытались хотя бы грубо подсчитать, скольких человек касается сокращение рабочего дня, установленное этими законами, то оказалось бы, что одних лишь служащих, имеющих право на 6-час. день, имеется, примерно 1,5—1,8 миллиона человек [2]).

[1]) Исчисления Статотдела НКТ СССР. По отдельным производствам эти данные приведены в брошюре Б. Маркус—«Семичасовой раб. день», изд. «Моск. Раб.», 1927 г., стр. 20.

[2]) Взяты данные ЦСУ о численности гос. служащих по СССР на 1/V—1926 г. без служащих торговли, милиции, угрозыска и не считая двух третей врачебно-санитарного персонала, получается 1,5 млн. («Статист. Справ. СССР 1927 г.», стр. 282—283). Аналогичные грубые подсчеты произведены нами на основании данных Госплана СССР о числе самодеятельных лиц, занятых в народном просвещении, народном здравоохранении (одна треть) и прочих государственных, общественных и частных учреждениях и организациях (не считая служащих на транспорте, в промышленности, строительстве, наркосвязи и т. д.), получается цифра в 1,9 млн. (См. «Контр. цифры нар. хоз. СССР на 1927—1928 г.», стр. 462).

Число одних лишь рабочих подростков от 14 до 17 лет включительно, имеющих право на сокращенный рабочий день, исчисляется на 1/I—27 г. в цензовой промышленности, расположенной в городах, почти в 117 тыс. человек, если к этому прибавить подростков, занятых в мелкой промышленности, в строительстве, на транспорте и в торговле, то мы получим цифру около 180.000 человек [1]).

Всего, таким образом, законодательные нормы о сокращенном рабочем дне распространяются минимум на 2—2,3 млн. человек из общего числа занятых по найму в СССР 10 миллионов (вместе с сельхоз. рабочими).

Этими «пустяками» вынужден пренебречь автор «беспристрастной ученой статьи», ибо весь этот балласт упрямых фактов явно мешал бы ему вознестись на те «командные высоты», с которых ведется обстрел наших позиций снарядами, начиненными ядовитыми газами.

Параллельно с подсчетами числа лиц, имеющих право на сокращенный рабочий день, небезынтересно хотя бы ориентировочно подсчитать, какие численные группы трудящихся лишены у нас блага 8-часового дня, благодаря установлению для них ненормированного рабочего времени.

Обратимся прежде всего к транспорту, так как именно в этой области применение ненормированного рабочего дня декретировано более широко. Более или менее точные подсчеты, произведенные по нашей просьбе аппаратом главного инспектора труда путей сообщения, показывают, что к ненормированному рабочему дню могут быть отнесены 36.760 чел. или 4% работников транспорта (в то же время правом на 6-часовой рабочий день на транспорте пользуются около 81.000 рабочих и служащих и правом на 7-час. раб. день еще 1.870 человек). К слову сказать, так называемый «эффективный» рабочий день, который по закону 1925 г. (теперь отменен) мог применяться для некоторых профессий на транспорте, охватывает 39.000 человек [2]).

Размер применения ненормированного рабочего дня в промышленности, где, как известно, он может относиться к ответств. руководителям работ и крупным специалистам, несравненно меньше. Мы не располагаем общими цифровыми данными, относящимися ко всем производствам, но характерно, что сравнительно новые, еще неопубликованные материалы, подсчитанные на основе специально предпринятого ЦСУ изучения нормального рабочего времени в марте 1928 г., показывают, что в разных отраслях текстильной промышленности число лиц с неограниченным рабочим временем составляло на практике от сотых долей до 0,1%. Приняв условно для всей промышленности с явным преувеличением цифру в 0,1% всего рабочего состава, мы увидим, что ненормированный рабочий день охватывает примерно группу численностью в 2½ тысячи человек.

Грубо-ориентировочное исчисление о степени возможного применения ненормированного рабочего дня в государственном аппарате, произведенное на основе применения постановления НКТ РСФСР от 20/IV—28 г. («Изв. НКТ» № 25—26), показывает, что здесь оно может относиться к 30—40 тысячам человек или к 3—4% государственных служащих [3]).

---

[1]) См. Зайцев—«Перспективы юношеского труда». «Мол. Гвард.», 1928 г., табл. № 1, стр. 228—229.

[2]) Все вычисления произведены на основании данных о числе рабочих и служащих, опубликованных в «Материале по статистике путей сообщения». Вып. 73. «Жел.-дор. транспорт в 1925—26 опер. году», ч. I, изд. НКПС.

[3]) Если условно отнести к ненормированному дню всех государственных служащих, получающих оклад свыше 175 руб. в месяц, то таковых в 1925 г. насчитывалось 2,8%, или 26.00 чел., при прибавлении к этому числу также лиц, получающих оклад от 150 до 175 руб.,—общее число лиц с ненормированным днем увеличится до 4,5%—42 тыс. (См. «Союз советских и торговых служащих в 1924—25 г.», стр. 2 и 41, изд. ЦК ССТС, 1926 г.).

Если сюда прибавить, что наши законы точно не ограничивают пределы возможного установления, по соглашению сторон, сверхурочных работ для домашних работниц—таковых мы насчитываем около 200 тысяч человек [1]),—то при самых неблагоприятных подсчетах оказывается, что ненормированный рабочий день законом установлен для 250—300 тысяч человек. Цифра эта несравненно меньше, чем число лиц, для которых предусмотрено законом сокращение рабочего дня ниже 8 часов.

Нам известно, что автор статьи пытался указать на то, что одним из послаблений законодательства о труде является допущение установления рабочего времени в крестьянских хозяйствах [2]) в размерах, определяемых соглашением сторон.

Мы вынуждены отвести это указание: «временные правила» от VII—25 года являются не послаблением, не отступлением от прежде действовавших норм, а как раз шагом вперед—до их издания рабочее время батраков, как и трудовые отношения в целом, по древнему обычаю вообще не регулировалось ничем, кроме устного соглашения, а временные правила обязывают к заключению письменных договоров, в коих стороны обязаны оговорить и ограничить длину рабочего дня.

Если учесть, что уже в 1926 г. 46,2% [3]) батраков в крестьянских хоз. было охвачено договорами, подписанными от имени батрака профсоюзом, и что в договорах, подписанных профсоюзом, как правило, оговорен рабочий день продолжительностью в 8—10 часов, то особенно наглядна станет неправота наших критиков [4]).

Мы видим из всего этого, что даже самый поверхностный просмотр конкретных данных говорит, мягко выражаясь, о некотором «конфликте» статьи с действительностью, о том, что по направлению своих «художеств» автор относится отнюдь не к реалистам, а скорей к школе имажинистов.

Разбор материалов о фактическом рабочем времени в СССР в разных отраслях труда докажет это с еще большей наглядностью.

Убедиться в этом можно на основании ряда источников и материалов, которые перекрестно, взаимно друг друга дополняя и контролируя, расходясь в частностях, великолепно сходятся, однако, на характеристике основной степени осуществления принципа восьмичасового дня на практике.

О фактическом рабочем времени в СССР в основном можно судить на основании: 1) данных ЦСУ о фактическом рабочем времени в цензовой промышленности (за последнее время имеются данные ЦСУ и для транспорта); 2) данных специальных анкет и разработок, единовременно освещающих фактический рабочий день по материалам государственных и профорганизаций; 3) данных опроса самих работающих при изучении бюджета времени рабочих и служащих (эти данные охватывают небольшие группы рабочих и относятся к 1922—23 г.—и несколько устарели), при медицинских осмотрах подростков и т. п.; 4) данных инспекции труда о разрешенных сверхурочных работах.

Последний источник, конечно, наиболее слабый по качеству материала, ибо никогда не исключена возможность производства значительной части сверхурочных работ без разрешения инспекции (тем более, что в самом Кодексе указана легальная, законная возможность производства та-

---

[1]) См. «Контр. цифры народ. хозяйства СССР за 1927—28 г.».

[2]) К слову, в законе речь идет о крестьянских хозяйствах с подсобным наемным трудом, т.-е. лишь о середняцких хозяйствах. К кулацким хозяйствам применяются те же законы, что и в совхозах, т.-е. точно ограниченный рабочий день.

[3]) «Материалы к III пленуму ЦК союза с.-х. рабочих СССР», май 1927 г. (литогр. изд.).

[4]) См. «Наемный труд в сельском хозяйстве» под ред. Струмилина. В. Львов—статья «Заработная плата и рабочий день батраков, занятых в крестьянских хозяйствах», стр. 113—120.

ких работ в экстренных случаях, вызванных определенными непредвиденными причинами, не позволяющими своевременно снестись с инспектором)[1]. Этим источником мы поэтому предпочитаем не пользоваться.

Что же говорят эти источники о действительном положении рабочего времени в СССР?

Начнем с промышленных рабочих.

Эти даные (повторяем, они относятся к обычному будничному дню и только к взрослым рабочим) не противоречат постоянно собираемым и публикуемым данным ЦСУ.

Средняя продолжительность фактического рабочего времени промышленных рабочих СССР по данным ЦСУ изменяется в следующих пределах:

Годы	Продолжительность рабочего дня	В том числе сверхурочных работ
1922	7,9	0,29
1923	7,8	0,28
1924	7,8	0,19
1925	7,6	0,18
1926	7,5	0,16
1927 (данные за 9 мес.)	7,46	0,13

Уже сама по себе эта таблица говорит о 7½-часовом рабочем дне, о непрерывном снижении общей продолжительности рабочего времени и, в частности, о значительном падении сверхурочных работ. 7½, а не 8-часовой день получается благодаря учету: 1) сокращения рабочего дня на 2 ч. накануне еженедельных выходных дней и праздников. Это уменьшает среднюю дневную цифру на 0,3 час.; 2) сокращения рабочего дня подростков, в среднем он равен 5,6 часа (данные медосмотра подростков); 3) сокращения рабочего дня на вредных работах. «Отвлечься» от этих моментов, как этого хочется нашим критикам, никак нельзя, ибо эти обстоятельства органически связаны с нашим регулированием рабочего времени.

Падение числа сверхурочных работ можно представить гораздо рельефнее на данных ЦСУ о числе рабочих, работавших сверхурочно, и о среднем числе часов сверхурочной работы в месяц на каждого рабочего, участвовавшего в сверхурочных работах. Оно изменялось следующим образом:

Годы	Процент рабочих, работ. сверхурочно	Среднее число сверхур. час. на 1 раб. сверхур.
1922	20,2	30,2
1923	23,1	26,6
1924	18,8	22,0
1925	17,8	21,5
1926	18,1	19,1
1927 (данные за 9 мес.)	16,7	16,5

Эта таблица говорит сама за себя и в особых комментариях не нуждается. Некоторое сомнение может вызвать лишь абсолютное число часов сверхурочной работы в связи с тем, что общее количество рабочей силы из года в год увеличивается. Приведем поэтому и данные об абсолютном числе часов сверхурочной работы и процентном отношении сверхурочных часов к урочным.

[1]) Кстати, этот момент с должной критической оценкой великолепно иллюстрирован статьей т. Винникова в № 6 «Вопросов Труда» за 1927 г. (стр. 18—24), которую так охотно цитируют наши оппоненты, извлекая из статьи весьма своеобразные «фрагменты».

Годы	Абсолютное число часов сверхурочной работы в тысячах в среднем за месяц [1])	Процент сверхурочных к урочным часам
1923	8.834	3,6
1924	7.671	2,5
1925	8.882	2,4
1926	8.521	2,2
1927 данные (за 9 мес.)	6.709	1,7

Достаточно взглянуть на все приведенные выше таблицы, чтобы с неопровержимостью установить следующие простейшие истины, которые почему-то проглядел автор статьи: 1) средний рабочий день по всей цензовой промышленности в СССР достигает цифры в 7½ часов; 2) количество сверхурочных работ и в абсолютном выражении, и в процентах к урочным часам, и в отношении числа лиц, принимающих участие в сверхурочных работах, и, наконец, в отношении числа сверхурочных часов, приходившихся на одного участника внеурочной работы, непрерывно и определенно снижается. Это доказывает реальность проводимой борьбы со сверхурочными работами [2]).

Если, таким образом, сама по себе динамика рабочего времени промышленных рабочих представляет совершенно ясную картину и если мы на основе этих материалов имеем право утверждать, что по сравнению с довоенным временем рабочий класс СССР уже получил снижение рабочего времени на 25% [3]), то это, конечно, не значит, что дело обстоит столь же благополучно в каждом из производств в отдельности.

Снижение сверхурочных работ происходит почти во всех производствах. Более неблагополучными по применению сверхурочных работ отраслями промышленности являются горная и горнозаводская промышленности, пищевкусовая, писчебумажная, а также отрасли производства физических сил и водоснабжения (электростанции, водопровод и т. п.). Все прочие производства дают показатели более благоприятные, чем средние данные по всей промышленности. Достаточно, однако, перечислить наиболее неблагополучные по сверхурочным работам отрасли промышленности, чтобы сразу же сам по себе напрашивался вывод о причинах применяемых здесь сверхурочных работ. Не трудно заметить, что речь идет в основном о непрерывно действующих производствах. Часть сверхурочных работ вызывается здесь неизбежностью переработки в предпраздничные дни и необходимостью удлинять ночную смену до размеров дневной смены. Частичное применение сверхурочных работ здесь вызывается так наз. «загонными» сменами, когда

[1]) Абсолютное число часов сверхурочной работы исчислено Отделом Статистики Труда Наркомтруда СССР на основании материалов ЦСУ. К слову сказать, автор статьи исчисляет абсолютное число сверхурочных часов за первое полугодие 1926 г. в 52,7 млн. и выражает изумление по поводу указанной в статье т. Винникова в «Вопросах Труда» № 6, за 1927 г. цифры 68 млн. сверхурочных часов. Это дает ему основание усомниться в правильности указываемых ЦСУ цифр о проценте рабочих, работавших сверхурочно. По наведенным нами справкам, ЦСУ вообще не публикует абсолютных цифр сверхурочных часов. Цифра в 68 млн. часов не является цифрой ЦСУ. Ее исчислил т. Винников, при чем ошибка его при исчислении этой цифры заключается в том, что процент работавших сверхурочно, относящийся лишь к рабочим, был им отнесен ко всему количеству работающих (т.-е. рабочих и служащих и младшего обслуживающего персонала в промышленности).

[2]) Намеки нашего критика на наличие сверхурочных работ нелегальных, не улавливаемых статистикой, ничем не доказаны. При любом пристрастии никто не сможет утверждать, во всяком случае, что качество данных ЦСУ хуже даных любой страны.

Но даже если бы это и было так, то наши выводы не колеблются в основном—динамика остается правильной.

[3]) См. «Итоги десятилетия советской власти в цифрах». 1917—1927 гг. Отдел труда, стр. 338.

невыход на работу кого-нибудь из сменщиков заставляет рабочего, работающего в предшествующей смене, оставаться на работе до прихода человека, который мог бы его заменить.

Помимо перечисленных здесь обстоятельств на общее число сверхурочных работ сильно влияют сверхурочные работы ремонтных бригад, вынужденных в экстренных случаях заниматься ремонтом машин и станков во внеурочное время, иной раз в праздничные дни, в силу необходимости предотвращения остановки в работе предприятий.

На ряду со всем сказанным нельзя не отметить того, что приведенные таблицы все же рисуют, что в тех отраслях труда, где сверхурочные работы держатся еще на высоком уровне, мы все же имеем картину их некоторого снижения за последний год.

Мы этим, конечно, ни в малейшей степени не хотим сказать, что все без исключения сверхурочные работы, имеющие место у нас, являются неизбежными. Никто так хорошо не отмечает возможности дальнейшей борьбы со сверхурочными работами, как профсоюзы и государственные органы охраны труда в СССР. Именно этому обстоятельству было посвящено немалое количество конкретных указаний, которые давались Наркомтрудом и которые теперь с таким злорадством цитируются нашими противниками. Однако, вопль, поднятый вокруг этого вопроса, отнюдь не пропорционален той опасности нарушения нормального рабочего дня, которую хотят они узреть из наших цифр.

Из материалов приведенной выше таблицы мы хотели бы особо остановиться на особо высоком количестве сверхурочных работ в горнозаводской и в горной промышленности. Как известно, мы этого не скрываем, а шахтинским делом даже подчеркиваем, в этой области у нас имел место целый ряд нарушений. Однако, то огромное внимание, которое было уделено пролетарским общественным мнением СССР данному вопросу, и те конкретные меры, которые были приняты ВСНХ и Наркомтрудом при участии союза горняков в плоскости изжития этого явления, дают уверенность в том, что к концу 1928 г. имевшие место случаи нарушения шестичасового рабочего дня в шахтах будут окончательно изжиты.

Перехожу к вопросу о рабочем времени на железнодорожном транспорте. Уже в 1924 г. средне-взвешенное рабочее время по всем службам железнодорожного транспорта составляло 7,7 часа. Если учесть, что в 1913 г. соответствующая цифра составляла 9,74 часа, то мы видим, что и здесь Октябрьская революция принесла значительный сдвиг [1]).

Эти данные, взятые из источника, который может вызвать сомнение наших критиков только потому, что они исходят от хозорганов,—целиком подкрепляются дальнейшими материалами, собранными ЦСУ. Так, по неопубликованным до сих пор материалам ЦСУ о средней продолжительности рабочего дня и сверхурочных работ на железнодорожном транспорте в 1926—27 году (материалы относятся к 742.582 рабочим) средняя продолжительность рабочего времени составляла 7,64 часов, в том числе 0,7 сверхурочных часов.

Число работавших сверхурочно составляло при этом 10% и на каждого работавшего сверхурочно приходится 14,8 часов сверхурочных работ в месяц. Надо сказать, что цифры эти весьма близко подходят также и к третьему источнику—к данным ЦК железнодорожников, который подсчитывал сверхурочные работы на железных дорогах выборочным порядком за полугодие октябрь—март в течение трех последних лет под ряд. По соответствующим материалам сверхурочные работы изменялись следующим образом [1]):

	Процент рабочих, работавших сверхурочно	В среднем на 1 работавшего сверхурочно в месяц приходится часов
Октябрь—март 1924/25 г.	14,1	17,4
Октябрь—март 1925/26 г.	21,8	15,0
Октябрь—март 1926/27 г.	12,6	15,8

Если посчитаться с тем, что в условиях нашего железнодорожного транспорта определенная часть сверхурочных работ совершенно неизбежна и поэтому даже допущена в Кодексе Законов о Труде, то мы вынуждены будем признать, что этот процент сверхурочных работ на нашем железнодорожном транспорте хотя и нежелателен, но не является особо «социально-опасным» явлением. Из отчетов инспекции труда видно, что основная масса сверхурочных работ на транспорте вызывается снежными заносами, размывами путей, гололедицами, пропуском весенних вод и ликвидацией последствий крушений. Все эти данные довольно согласованно подтверждают, к огорчению наших критиков, ту мысль, которую без всяких доказательств отрицает бюро труда, а именно, что среднее рабочее время рабочих транспорта не только не превышает 8 часов, но даже определенно ниже этой цифры.

К сожалению, в нашем распоряжении не имеется столь же исчерпывающих данных о фактическом рабочем времени в целом ряде других отраслей труда. Мы вынуждены поэтому сослаться на ряд отдельных обследований и анкет, характеризующих эти моменты. Так, в августе—сентябре 1924 г было произведено анкетное обследование торговых служащих в 31 губернском городе, при этом было использовано 17.000 анонимных анкет, охватывающих 25—30% служащих. Оказывается, что средний рабочий день торговых служащих составлял 8 час. 20 мин. [2]). Все материалы, которыми располагает союз совторгслужащих и Наркомтруд, с неопровержимостью говорят о том, что с тех пор произошло бесспорное изменение в сторону дальнейшего улучшения.

Материалы о фактическом рабочем времени работающих в кустарной промышленности, которые обработаны Наркомтрудом РСФСР на основании произведенного инспекцией труда в начале 1927 г. обследования 641 заведения, главная масса которых относится к кузнечному, слесарному, валяльному производствам [3]), говорят о том, что здесь нормальный 8-часовой рабочий день соблюдается у взрослых рабочих почти в 77%. 9 часов работают 7,6%, 10 часов—5,9%, 11 часов—5,2%. Мы видим, таким образом, что даже в кустарной промышленности, надзор в которой чрезвычайно затруднен, значительная часть которой находится вне промышленных городов и трудно досягаема глазу инспектора, даже здесь принцип 8-часового рабочего дня для взрослых рабочих проводится сравнительно в удовлетворительных размерах.

Мы готовы коснуться даже наиболее деликатной темы, над которой в капиталистических странах обычно не приподымается завеса молчания: мы говорим о рабочем времени в домашнем хозяйстве. На основании произведенного в июле 1927 г. выборочного обследования труда домашних работниц в целом ряде городов можно установить, что даже для этой группы труда, где бытовые условия чрезвычайно затрудняют правильное нормирование ра-

[1]) См. отчет НКПС о работе железнодорожного транспорта к VII с'езду жел. дорог, 1924 г.

[1]) См. «Материал по вопросам охраны труда на железных дорогах СССР», издание ЦК железнодорожников, 1927 г.

[2]) «Статистика Труда» № 3 за 1926 г.

[3]) См. Б. Маркус, «Вопросы труда в кустарной промышленности», «Вопросы Труда» № 5, 1928 г., стр. 23.

бочего времени, даже здесь 39,8% работают 8 часов, 29,2%—работают от 8 до 9 часов и лишь 31% работают больше 10 часов (см. «Вопросы Труда» № 5, 1928 г., стр. 24).

Нам остается коснуться вопроса о продолжительности рабочего дня сельскохозяйственных рабочих. Спора нет, что фактическое рабочее время здесь, как правило, больше 8 часов, особенно в период сельскохозяйственных работ. При всем том, однако, данные ЦСУ говорят о такой картине, которой могут позавидовать сельскохозяйственные рабочие любой капиталистической страны. Это видно из следующей таблицы о продолжительности рабочего дня рабочих совхозов и лесничеств в будни по сезонам в часах по СССР (данные ЦСУ).

	Зимой		Весной		Летом		Осенью	
	Число показ.	Средн. раб. д.	Число показ.	Средн. раб. д.	Число показ.	Средн. раб. д.	Число показ.	Средн. раб. д.
Рабочие сахзаводов без Сахаротреста	4.597	8,3	5.489	8,9	6.361	9,2	5.820	8,7
Совхозы Сахаротреста	706	8,3	813	9,1	838	9,2	819	8,5

Мы не располагаем точными данными о фактическом среднем рабочем дне строительных и других сезонных рабочих. Отдельные работы товарищей, изучавших данный вопрос, говорят о наличии здесь определенных достижений на ряду с фактами применения сверхурочных работ. Весьма интересна работа т. Шнеера [1]), написанная под критическим углом зрения на основании личного изучения автором условий труда строителей на крупных постройках. Он перечисляет длинный ряд крупнейших строительств, где благодаря правильной организации труда сверхурочные работы почти не наблюдаются. На ряду с этим автор приводит цифровые иллюстрации большого числа разрешенных и фактически примененных сверхурочных работ на других строительствах, из всех этих цифр видно, что в худшем случае в среднем на рабочего приходится 12—15 сверхурочных часов в месяц. Можно ли из этого делать вывод о фактическом 10—12-часовом дне для строителей даже во время строительного сезона, видно каждому

Лишь для батраков, работающих в крестьянских хозяйствах, да и то только в «страдную пору», т.-е. в период разгара сельскохозяйственных работ, мы наблюдаем фактически 12-часовой день [2]). Но всякий, кто знает условия работ в распыленных крестьянских хозяйствах СССР, мало механизированных, зависящих еще от «дождика», тот поймет, что здесь в ближайшие годы этого явления совершенно избежать не удастся. Если к тому же учесть, что зимой рабочий день батраков составляет обычно 8—9 часов, то мы увидим, что и здесь нашим врагам не удастся нажить политического капитала.

Небезынтересно, пожалуй, отметить, что общее число дней фактической работы у рабочего в промышленности составляет у нас 261,3 в году (данные для 1926 г.), при этом помимо пропусков, не связанных с характером нашего законодательства, мы имеем в последние годы 14 раб. дней, приходящихся на использование ежегодно отпуска, и около 61 дня праздничных и свободных [3]). Эти данные позволяют судить о том, что наше законодательство о времени отдыха, составляющее прямое продолжение законодательства о рабочем времени, немало способствует действительной охране труда рабочего.

[1]) См. Д. Н. Шнеер, «Охрана труда и быт строителей» изд. «Вопр. Труда», 1928 г., стр. 18—24.

[2]) См. Н. Плёшков, «Наемный труд в крестьянском хозяйстве СССР», ГИЗ, 1928 г., стр. 100—109.

[3]) См. «Итоги десятилетия сов. власти в цифрах». 1917—1927 гг., стр. 339. Изд. ЦСУ СССР.

Все эти данные с неопровержимой определенностью показывают, что среднее рабочее время промышленных рабочих и рабочих транспорта в СССР ниже 8 часов, рабочее время торговых служащих и целого ряда распыленных отраслей труда, даже плохо охваченных государственным надзором по охране труда, приближается к 8 часам. Таким образом, все выдуманные утверждения наших противников основаны не на фактических данных, а на довольно свободном полете их воображения.

В заключение мы вынуждены остановиться на вопросах осуществления 7-часового дня. Вряд ли необходимо в этой статье опровергать «сомнения» бюро труда по поводу серьезности намерений совласти проводить 7-час. день; ни для кого ведь не секрет, что уже сейчас, летом 1928 года, 26 предприятий, в коих работает около 120.000 человек, уже перешли на 7-часовой день. Уже имеется решение правительственной комиссии, опубликованное во всех газетах, коим установлено, что к концу 1928—29 г. на 7-часовой день перейдет 20% всего числа промышленных рабочих. Уже утвержден и список многих десятков крупнейших государственных предприятий, намеченных к переводу на 7-часовой день в ближайшие месяцы. Предрешен также вопрос о том, что во всей промышленности (за исключением сезонно работающих предприятий), а также в мастерских и депо ж.-д. транспорта перевод всех рабочих на 7-часовой день должен быть завершен к октябрю 1933 года.

Все это говорит само за себя и дойдет до ушей каждого рабочего лучше всей болтовни и вранья бюро труда.

Остается поэтому сказать лишь несколько слов о практике осуществления 7-часового дня и взглянуть, в частности, на вопрос о степени применения ночной работы при 7-часовом дне.

На этот вопрос проливают свет материалы ЦСУ, относящиеся к обследованию рабочего времени в марте 1928 г. В 15 обследованных текстильных (хлопчатобумажных) предприятиях, переведенных на 7-час. день, работало всего 81.156 рабочих, в том числе 73.710 рабочих в основных производственных цехах. Из общего числа рабочих 49.203 женщин и 3.195 подростков.

В ночной работе участвовала лишь половина,—точнее 48,6,%,—всех работающих: 39.409 взрослых, из них 27.050 женщин (55% общего числа женщин) и 834 подростка (26,1%).

Наш оппонент готов торжествующе воскликнуть, что это и есть та оборотная сторона медали, ради которой 7-часовой день и придуман. Однако, мы вынуждены и здесь огорчить его: рано торжествовать—пусть посмотрит раньше, что это за ночные работы. Оказывается, что из общего числа работающих ночью 5,9% работает ½ часа ночью, 26,7%—1 час ночью, 29%—2 часа, 26,2%—3 часа, 5,9%—3½ часа, 1,1%—4 часа, 3,4%—5 часов, 0,8%—6 часов, 0,7%—7 часов, 0,3%—8 часов, при этом в среднем на одного работавшего ночью приходится 2,2 часа ночной работы, а на 1 рабочего этих предприятий—1,03 часа.

Но это—картина средних показателей; ночные работы подростков гораздо «грозней»: 77% из общего числа несовершеннолетних, допущенных к ночным работам, работают ночью 1 час, и 23%—2 часа. В среднем на каждого работавшего ночью подростка приходится 1,23 часа ночной работы, а на каждого подростка этих предприятий вообще—0,32 часа.

Интересно сопоставить это с тем, что на аналогичных 151 обследованных хлопчатобумажных фабриках, работающих при 8-часовом дне с 323.431 рабочим в марте 1928 г., в ночных работах участвовало 32% всех рабочих

и 15,3% подростков; при этом 78,2% этих подростков работают 1 час ночью, и 21,5%—2 часа ночью—ясно из этого, что работа «ночью» в течение часа, т.-е. по существу начало работы не с 6, а с 5 часов утра особенно летом, представляет бытовое явление, ибо время начала работ устанавливается постановлением общих собраний рабочих, исходя из удобств рабочего. Мы встречаемся здесь, таким образом, отнюдь не с злостным нарушением законодательства и не с «системой» сознательного вовлечения подростков в ночную работу.

Необходимо учесть к тому же, что речь здесь идет о марте т.-е. втором месяце осуществления 7-часового дня, когда многое было еще нетвердо установлено. С тех пор профсоюзы и инспекция труда стали проводить ряд организационных мер к изменению распорядка работ подростков.

Итак, семичасовой рабочий день отнюдь не дал тех ухудшений, которые «спят и видят» наши критики. Увы, им положительно не везет.

Для оценки фактического рабочего времени в СССР было бы весьма целесообразно попытаться произвести хотя бы некоторое самое общее сравнение продолжительности рабочего дня у нас и в целом ряде основных капиталистических стран. Это тем более уместно, что некоторые люди, претендующие на международную информацию, в роде автора разбираемой нами статьи или другого не менее «мирового» человека Владимира Войтинского, пытаются на сей счет напустить вредного тумана. Характерно, например, что еще совершенно недавно в «Форвертсе» от 3 мая 1928 г. В. Войтинский, проделывая всяческие упражнения над цифрами зарплаты и безработицы в СССР, между слов вставляет «невинное» замечание о том, что длина рабочего дня в СССР и Германии одинакова. Уже 5 мая он получил достойный отпор от «Роте Фане» по поводу зарплаты и безработицы, но замечание его о рабочем времени осталось без внимания, между тем, даже легкое прикосновение к цифрам (а к ним автор книги «Весь мир в цифрах» должен питать некоторое пристрастие) бьет Войтинского. Так, например, даже по данным официального обследования рабочего времени осенью 1926 г. германским министерством труда в Германии около 53% рабочих работало больше 48 часов в неделю. По материалам германского об'единения профсоюзов средний рабочий день в промышленности равнялся 50,6 час. в неделю, при чем более 48 часов работало 48%, в том числе 12, 3% работало больше 54 часов. Даже наиболее благоприятные показатели октября 1927 г. говорят о том, что 42,7% рабочих продолжают работать больше 48 часов. В то же самое время средняя продолжительность рабочей недели в промышленности СССР в 1926 г. составляла 45 часов вместе со сверхурочными работами, а число участвовавших в сверхурочных работах, т.-е. работавших больше 46 часов (а не 48, как мы видим в Германии), составляло в 1926 г. 18,1%.

Более наглядное представление о среднем числе рабочих часов в неделю в основных отраслях индустрии и транспорта в главнейших странах могут дать следующие две таблицы, составленные нами на основании официальных министерских данных ряда стран (см. табл. на след. стр.). Таблицы эти показывают, что при самом пристрастном сравнении СССР с другими странами (у нас нет никаких оснований думать, что официальные министерские данные любой страны мало прикрашивают фактическое положение вещей), СССР все же остается на первом месте. Лишь материалы Польши—составленные с особым «умением», явно подтасованные на основе включения в общее число рабочих, при вычислении среднего числа рабочих часов в неделю, весьма значительного количества рабочих, работающих неполную неделю,—дают картину более благоприятную, чем в СССР. Но цена этого материала давно всем известна. Любой человек, имевший малейшее соприкосновение с Польшей, знает, что

там средний рабочий день, особенно в горной и металлообрабатывающей промышленности, приближается к 10 часам.

Среднее число рабочих часов в неделю

	СССР 1925/26 [1]	Англия 1924 [2]	САСШ 25—26 [3]	Германия 1925 [4]	Польша [5]
Вся пром. . . .	45	47,1	51	50,7	44,7 [5]
Текстильн. . . .	44,4	47,9	53,3 хл.-б.	51,1	41,2 [5]
Металл.	45	46,7	51,5 маш. стр.	51,6	44,5 [5]
Химия	45	47,4	54,4 стал.-жел.	50,4	50,6 [5]
Транспорт . . .	46	47—49	46—55	54,3	—

Процент лиц, работающих в промышленности более 46—48 часов в неделю

	1925/26 СССР более 46 ч. [6]	1924 Англия 48 ч. и более [7]	1923 САСШ более 48 ч. [8]	1927 г. Герм. более 48 ч. [9]	1926 Италия более 48 ч. [10]	1925 Чехо-Сл. более 48 ч. [11]	1925 Испан. более 48 ч. [12]	1924 Япония более 48 ч. [13]	1924 Канада более 48 ч. [14]
Вся промышл.	18,7	49,5	53,9	42,7	27,6	16,3	2,7	93	66,5
Металл. и машин.	14,8	11,6	67,4	52,3	24,1—38,9	—	—	—	64,8
Текст. Хл.-Бум..	4,6	91,9	68,9	68,2	19,9	—	—	—	60,9
Химия	18,9	—	—	34,7	37,7	—	—	—	64,6
Пищевкус. . .	32,1	53,8	—	—	15,4	—	—	—	—

Так обстоит дело с рабочим временем в капиталистической промышленности по материалам, которые при всем желании нельзя заподозрить в злоупотреблении черными красками. Министерства труда предпочитают в таких случаях в своих данных пользоваться розовыми очками.

---

[1]) «Стат. справочник СССР за 1927 г.», стр. 284.

[2]) „Ministry of Labour Gasette" за 1926 г. и 1927 г.

[3]) Средне-взвешенное взято по «Американ. ежегод. труда» за 1927 г., данные по отдельным производствам заимствованы из „Handbook of Labour statistiks" 1927 г.

[4]) Взяты средн. для квалифицированных рабочих („Jahrbuch des ADGB", Berlin. 1926 г.).

[5]) „Rocznik statystyczny Rzeczypospolitej Polskiy", 1927 г., стр. 353. На получение среднего итога резко влияет сокращенная рабочая неделя, применявшаяся в I кв. 1926 г. для 29% рабочих, во II кв.—для 22,6%, в III кв.—для 11% и в IV кв.—для 9,5% рабочих. Данным, поэтому, совершенно нельзя доверять, ибо они не отражают фактической длины рабочего дня. Кроме того, в средние данные не включена горная промышленность, где рабочий день достигает 9 и 10 час.

[6]) «Стат. спр. СССР за 1927 г.», стр. 284.

[7]) „Ministry of Labour Gasette" за 1926—27 гг. Офиц. данные.

[8]) «Америк. ежегод. труда» за 1927 г.; для текст. и жел.-стальн. пром. материалы взяты для 1926 г. по книге «Междунар. профдвиж.», изд. Профинтерна, 1928 г., стр. 398—99.

[9]) „Gewerkschaftszeitung" № 51, 1927 г., данные профсоюзной анкеты; по данным министерства труда в октябре 1926 г. больше 48 ч. работало 52,9%.

[10]) „Annario statistico italiano" anno 1927. Данные офиц. После 1926 г. положение резко ухудшается.

[11]) „Entwurf eines Arbeitsschutzgesetzes", Berlin, s. 116.

[12]) „Informations sociales" 9/1—28 г.; данные Главн. управл. труда и социальной политики—без сверхурочных работ.

[13]) «Междунар. профдвижение». 1928 г., стр. 408. Данные японского бюро статистики.

[14]) „La gasette du travail" № 1, 1927 г. Данные промышленной переписи 1924 г.

Надо ли особо говорить, что рабочее время в других отраслях труда (на транспорте, в торговле, в сельском хозяйстве) несравненно хуже, чем в промышленности. Два-три примера помогут кому следует вспомнить об этом: в Германии, например, в сельском хозяйстве закон устанавливает 8-час. день лишь зимой; осенью и весной—10 часов, а летом—11 часов. Во Франции для сельскохозяйственных рабочих установлено 2.900 часов в год, в Швеции—2.680 на полевых работах, 3.450 часов для скотников. В Чехо-Словакии рабочий день сельскохозяйственных рабочих колеблется в разные сезоны от 10 до 14 часов и т. д.

О том, как обстоит дело с законодательством о рабочем дне на транспорте, мы рассказывать не будем,—об этом красноречиво говорят издания Международной федерации транспортников—отнюдь не большевистской.

Мы полагаем, что после всего сказанного, бюро труда не должно обидеться, если рабочие СССР со своей стороны в ответ на полученный совет заняться осуществлением 8-часового дня и повременить с проведением 7-час. дня предложат непрошенным «охранителям» их труда довести рабочее время в своих странах хотя бы до того уровня, который достигнут в СССР.

Ф. Попов.

Система финансирования сельского хозяйства и ее уклоны [1]).

Весенняя посевная кампания привлекла к себе исключительное внимание партийных и советских органов.

В этом году на посевную кампанию были брошены большие средства, лучшие силы партии, советские работники, печать. Несмотря на это, в такой важной области, как финансирование сельского хозяйства, был выявлен ряд существеннейших дефектов далеко не ведомственного свойства. Несмотря на директивы о выдаче пособий семенами в первую очередь бедноте (как кооперированной, так и некооперированной), а потом уже и середнячеству, на местах обнаружилась совершенно обратная картина. Вот несколько примеров.

Пример первый. В с. Владимировка, Криворожского округа, 78 безлошадных, семенной материал из числа безлошадных получили только 25 дворов, остальные семян не получили, зато последние выданы 30 середняцким и 15 зажиточным дворам. При наличии значительного числа безлошадных кредит на приобретение лошадей выдавался тем, кто имеет одну и даже две лошади.

Пример второй. В с. Михайловка, Криворожского округа, 70 безлошадных дворов. Выдано семян 12 безлошадным, 22 однолошадным и 12 двухлошадным, имеющим полный инвентарь и даже молотилки. Получил семена также и кулак, лишенный прав голоса. Кредит на приобретение лошадей выдавался зачастую двухлошадникам за счет большого количества безлошадных.

Пример третий. Братолюбовский сельсовет, Криворожского округа, имеет 175 безлошадных дворов. Получены и розданы семена из такого расчета: безлошадным—25%, однолошадным—35% и двухлошадным—40%, беднота удовлетворена процентов на 30. Кредит из фонда бедноты на приобретение лошадей выдавался имеющим по одной и даже по две лошади.

При об'езде других сел Криворожского округа мы натолкнулись на такую же картину.

Во всех этих случаях было установлено, что ни сельсовет на своих заседаниях, ни беднота на своих собраниях не обсуждали вопроса о выдаче семян, что эту последнюю проводило целиком правление сельскохозяйственного товарищества в присутствии отдельных представителей сельсоветов. А кредит на приобретение лошадей выдавался правлениями кредитных организаций по поданным заявлениям пайщиков вовсе без участия сельсоветов и организаций комнезамов.

[1]) В порядке обсуждения.

Характерно, что повсюду удовлетворение шло по линии кооперации, но социальные особенности членов кооперации во внимание обычно не принимались. На общих собраниях бедноты и середнячества, проведенных нами в указанных селах, беднота подвергла жесточайшей критике порядок и результаты распределения семян и кредитов на приобретение лошадей. Списки розданных семян не утвердили и постановили от зажиточных семена отобрать и передать бедноте.

Представители местных кредитных организаций, председатели сельсоветов и даже секретари 2 партийных ячеек доказывали бедноте и нам, что они правильно распределили семена и кредиты на лошадей, потому что-де беднота не может рационально использовать семена и кредиты. Ход мысли, аргументация у них не сложна: «Зачем выдавать бедняку кредит на лошадь, раз ему нечем кормить, зачем ему выдавать семена, раз у него нет лошади, и зачем ему машинный кредит, когда он не может эти машины использовать, не имея лошади и т. д.; беднота сдает свои земли в аренду, и незачем ей помогать». Даже кулака, лишенного права голоса, которому выданы были семена, представители кредитных организаций, а с ними секретари сельских ком'ячеек горячо защищали, мотивируя тем, что кулак использует семена более рационально. Беднота же—это, мол, лентяи, голодранцы, она не сможет рационально использовать кредит, проест его, пропьет и ничем гарантировать его не может. Вывод: беднота обойдется и без кредита.

Так как во всех обследованных селах картина распределения кредитов одинаково непривлекательна, настроения работников ячеек по финансированию сельского хозяйства направлены к тому, чтобы обойти бедняка кредитами, предназначенными прежде всего для него, и дать их более зажиточному. Вывод напрашивается сам собой: мы имеем дело не с случайным явлением, не с отдельным фактом извращения основных линий в отношении бедноты, а с какой-то принципиально ложной и в корне неправильной и вредной тенденцией местных органов по финансированию сельского хозяйства. Что это так, убедительно говорят материалы обследования НК РКИ РСФСР. Они обнаружили, что в ряде организаций до сих пор еще не созданы фонды бедноты, наблюдаются случаи массового исключения бедноты из кредитной кооперации за невзнос пая. На местах отсутствуют планы по обслуживанию бедноты. Бедняцкие хозяйства получают ссуды в значительно меньшем размере сравнительно с другими группами заемщиков, например, по Калужской, Псковской, Самарской губ. и Крымской АССР размер ссуд, выдаваемых бедноте, вдвое ниже, чем зажиточным; в Сибири ссуда беднякам отпускалась в размере 44 рублей, а зажиточным—216 рублей. Никаких льгот и преимуществ при кредитовании бедноты за счет общих кредитов не предоставлялось; калужская РКИ приводит даже случай, когда зажиточным предоставлялось больше льгот, чем беднякам. Отмечены случаи, когда фонд бедноты использовывался не по прямому назначению. Некоторая часть фонда пошла середнякам и зажиточным. Так по Курской губернии середнякам было выдано 30% бедняцкого фонда, зажиточным—3%; по одному из обследованных т-в Нижегородской губернии 32% фонда бедноты пошло середнякам, а по некоторым районам Башкирской республики 50% всех ссуд было выдано зажиточным. Установлено в ряде губерний (Калужской, Нижегородской), что %% по ссудам брались с бедноты вместо установленных 5—6 до 10 и больше годовых.

В отношении снабжения бедноты средствами производства из тех же материалов обследования Наркомата РКИ РСФСР видно, что бедняцкие хозяйства удовлетворяются сельскохозяйственными машинами в относительно

меньшей степени, чем другие социальные группы села. Данные по Северному Кавказу и Сибири показывают, что зажиточные группы получили около 40% всех уборочных машин и от 20 до 64% сеялок.

Кредиты, отпущенные на посевную кампанию, несмотря на то, что предназначались главным образом для бедноты, использовывались безобразным образом. Из материалов, опубликованных в «Правде» от 5 мая с. г., видно, что в Южном Казакстане из всех посевных кредитов для бедноты выдано всего около 10%. В Чуйском кантоне выяснилось, что кредиты, специально назначенные по джуту, попали целиком в руки байства и манапства. В Зеровшанском, Кокандском, Андижанском округах, а также в Киргизии и Туркмении кредиты на рабочий скот и т. п. получали не только зажиточные, имеющие по нескольку голов рабочего скота, и баи, занятые сельским хозяйством, но и целый ряд лиц, не имеющих никакого отношения к сельскому хозяйству вообще. Ссуда в этих случаях шла не на покупку скота, а на спекуляцию. В Фергане на собраниях бедноты выяснилось, что целые категории пайщиков, из года в год, получая ссуду на покупку скота, использовывают ее в спекулятивных целях. Во Владимирском сельскохозяйственном т-ве, Николаевского округа УССР, дело пошло еще дальше: местным кулакам было выдано до 700 руб. ссуды только для того, чтобы те могли, не вывозя хлеб, внести деньги по самообложению. В этом же селе бедняки по три года не могут получить кредита на инвентарь и рабочий скот. Не редки и такие случаи, когда бедняку выдают 20—30 рублей на корову или лошадь, но так как за эти деньги он не сможет приобрести ни коровы, ни лошади, ему приходится возвращать их неиспользованными с процентами, или нерационально использовывать их.

Все вышеизложенные факты говорят за то, что организации, через которые проводится финансирование сельского хозяйства, обходят и нарушают линию партии в деревне.

В чем корни этого явления? До сих пор еще у нас модно говорить, что кредит нужно выдавать тому, кто наиболее рационально его использует и имущественно его обеспечит.

Спрашивается, кто же наиболее рационально кредит использует и материально обеспечит его сейчас на селе? Ясно, не бедняк. Во всех случаях обследования использования кредитов заемщиками мы, как на иглу, нанизывали отдельные случаи неправильного использования кредитов беднотой, обобщали и раздували их, тем самым косвенно играя на руку зажиточному на селе, в связи с чем кредитная система все время твердо держит курс на «солидного» заемщика.

Современная обстановка в деревне властно требует от нас решить, наконец, вопрос: что до сих пор является основной бедой в деле финансирования сельского хозяйства—будто бы неправильное использование кредитов беднотой, мнимое проедание их, или же попадание кредитов не бедноте, а зажиточным слоям села? Данные, имеющиеся по этим вопросам, говорят нам за то, что первое, это—плоды кулацкой фантазии и спекуляции, второе—реальный и грозный факт, имеющий первостепенное политическое значение.

Некоторый свет на причины отмеченного курса на «солидного» заемщика бросает социальный состав сельскохозяйственных кредитных и универсальных товариществ УССР (по другим республикам дело обстоит еще хуже (!) по данным обследования «С. Господаря»).

	$^0/_0$ $^0/_0$ отнош. к общ. колич. хозяйств	$^0/_0$ социальн. групп в кооперации	$^0/_0$ кооперирования соц. групп от общ. кол. хоз. этих групп
1. Бедноты	27,4	15,9	13,3
2. Ниже средних	29,9	27,9	22,9
3. Средних	31,6	37,7	36,2
4. Выше средних	8,7	13,9	48,8
5. Богатых	2,4	4,6	48,8

Как видите, бедняцкая прослойка в кредитных организациях очень тоненькая, наоборот, удельный вес средней, выше средней и богатых групп значительный, если же принять во внимание большую юркость и приспособляемость кулаков, их имущественное обеспечение, играющее, к сожалению, на селе немаловажную роль, то станет совершенно ясным, что влияние бедноты в сельскохозяйственной кооперации и других кредитных организациях сплошь и рядом ничтожно.

Еще худший социальнный состав мы имеем в специальной кооперации. Данные обследования «Сельского Господаря» по Украине об этом говорят следующее (на 1927 г.):

	Свеклович. кооперац.	Животчо-молочная	Машинно-трактор. т-ва
1. Бедняков	6,2%	17,4%	6,6%
2. Ниже средних	19,3 „	20,3 „	28,3 „
3. Средних	52,1 „	36,8 „	51,2 „
4. Выше средних . . .	21,0 „	21,7 „	17,7 „
5. Зажиточных	1,4 „	3,8 „	1,9 „

В некоторых республиках Союза положение еще хуже.

Из этих цифр мы видим, что в специальной кооперации, и особенно в свекловичной и машинно-тракторных товариществах, бедноты каких-нибудь 6%, зато группа выше средних и зажиточных хозяйств угрожающе разбухла, удельный вес их здесь почти неограничен. В то же время не следует забывать, что специальная кооперация кредитуется в первую очередь, получая здесь преимущества даже перед беднотой.

Может ли эта организация, так слабо представленная беднотой, четко выдерживать нашу классовую линию? Конечно, нет. Случайно ли, что кредиты систематически, из года в год в не пропорционально больших размерах попадают к зажиточным? Нет, не случайно. Это вытекает из удельного веса зажиточных групп пайщиков в кредитно-кооперативных об'единениях. Следующая таблица дает наглядное представление об использовании общего кредита и фондов бедноты отдельными социальными группами (на 1/X—26 г. по УССР по отчетным данным Укрсельбанка):

Группы хозяйств по посевной площади	Районы	$^0/_0$$^0/_0$груп. от всех хозяйств	$^0/_0$$^0/_0$груп. в составе заемщик.	Удельный вес получ. кредита	Сред. размер задолжен. на заемщика
I группа:					
а) беспосевные и с посевом до 4 га	Стень	36,8	30,4	24,5	37 р. 00 к.
б) беспосевные и с посевом до 3 га	Левобер.	43,7	26,7	23,3	45 „ 20 „
в) беспосевные и с посевом до 2 га	Правобер.	41,6	42,7	37,3	54 „ 20 „
г) беспосевные и с посевом до 2 га	Полесье	32,8	34,1	29,4	39 „ 80 „
Средняя по I группе . .	Украина	38,7	33,5	28,6	44 „ 00 „

Группы хозяйств по посевной площади	Районы	$^0/_0$$^0/_0$груп. от всех хозяйств	$^0/_0$$^0/_0$груп. в составе заемщик.	Удельный вес получ. кредита	Сред. размер задолжен. на заемщика
II группа:					
а) с посев. от 4—10 га .	Степь	46,3	49,7	49,8	57 р. 80 к.
б) „ „ 3—8 „ .	Левобер.	50,8	59,6	59,9	47 „ 40 „
в) „ „ 2—5 . .	Праообер.	53,4	46,4	49,2	65 „ 70 „
г) „ „ 2—6 . .	Полесье	62,0	52,8	53,2	38 „ 10 „
Средняя по Украине . .	Украина	53,2	52,2	63,1	52 „ 20 „
III группа:					
а) с посев. от 10 га . .	Степь	16,9	19,9	25,7	74 „ 50 „
б) „ „ 8 „ . .	Левобер.	5,5	13,5	16,8	65 „ 10 „
в) „ „ 5 „ . .	Правобер.	5,0	10,9	13,5	75 „ 70 „
г) „ „ 6 „ . .	Полесье	5,2	13,1	17,4	60 „ 90 „
Средняя по Украине . .	Украина	8,1	14,3	18,3	69 „ 05 „

Эти данные красноречиво говорят нам о том, что группа бедняцких хозяйств и в составе заемщиков, и в составе всего кредита, прошедшего через кредитную систему, занимает значительно меньшее место по сравнению с удельным весом ее в общей массе хозяйств Украины. Если первая группа, в среднем по Украине имеющая вес около 39% в составе всех хозяйств и 33,5% в составе заемщиков, получила только 28,6% всех кредитов и имеет среднюю задолженность на хозяйство — 44 рубля, то 3-я группа, т.-е. кулацкая верхушка села, имеющая последнее место в составе всех хозяйств Украины (8,1%) и заемщиков (14,3%), получила 18,3% всего кредита, имея задолженность на одно хозяйство 69,05 рублей. Получается, что верхушечная группа села получила кредита на одно хозяйство примерно в 2½ раза больше бедноты (по удельному весу, занимаемому в составе всех хозяйств этими группами) и имеет большую задолженность, чем беднота, на 55%. Из всего этого видно, что классового подхода при использовании сельскохозяйственного кредита не имеется, и в общей системе сельскохозяйственного кредита обслуживание бедноты значительно отстает от других групп.

Партия и советская власть решительно держат линию на ликвидацию остатков кулацкого сектора и на экономическое укрепление бедняцкой части села. В соответствии с этим, кроме создания специальных фондов помощи бедноте, даются директивы всячески поддерживать общими кредитами бедноту, вовлекая ее во всевозможные коллективные об'единения, что же касается зажиточно-кулацкой верхушки села, то в отношении ее всеми государственными мерами, и в особенности налоговыми, вести курс на беспощадную «стрижку». На практике же, как мы видим, низовая сельскохозяйственная кредитная система сплошь и рядом усиливает государственными кредитами того, кого мы стрижем, а бедняка систематически этой помощью обходит. И машинный кредит, и кредит на лошадей, и семенной кредит, направляемый под углом зрения помощи бедноте, попадает очень часто тому, кого советская власть стремится экономически ослабить, а беднота остается без живого и мертвого инвентаря, т.-е. без орудий производства в сельском хозяйстве, в результате чего она

вынуждена зачастую итти в кабалу к кулаку. Следующие данные о безлошадности иллюстрируют это положение:

Хозяйства без рабочего скота в %% ко всем хозяйствам по УССР.

Годы:	Полесье	Правобережье	Левобережье	Степь	УССР
1917	34	60	37	40	45
1920	21	48	32	32	—
1922	20	48	36	36	—
1925	29	59	40	45	46
1926	28	59	39	42	45

%% хозяйств, не имеющих инвентаря

Годы:	Полесье	Правобережье	Левобережье	Степь	УССР
1917	37	54	45	36	45
1921	27	35	25	29	30
1925	30	54	31	42	42
1926	28	51	30	41	40

Данные говорят нам за то, что в последние годы произошло некоторое увеличение групп безлошадных и безынвентарных: если в 1921 г. последних было 30%, то в 1926 г. их стало уже 40%, без рабочего скота в 1920 г. было 38%, в 1926 г. стало 45%. Для того, чтобы было совершенно ясно читателю, кто же отчасти за счет финансирования сельского хозяйства растет на селе, мы приводим следующие данные тоже по УССР:

Хозяйства без рабочего скота и инвентаря в %% к соответствующей посевной группе.

Посевные группы хозяйств:	Без рабоч. скота: 1925 г.	Без рабоч. скота: 1926 г.	Без инвентаря: 1925 г.	Без инвентаря: 1926 г.
1) До 1 га посев	82	76	70	71
От 1—2 „	63	64		
2) От 2—3 га	46	47	30	26
„ 3—4 „	35	34		
„ 4—6 „	28	25		
3) От 6—9 га	19	15	14	10
„ 9—15 „	9	7		
„ 15 и больше	2	1		

Эти цифры говорят нам за то, что более мощные посевные группы в составе безлошадных и безынвентарных падают, а слабые, т.-е. бедняцкие хозяйства неизменно увеличиваются.

Надо принять еще во внимание, что кулак нередко умудряется пролезть и в сельсовет, и, получая в свои руки возможность финансирования сельского хозяйства, проводит свою кулацкую линию искусно, прикрываясь демагогическими фразами о том, что бедняк—лодырь, голодранец и проч.

Ближайшая к кулаку социальная группа неизменно будет поддерживать его политику, особенно если ей перепадет лишний рубль кредита, кое-кто промолчит, а тоненький и робкий фальцет бедняка, представленного в кооперации, растворится в мощном, испытанном басе кулака. В результате семена, предназначенные бедняку, идут зажиточному, бедняцкий фонд на лошадей идет тому, кто уже имеет лошадей, а главный об'ект нашего внимания — бедняк — сдает свою землю в аренду тому, кто получает кредит на лошадь и семена от государства.

Внешне правления этих универсальных сельскохозяйственных кредитных т-в и специальных кооперативных об'единений выражают мнение и проводят линию, конечно, не меньшинства своей организации, а большинства, особенно, если при этом проводится сверху донизу лозунг по кредитной системе «выдавай кредит тому, кто рационально его использует и представит материальное обеспечение». Нужно сказать, что эта материальная гарантия стала какой-то идеей «фикс»; она перестала быть хозяйственной целесообразностью и превратилась в некую политическую линию.

Всюду, где раздается голос представителей системы наших низовых органов по финансированию сельского хозяйства, вы услышите, что они прежде всего хотят получить материальную гарантию заемщика, что они, видите ли, представители общественной организации, которая только одна имеет право распоряжаться средствами, проходящими через кредитную кооперацию, и всякое вмешательство в это дело советской власти на периферии сразу же разрушит эту организацию и пайщики свои вклады заберут обратно. А денежки-то, оказывается, совсем не пайщиков и не кооперативной организации, а на 98% — государственные. До настоящего времени финансирование сельского хозяйства происходит почти исключительно за счет средств банковской системы, пополняющихся из государственных источников, сумма которых на 1 октября 1927 г. равнялась 426,6 милл. рублей по СССР, и, кроме этого, путем привлечения средств местного бюджета, текущих счетов кооперативных организаций и хозяйственных органов, работающих в области сельского хозяйства, еще 252,2 млн. рублей. Что же касается средств самого крестьянства, то они настолько незначительны, что в деле финансирования сельского хозяйства почти никакого значения не имеют. Это видно хотя бы из того, что остаток ссуд первичной сети с.-х. кредитных т-в на 1-е октября 1927 г. по Союзу равнялся — 255,4 млн. рублей, в то время как займы в обществах с.-х. кредита составляли на то же число 250 млн. рублей. Из этого видно, что вся первичная сеть вложила в ссудную работу только 5 млн. руб. собственных средств в то время, как вся сумма финансирования с.-х. на 1927—28 г. по госбюджету по исчислениям постановления Союзного Совнаркома равняется 717,4 млн. рублей. Как видите, к 5 млн. руб. паевых вкладов государство добавляет не больше не меньше чем 717,4 млн. рублей в год с тем, чтобы проводить реконструкцию, обобществление сельского хозяйства, поднимать имущественное состояние бедноты и выводить ее из нищеты и кулацкой кабалы.

А к концу бюджетного года мы каждый раз разводим руками, пожимаем плечами и охаем и ахаем. «Кредит не попал туда, куда следует, машины и тракторы оказались у кулака; нужно принимать меры, чтобы отобрать тракторы у кулака и передать бедноте», а тракторы-то оказались уже изношенными.

Довольно нескладно получается и с мероприятиями по обобществлению сел. хоз. Кстати, уместно будет сказать, что на 11 году существования советской власти, после громадных затрат средств и сил в этой важной области, определяющей всю судьбу наших социалистических достижений на селе, мы имеем следующие разительные данные по Украине, которая считается в этом отношении на первом месте среди многих других республик

Союза (по данным Наркомзема УССР в процентах от общей сел.-хоз. площади):

Под совхозами	1.010.000	га	2,4%
„ коммунами	64.000	„	0,16%
„ артелями	218.000	„	0,55%
В т-вах по совместной обработке земли . . .	298.000	„	0,74%
В машинно-тракторных товариществах	610.000	„	1,55%
Всего	2.200.000	га	5,4%

Если мы исключим из этих цифр совхозы, занимающие 2,4%, как не могущие итти в счет наших успехов по обобществлению индивидуально-крестьянского хозяйства, выбросим машинно-тракторные товарищества, как в большинстве случаев фиктивные, то мы получим прямо убийственные результаты.

Можно привести еще бесконечное количество убийственных фактов, говорящих о том, что у нас с вопросом направления кредитов непосредственно заемщикам чрезвычайно неблагополучно, но хватит, пожалуй, и приведенных, чтобы сказать, что низовая сеть финансирования сельского хозяйства гнет явно не в ту сторону.

Можем ли мы итти так дальше, можем ли в дальнейшем сотни миллионов советских рублей, предназначенных для финансирования сельского хозяйства, направлять и впредь так, чтобы эти средства попадали в сферу влияния чуждых нам стихийных процессов на селе и способствовали развитию в сельском хозяйстве вредных тенденций? Будут ли деньги итти бедноте, для вызволения ее из нищеты и кулацкой кабалы и вовлечения ее в широкое коллективное строительство, или же они пойдут на укрепление враждебных нам верхушечных, кулацких хозяйств села,— этот вопрос в настоящее время со всей серьезностью стоит перед партией и советской властью, и на него нужно ответить совершенно ясно и недвусмысленно.

Что же, по нашему мнению, нужно сделать, чтобы низовая сеть всех видов кооперации на практике проводила именно то, чего хочет партия и советская власть?

Прежде всего несколько слов о том, как обычно распределяются кредиты на местах заемщикам.

Члены кооперации подают заблаговременно в свое правление заявление, что им нужен кредит на такую-то надобность. По получении денег из центра правление в присутствии контрольного совета рассматривает эти заявления и в зависимости от тех или иных обстоятельств удовлетворяет их. Точно так же подаются заявления коллективных об'единений кооперации и в части получения кредитов по обобществленному сектору сельского хозяйства. При этом нужно принять во внимание, что обычно кредитная низовая организация обслуживает 5—6 сельсоветов и 12—15 населенных пунктов в них.

Кредит как индивидуальным хозяйствам, так и коллективным выдается под углом зрения материальной гарантии, а не исходя из степени нужды и производственных планов коллективных об'единений. Кредитная система «не ищет» желательных с точки зрения государственной политики заемщиков как в индивидуальных хозяйствах, так и в части об'единений. Роль кредитных организаций сводится исключительно

к банковско-финансовым операциям без проявления организующего начала по реконструкции сельского хозяйства.

Ни сельсовет в целом, ни беднота в вопросах распределения кредитов никакого участия не принимают, если не считать, что их представители «в качестве гостей» иногда присутствуют на заседаниях правлений.

Сельсовет и беднота на своих собраниях не обсуждают, кому выдавать кредит и как рационально использовать его по обобществлению сельского хозяйства. Низовые органы советской власти и беднота находятся в стороне от этой работы.

Таким образом, создалось такое положение, когда в вопросах финансирования сельского хозяйства кооперация задает тон сельсовету и фактически руководит им, советскими денежками целиком распоряжается низовая кредитная кооперация, а органы советской власти, призванные руководить хозяйственным и социально-культурным строительством на селе, в этом деле, так сказать, с боку-припеку.

В центре, в губерниях, округах, уездах и даже в районах органы советской власти рассматривают и утверждают планы кредитующих организаций. Этим организациям даются указания и направления в работе, и здесь финансовая система идет нога в ногу с советской властью.

Но как только дело доходит до села, т.-е. до того самого места, где решается судьба этих самых денежек не на плане и бумаге, а когда нужно сказать, кому персонально и как использовать эти деньги, органы соввласти куда-то исчезают, их заменяет и подменяет всесильная кооперация, которая и распоряжается кредитом.

Правления кредитных организаций на селе играют решающую роль в использовании средств по финансированию сельского хозяйства. Система контрольных советов пока-что является не более, чем ширмой.

Предложения об «усилении» и качественном улучшении состава правлений, пополнении их партийными, советскими и кооперативными работниками есть паллиатив, к тому же нереальный.

Мы не в состоянии в ближайшие годы так укрепить работниками эти организации и поднять влияние в них бедноты, чтобы радикально изменить практику работы низовой кредитной системы.

Нужны не паллиативы, нужно радикальное изменение организационных методов и форм работы низовой системы финансирования сельского хозяйства, пересмотр ее прав в части руководства системой кредитования со стороны низовых органов власти и организованной бедноты.

Нужно ввести в практику собрания бедноты и сельсоветов, которые всесторонне взвешивали бы и решали, кому, сколько и на какие нужды может быть выдан кредит. Только после подобного решения кредитные товарищества должны выдавать кредиты.

В иных случаях между сельсоветом и правлением кредитной организации будут расхождения, это не страшно — важно, что в дело кредитования будут втянуты широкие крестьянские и особенно бедняцкие слои села. Пусть последнее слово остается даже за правлением кредитных организаций, но зато будет широкий контроль бедноты и советских элементов села над использованием средств по финансированию сельского хозяйства.

Особенное значение это имеет для использования кредитов по обобществлению сельского хозяйства. До сих пор низовая кредитная ячейка, получив деньги на коллективизацию, «ждала», пока где-то родится этот самый коллектив и придет к ней на поклон за кредитами. В результате этого полу-

чалось, что деньги на коллективное строительство лежали в кредитных организациях неиспользованными (особенно это относится к «фонду бедноты»), а коллективы на селе не строились потому, что не было на это у бедноты средств.

Нередко было и так, что коллективное об'единение кредитовалось не по производственному плану, а по имущественному обеспечению, а так как большинство коллективов составлялось из бедноты, то оно получало кредит в таком размере, что он ни в какой мере не способствовал хозяйственному оздоровлению, наоборот, не успев стать на ноги, такой коллектив неминуемо разрушался, зачастую дискредитируя самую идею коллективизации на селе. Такая постановка кредитования обобществленного сектора сельского хозяйства приводила к тому, что часто система финансирования поднимала вопрос о расширении кредитования из фонда бедноты индивидуальных хозяйств, так как они не использовываются по линии коллективизации за отсутствием об'ектов кредитования. Понятно, легче всего раздать деньги отдельным пайщикам и значительно труднее заниматься строительством колхозов, и по этому пути кредитная система зачастую и шла.

Вся работа системы сел.-хоз. кредита до сих пор в конечном счете сводилась к банковско-финансовой работе, «политика» же была где-то в стороне. Эта аполитичность привела в конце концов к явным извращениям нашей линии, отмеченным еще XV с'ездом.

Извращения эти могут быть избегнуты только тогда, когда беднота и сельсоветы в целом будут не случайными представителями, а постоянными и органическими участниками кредитной работы, практически работающими по коллективизации сельского хозяйства.

Когда в сельсовете и на собрании бедноты кредитной организации будет известно, что им назначено по плану кредита на 5 лошадей, несколько плугов, молотилок, сеялок и т. д. для вновь организуемых коллективов, то беднота, участвующая в обсуждении этого вопроса, не имеющая на сегодняшний день ни лошадей, ни машин, пойдет в коллектив, и это органически увяжет кооперативную систему с беднотой и низовыми органами советской власти в этой важнейшей работе.

Нас могут «запугать», что этим мы сорвем рост и самодеятельность сел.-хоз. кредитной кооперации и приостановим вовлечение новых средств от населения в кооперацию, что это будет вмешательством в деятельность общественных организаций, обезличивание их и т. д. Не так, однако, страшен чорт, как его малюют. Кооперация получает почти все средства для кредитования пайщиков от государства, и для советской власти далеко не безразлично, куда пойдут эти средства. Пойдут ли они туда, куда хочет советская власть, или туда, куда хочет кулацкая верхушка села.

При распыленном крестьянском хозяйстве единственным действительно могучим рычагом влияния на сельское хозяйство в нужном нам направлении может служить финансирование сельского хозяйства, и если это орудие мы не сумеем прочно держать в своих руках и оно зачастую будет попадать в руки враждебных нам сил на селе, то от всех наших прекрасных планов по реконструкции сельского хозяйства, по обобществлению его, по оказанию помощи бедноте останутся только рожки да ножки.

Когда будет такое положение, при котором в кооперации своих средств окажется 98%, а государственных только 2%, тогда, может быть, будет уместно и логично ставить вопрос о невмешательстве органов власти в вопросы распределения кредитов.

Бояться того, что вкладчики будут бежать из кооперации, не следует, так как пайщик в нынешних условиях на свой рубль получает около 100 рублей государственных средств.

Некоторые «боятся», что сельсоветы и беднота выдадут тому деньги, кто пропьет их или купит гармошку вместо лошади—лодырям, как это часто мотивирует кулак на селе, когда выступает против выдачи кредитов бедноте. Нам думается, что такие сельсоветы, которые так подходили бы к распределению кредитов, едва ли найдутся.

Для устранения всех извращений партийной и советской линии в вопросах финансирования сельского хозяйства нужно твердо провести следующие принципы и мероприятия:

1) Зажиточно-кулацкой верхушке села из средств по финансированию сельского хозяйства не выдавать ни гроша.

2) Максимум средств направить по линии обобществления сельского хозяйства. Системе финансирования сельского хозяйства не ждать клиентуры, а заняться широкой организационной работой по созданию колхозов. Кредит выдавать по производственному плану, не считаясь с имущественным обеспечением.

3) Кредит, направляемый для индивидуальных хозяйств, выдавать в первую очередь бедноте, создав для нее по общим кредитам льготы и преимущества в получении.

4) Предоставить право сельсоветам руководить работой низовой системы финансирования с тем, чтобы кредиты распределялись пайщиками только по заслушивании доклада кооперации в сельсовете. Приблизить работу кооперации к бедноте, поставить ее под общий контроль бедняцких масс села.

5) Больше уделить внимания вовлечению бедноты в кооперативные ячейки и усилению партийного руководства низовой системой финансирования сельского хозяйства.

Только при такой постановке работы в системе финансирования сельского хозяйства мы получим положительные результаты в смысле правильного использования кредитов и увеличения достижений по обобществлению сельского хозяйства.

А. Жариков.

Машинизация, как метод коллективизации крестьянского хозяйства.

Коллективизация крестьянского хозяйства происходит двояким путем: прямым и косвенным. Прямой путь это—организация отдельных крестьянских хозяйств сразу в коллективные хозяйства (коммуны, артели и товарищества по общественной обработке земли), а косвенный это—путь нарастания сначала отдельных процессов обобществления в крестьянском хозяйстве через сбыт, снабжение и переработку.

Первый путь, прямой, пока не является путем массовой коллективизации. Коллективные хозяйства, несмотря на свой рост, укрепление и значительные достижения в области организации производства и труда, все еще занимают ничтожный удельный вес как в кооперативной системе, так тем более среди моря неорганизованного крестьянского населения. Количество об'единенной земли в с.-х. коллективах пока еще не превышает 1,5% от общей площади земли по республике. А количество об'единяемого ими населения и того меньше. Оно выражается лишь в 1% всего сельского населения республики. Строительство колхозов происходило до сих пор главным образом путем прямой, непосредственной их организации батрацко-бедняцким и бедняцко-середняцким населением деревни.

Этот путь организации отличается большой сложностью. При нем сразу приходится отказываться от всех навыков индивидуального хозяйствования и совершать своего рода революцию. А итти на эту революцию, на эти новшества крестьянин, в особенности середняк, не такой большой охотник. Таким образом, этот путь является таким, по которому нарастание коллективных форм хозяйствования, как видно, пойдет медленно. Само собою разумеется, что темп нарастания будет зависеть от многих причин и, в частности, от одной из основных,—от быстроты развития нашей крупной госпромышленности, от того, насколько быстро она сможет дать сельскому хозяйству соответствующую техническую базу. Но уже теперь можно сказать, что интересы социалистического строительства страны требуют, чтобы процессы коллективизации сельского хозяйства нарастали быстрее, чем это имело место до сих пор. Пока они далеко отстают от роста нашей социалистической индустрии. Между тем центральная фигура деревни—середняк—к социалистической реорганизации своего хозяйства прямым путем относится пока с большой осторожностью.

Он присматривается, думает и выжидает, а приступить к этому непосредственно, в большинстве случаев, не решается. Для него гораздо понятнее и доступнее те пути, которые заставляли бы его отказываться от индивидуального хозяйствования не сразу, а постепенно, когда непосредственные интересы его хозяйства, убеждали бы его в том, что дело коллективизации—дело выгодное. Это и есть пути косвенной коллективизации, пути постепенного врастания в коллективные формы хозяйствования.

Одним из таких путей и является путь коллективизации через машину, при чем этот путь является одним из тех косвенных путей, который в кратчайший срок может дать наибольшие результаты в деле под'ема производительных сил сельского хозяйства в социалистическом направлении.

— Нас агитировала машина,—сказал усатый крестьянин в пиджаке.

— Это как же так?

— Да так. Осенью 1925 года пригласили на молотьбу хлеба трактор со сложной молотилкой. Смотрим, что день, то 100 копен охолостит. Зерно получается чистое, убираем в амбары. Люди от дождей воют, а нам хоть бы что. Посмотрели мы, подумали. Понравилось это нам. Решили организовать свое машинное товарищество. Весной прошлого года товарищество приобрело себе трактор «Ойль-Пуль». Теперь в товариществе обработка земли производится коллективным путем[1]).

Совершенно ясно, что агитация машиной—лучший метод агитации за коллективизацию! Нам кажется, что машина, как средство коллективизации, используется нами в недостаточной степени.

XV с'езд нашей партии обратил внимание партии на машинизацию деревни кооперативным путем и поставил перед нами задачу «вовлечения в кооперацию в течение ближайшего периода всей бедноты и большинства середняков» и задачу перехода от мелкого индивидуального хозяйства к крупному общественному, как практическую задачу дня. Нам предстоит эти директивы реализовать. А дабы их успешно реализовать, необходимо заострить на этом деле внимание нашей партии, земельных работников и кооператоров. В этом деле машина должна сыграть решающую роль. Ведь и до XV с'езда роль машины в деле кооперирования и коллективизации была ясна почти всякому, а особенно земельным работникам и кооператорам! В чем же дело?—скажете вы. Дело в том, что мы практически в этом направлении делаем недопустимо мало. Что мы сделали в этом направлении? Была ли машина в наших руках средством организации и коллективизации крестьянского хозяйства? На наш взгляд, сознательным—почти нет!

Что мы делали? В большинстве своем—просто торговали машинами, а не организовывали через машину и при помощи машины крестьянское население. В это дело должен быть внесен значительный корректив. Машина должна стать в наших руках таким орудием, которое мы сознательно использовывали бы в целях реконструкции крестьянского хозяйства на социалистической основе. На этом деле не грех понести некоторые прямые убытки (кстати, мы их все равно почти несем!), чтобы косвенно получить крупные, я сказал бы, социалистические барыши. Между тем, каково об'ективное положение вещей, что мы имеем?

1. Ежегодно мы внедряем в деревню тысячи тракторов. Так, к осени 1927 года общее число тракторов, работающих в сельском хозяйстве в СССР, уже насчитывалось:

в РСФСР	17222	в Узбек. ССР	1055
„ УССР	7735	„ Туркмен. ССР	150
„ ЗСФСР	957		
„ БССР	84	Итого	27203[2])

[1]) См. журн. «Сельскохозяйственная Кооперация» № 21 за 1927 г., стр. 55.

[2]) См. Н. Богданов—«С.-х. машиностроит. и машиноснабжение советской деревни», стр. 80. ГИЗ. 1928.

Мало, конечно, дать трактор, а надо его дать так, чтобы он делал свое социалистическое дело. В той же работе Н. Богданова мы находим такие данные о распределении тракторов на 1926 год (в процентах):

	РСФСР	УССР
Коммуны	10,4	20,0
С.-х. артели	15,4	—
С.-х. н мелиоратнвные товарищества и товарищества по общественной обработке земли	18,5	10,2
Машинные (тракторные товарищества)	11,3	36,6
Кредитные товарищества и комитеты крестьянской взаимопомощи	18,3	11,7
Совхозы и государственные организации	14,3	20,0
Единоличники и родственные об'единения	10,8	1,5[1])
Итого	100%	100%

Ненормальное распределение тракторов сразу бросается в глаза. Тракторы у единоличников—это вопиющая аномалия! Правильное использование тракторов также сомнительно и у с.-х. и у кредитных товариществ.

Правда, еще 3/XII—1926 года эта ошибка учтена СТО, постановлением которого тракторы предложено давать только кооперативным организациям и советским хозяйствам и запрещено продавать их единоличникам.

Дальше. Кроме тракторов мы ежегодно внедряем в деревню десятки тысяч других сложных машин, могущих служить средством коллективизации. Так, в 1927 году, кроме более мелких с.-х. машин и орудий, было продано (в тысячах штук):

Плугов.	Сеялок.	Уборочных машин.	Молотилок.	Зерноочистительных машин.
910	47	101	54	133

Всего на сумму 130 миллионов рублей (с мелкими орудиями и машинами).

Около 60% машин и орудий будут такие, которые может покупать и индивидуальное крестьянское хозяйство. Но около 40% машин использовать в индивидуальных хозяйствах явно невыгодно, не говоря уже о тракторах. Заметим мимоходом, что использование тракторов выгодно лишь в крупных обобществленных хозяйствах и совхозах.

2. Мы имеем в деревне массу бедняцких и середняцких хозяйств, в которых применение не только крупных, но часто и мелких машин нерентабельно, т.-е. имеем экономические и социальные предпосылки кооперирования и коллективизации.

3. И, наконец, имеем налицо быстрый стихийный (в большинстве случаев) рост машинных товариществ, организующихся главным образом в целях совместной закупки сложных с.-х. машин, в особенности тракторов, на льготных условиях. Рост машинных товариществ идет интенсивнее роста других производственных кооперативов, хотя также растущих быстро. Вот таблица, не требующая комментариев:

	Машинные т-ва.		Мелиоративн. т-ва.		Семенные т-ва.	
	Абсол.	%	Абсол.	%	Абсол.	%
На 1/X—25 г.	2268	100	3933	100	398	100
На 1/IV—26 г.	4221	186	4634	117	782	196
На 1/X—26 г.	6356	280	4819	122	1113	279
На 1/X—27 г.	10268	453	5255	137	1789	449

[1]) Эту цифру автор считает преуменьшенной и называет цифру в 4—5%.

А как же обстоит дело с использованием столь благоприятных предпосылок в об'ективном положении вещей нами сознательно в целях нарастания, ускорения процессов кооперирования и коллективизации? Как мы умеем толкать к коллективизации те виды кооперации, которые стоят на грани к ней и которые при правильном руководстве ими быстро перерастают в коллективы (сначала в более простые, а затем и в более сложные), а при отсутствии руководства часто превращаются в лжекооперативные организации? Что машинные товарищества стоят на грани, являются переходной формой к коллективам — это общепризнано. Попробуем проследить, как происходит их перерастание в коллективы, не задаваясь целью говорить о других, тоже интересных переходных формах (семеноводные, мелиоративные и т. д.).

На вопрос—а сколько машинных товариществ перешло к коллективным формам хозяйствования?—вам скажут, в соответствующих учреждениях, приблизительно, следующее:

«Нам известно, что в Канском округе (Сибирь), в связи с улучшением организационно-хозяйственного обслуживания машинных товариществ, в течение одного года 18% их перешло на устав товариществ по общественной обработке земли, т.-е. к коллективной форме хозяйствования, что, по данным обследования 1926 года, общественная запашка в машинных товариществах Урала составляет 11%, в товариществах Сибири—19,5% и товариществах Поволжья—31,8% всех посевов и что, наконец, параллельно с этим происходит и обобществление инвентаря в товариществах, и в особенности сложных машин. Так, например, скажут вам, «в Бийском округе, тракторы обобществлены на 100%, сеялки—на 72%, жатки—на 49%, косилки—на 39% и т. д.». Сомнительно, чтобы вы могли получить более полные обобщенные данные. А если и получите, то несущественные детали. Наконец, вам могут сказать, что о товариществах мало сведений потому, что они приблизительно на 90% являются «дикими», т.-е. не входящими в систему с.-х. кооперации, а значит и находятся без организационного и хозяйственного обслуживания и руководства. Вы пробуете искать на столь важный вопрос ответа в литературе. Но и там вы находите лишь некоторые отрывочные сведения и почти те же самые.

Открываете какую-либо сводную работу, скажем, «Кооперация в СССР за 10 лет», изд. Коммунистической Академии. В статье т. Биценко «Колхозы в СССР», стр. 74, по интересующему вас вопросу читаете:

«Переход к коллективному производству пока в машинных товариществах проявляется слабо, даже при наличии трактора» (разрядка моя. *А. Ж.*).

Вы читаете дальше. Тут идет поистине какая-то неразбериха: «Так, по 61 кооперативу (только по 61, заметьте!!! *А. Ж.*) Северного Кавказа обобществлены все работы (разрядка моя. *А. Ж.*) в 4% машинных товариществ (значит, это уже не машинные товарищества, а коллективные хозяйства, товарищ Биценко!), в 32% товариществ по совместной обработке земли и во всех артелях». А это что значит? Ведь в товариществах по общественной обработке земли и в артелях работы должны быть обобществлены по их уставу, в противном случае это будут лжетоварищества и лжеартели.

При чем же тут переход, когда они должны быть обобществлены при начале организации!? Читаем дальше: «Даже общественная запашка производится только в 28% машинных товариществ (это не так-то плохо! *А. Ж.*). Единолично же проводятся все работы (курсив мой. *А. Ж.*) в 68% машинных товариществ и 35% товариществ по общественной обра-

ботке земли». Значит, эти 35% товариществ—не товарищества по общественной обработке земли, коль в них все работы проводятся единоличным порядком, а лжеколхозы и как таковые подлежат ликвидации. Ну, все эти ляпсусы мы оставляем на совести автора и приводим их скорее как «образец изучения» столь важного для нас дела.

Далее, автор отмечает «значительное использование машин на стороне» и совершенно правильно видит в этом использовании эксплоататорские тенденции машинных товариществ, их стремление к эксплоатации при помощи машины окружающего населения.

Вот вам данные одного из основных литературных источников, как показатель того, как обстоит у нас дело с работой в этой области и с изучением результатов ее. А ведь машинные товарищества являются важнейшим видом производственного кооперирования!

Наше обращение к другим литературным источникам в основном не прибавляет нового материала. Но тем не менее нам придется сделать некоторые выписки из наиболее поздних и наиболее важных источников, в целях иллюстрации нашей основной мысли.

Тов. Н. Я. Кузьмин (председатель Колхозцентра) в своей статье к Всероссийскому с'езду колхозов—«Роль колхозов в сельском хозяйстве» [1]) говорит: «Машинные и мелиоративные товарищества переходят к общественной запашке земли членов, сведенной в один участок, и практически превращаются в товарищества по общественной обработке земли. Но работы по закреплению новых позиций в жизни товарищества также (как правило) не ведется, вследствие отсутствия организационно-производственного руководства их работой, и часто бывает, что такая организация, не сумевшая организационно закрепить свое положение, отступает на старые позиции и даже через известный промежуток времени погибает» (разрядка моя. *А. Ж.*).

Приведем еще одну выписку из того же номера журнала, из статьи З. Чухарько и С. Короткова—«Работа машинных товариществ», написанной на основании выборочного обследования Сельскосоюза 71 машинного товарищества истекшим летом. В своих выводах авторы говорят:

«Достигнута значительная степень обобществления с.-х. инвентаря. Наконец, все более и более выясняется роль машинных товариществ, как подготовительной ступени к более высоким степеням коллективных хозяйств. При правильной постановке работы и правильном руководстве машинные товарищества постепенно переходят к более высоким формам производственных об'единений, путем дополнительного кооперирования отдельных сторон крестьянского хозяйства (пашня, труд и т. д.)»... И дальше: «Отмеченные выше недочеты в работе товариществ следует отнести в первую очередь за счет недостаточного внимания со стороны местных организаций и недостаточного организационного руководства работой машинных товариществ со стороны верхних кооперативных звеньев (союзы и находящиеся при них колхозсекции). Даже учет количества машинных товариществ по району в большинстве случаев отсутствует. Инструкторское обслуживание машинных товариществ недостаточно, носит характер случайных заездов» (разрядка моя. *А. Ж.*).

Итак, вот каково об'ективное положение вещей!

---

[1]) См. «С.-Х. Кооперация» № 2, 1928 г., стр. 10.

Выводы из сказанного могут быть коротко формулированы так:

1. Машина является наиболее действительным средством коллективизации. Машинные твартищества, являясь одной из переходных форм к коллективизации, способны (при правильном и достаточном руководстве ими) быстро перерастать в коллективные хозяйства. Мы имеем уже достаточную техническую базу (тракторы, сложные машины), вокруг которой начался быстрый стихийный рост машинных товариществ. Социально-экономические условия (мелкие бедняцко-середняцкие хозяйства и невыгодность и даже невозможность применения в них крупных машин) благоприятствуют этому росту, т.-е. и перерастанию их в коллективные формы. На этот путь бедняк и середняк пошел стихийно, лишь под давлением железной логики экономической целесообразности. И, наконец, на этом пути наиболее полно разрешается вопрос о ликвидации безынвентарности и безлошадности маломощного крестьянства и задача вовлечения в кооперацию всей бедноты и большинства середняков.

2. Все эти благоприятные моменты мы пока не сумели использовать в достаточной мере потому, что не могли дать надлежащего количества и качества организационно-производственной и хозяйственно-технической помощи и построить руководство этими процессами в целях нарастания социалистических элементов в деревне. Организационно-производственная помощь и руководство машинными товариществами находятся в самом зачаточном состоянии.

Тут может возникнуть вопрос—кто в этом виноват? Мы все. Или, точнее, об'ективные трудности нашего социалистического строительства. Или, пожалуй, немножечко и суб'ективные в том смысле, что мы «загляделись на одну определенную форму роста» кооперации, а именно—кооперации обращения товаров, забыв про другие ее формы, и уделили последним мало внимания. Вина наша тут, конечно, сугубо относительная. Для успокоения некоторых кооператоров замечу в двух словах, что мы и сейчас стоим за усиление развития сбыто-снабженческой кооперации, но вместе с тем и за большее усиление развития производственных видов, в особенности машинных, мелиоративных, семеноводческих и животноводческих товариществ, как имеющих более короткий путь к коллективизации.

Каковы же задачи, стоящие перед нами сейчас? Они совершенно четко изложены нашей партией в постановлениях XV с'езда. Директива эта такова: «Усилия пролетарского государства направлены здесь (в области снабжения. *А. Ж.*) в первую очередь к тому...,

3. чтобы сделать машиноснабжение орудием под'ема массы крестьянских хозяйств и их кооперирования, в особенности производственного кооперирования» (пункт 10 о работе в деревне). Было ли машиноснабжение у нас до сих пор таким орудием, о котором говорит резолюция? Мы ответили: сознательным—почти нет.

Эту задачу партия ставит в связи с тем, что «социалистическая индустрия будет вести мелкокрестьянское хозяйство по пути к социализму, переделывая индивидуальные и раздробленные производственные единицы как через процесс обращения, так все больше и через реорганизацию и об'единение самого производства в крупное обобществленное хозяйство на основе новой техники (электрификация и т. д.). Поэтому партия и считает, что «в настоящий период задача об'единения и преобразования мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы должна быть поставлена в качестве основной задачи

(разрядка в резолюции) партии в деревне» (разрядка везде моя, кроме указанного последнего случая. *А. Ж.*).

Выполним ли мы эту нелегкую задачу? Она должна быть выполнена и будет выполнена.

Но для практического осуществления этой директивы нужны кой-какие дополнительные мероприятия со стороны советского и кооперативного аппаратов. Нужно подвинтить, подтянуть кой-какие колесики и винтики этих аппаратов, которые вертятся иногда не слишком так, немножко не в ту сторону, как это требуется для осуществления этой важной задачи. (Заметим в скобках, что сдвиг уже начался, замечается, но мы опасаемся, как бы раскачивание не продлилось слишком долго, в особенности на местах. Скоро ли волна докатится?!).

Какие основные организационные меры мыслимы к осуществлению в целях проведения этих задач?

На наш взгляд, они должны быть примерно такими:

1. Союзам сельскохозяйственной кооперации необходимо сделать крен в направлении организационно-производственного и хозяйственного обслуживания производственных видов низовой сети с.-х. кооперации, в особенности машинных товариществ и коллективных хозяйств, проводя обслуживание последних по линии колхозсекций при союзах. Считать недопустимым сокращение так называемой неторговой деятельности в союзах, в особенности организационно-производственного инструктажа, а, наоборот, произвести рационализацию аппарата за счет сокращения и уплотнения своего торгово-заготовительного аппарата (отнюдь не сокращая оборотов!) и переложения части этой работы на первичную сеть, где это возможно и нужно. (Сокращение организационных аппаратов в союзах, к сожалению, имеет место, как видно, потому, что это—линия наименьшего сопротивления). А за счет освободившихся средств от рационализации и сокращения торгового аппарата усилить организационно-производственный аппарат союзов.

2. По линии земельных органов также необходим определенный крен в сторону усиления организационно-производственного обслуживания низовой сети производственных видов с.-х. кооперации и соответствующая передвижка в аппарате земорганов в этом направлении (т.-е. примерно таким образом: за счет сокращения административных, технических и канцелярских работников усилить кадр специалистов, обслуживающих эти виды кооперации).

3. Первые две меры имеют, конечно, определенные пределы, дальше которых итти нельзя. Но на этом пути еще много можно сделать. Вместе с тем следует определенно сказать, что без материальной помощи (дополнительной) со стороны пролетарского государства желательных сдвигов в этом направлении в короткий срок добиться будет нельзя.

Правильное использование машин неизбежно повлечет за собой целый ряд других агротехнических улучшений, которые повысят урожай, увеличат товарность хозяйства и общий товарооборот страны, т.-е в конечном счете страна будет иметь финансовый плюс. А самое главное—это наш социалистический барыш: закрепление и усиление социалистического сектора деревни.

Считаем возможным, целесообразным и даже необходимым произвести усиление низового аппарата земельных органов (агроучастки, районные земельные органы, уездные земельные управления) и районных союзов с.-х. кооперации (организационно-производственной части), как непосредственно занимающихся этим делом, за счет сокращения центральных, областных и губернских земельных и кооперативных аппаратов, с соответствующей передвижкой вниз и кредитов на усиление этой работы, а также, конечно, и людей (не возражаем против такой операции и с другими центральными учреждениями).

А если мы будет продолжать писать низовым органам только циркуляры об усилении этой работы, не давая им реальной возможности произвести это усиление, от этого возрастет только количество циркуляров, а не колхозов. Поменьше «социалистических» бумаг, побольше социалистического дела.

Препятствия и возражения в роде таких, что у каждого учреждения свой кредит, свой баланс, своя отчетность, мы не считаем непреодолимыми. Можно найти соответствующие формы для разрешения этих «затруднений». Кстати, тут в известной мере разрешается и культурная проблема деревни. Деревня получит новый отряд культурных работников, наличие которых даст новый, дополнительный толчок в деле роста культурного состояния деревни.

А благодаря реальному усилению организационно-производственной помощи организованному крестьянству, несомненно, удастся вовлечь и кой-какие дополнительные средства самого населения. На выгодное дело бедняцко-середняцкое крестьянство понатужится, но даст свои гроши! (Заметим в скобках, что построение соответствующих экономических мероприятий, построение оперативных планов земорганов и кооперативных организаций, кредиты и т. д. — под углом зрения производственного кооперирования мы считаем само собой разумеющимся).

В заключение укажем еще на один плюс, который имеют коллективные хозяйства. Они уже сейчас часто являются опорными пунктами работы партии в деревне, они ими были в эпоху гражданской войны, когда строили свое хозяйство с винтовкой в руках (особенно в Сибири и на Северном Кавказе), сражаясь с бандитско-кулацкими отрядами в районах восстаний, они должны сыграть и, несомненно, сыграют большую роль в грядущих классовых боях с противниками «коммуны», если эти классовые бои нам будут кем-либо навязаны.

Под руководством партии эти опорные пункты в социалистическом строительстве деревни будут укреплены и приумножены.

М. Поллитт.

Борьба английских женщин с войной.

При рассмотрении факторов, от которых зависит успешное развитие нашей борьбы с войной, мы видим, что почти все секции Коминтерна недооценивают подчас довольно сильно ту важную роль, которую играют трудящиеся женщины в этой борьбе.

В этом году британская компартия впервые уделила в своей антивоенной кампании серьезное внимание этому участку своей работы и начала энергичную, систематическую кампанию среди трудящихся женщин.

В одном отношении эта работа очень легка. Трудящиеся женщины питают величайшую ненависть к войне—ненависть, которая больше всех других чувств связывает воедино группы и организации, имеющие друг с другом мало или вовсе ничего общего—ненависть, которая заставляет их прислушиваться к компартии в этом вопросе, в то время как все ее обращения по другим поводам они оставляют без внимания.

Но, с другой стороны, по нашей же вине возникают и серьезные затруднения при проведении подобной антивоенной кампании. Мы настолько игнорировали эту ожесточенную ненависть, не считая нужным ее использовать, что позволили буржуазным, религиозным и пацифистским организациям почти окончательно подчинить трудящихся женщин своему идеологическому контролю. Мы позволили им оторвать женщин от рабочего классового движения, насытить их пацифистскими теориями и окончательно отвлечь их энергию от реальной борьбы с войной.

Консервативная партия имеет в каждой горнорабочей деревушке и промышленном центре свои женские организации,—так называемые весенние лиги, союзы матерей и проч.,—которые стараются опереться на массы трудящихся женщин и ведут среди них вербовочную деятельность, привлекая их к себе обещанием тех или других социальных выгод.

Другой организацией, сильно зависящей от поддержки женских союзов, является союз Лиги Наций. Эта организация, имеющая индивидуальных членов, и ведущая агитацию за вступление в нее различных социальных, религиозных и политических организаций, популяризирует и пропагандирует идею, согласно которой Лига Наций является единственным орудием, при помощи которого возможно установление всеобщего мира. Огромное количество женских кооперативных гильдий и женских секций рабочей партии об'единено с союзом Лиги Наций, регулярно посылающим им литературу и пропагандистов и возглавляемым главным образом видными либеральными политиками и экономистами.

Еще более популярным является среди трудящихся женщин движение против повторения войны, которое возникло в результате кампании, поднятой во время войны сторонниками отказа от военной службы по религиозным убеждениям. Это движение, находящееся главным образом под влиянием так наз. левого крыла независимой рабочей партии, ведет пропаганду за отказ всех рабочих от военной службы в случае войны,

и оно в значительной мере повинно в том, что в рядах рабочих масс создалось неясное представление об этом вопросе. Поддержка, оказываемая как союзу Лиги Наций, так и движению против повторения войны, основывается исключительно на чувстве, а не на логике, понимании и одобрении целей и политики этих организаций.

Эта неопределенная позиция масс об'ясняется двумя тенденциями, глубоко вкоренившимися среди британского рабочего класса, и в особенности женщин.

Во время войны Великобритания была единственной страной, где отказ от военной службы по религиозным убеждениям принял широкие размеры. Это была пораженческая и бесполезная политика отчаяния, но все же можно считать, что это было выступление рабочего класса против войны, при чем женщины играли в этом движении чрезвычайно крупную роль. Последние десять лет это движение начало находить широкую поддержку в рядах рабочего класса, и этот факт, равно как и инстинктивный страх британского рабочего класса перед насилием и неконституционным выступлением, заставляет притти к заключению, что одной из крупнейших пацифистских опасностей, с которыми нашей партии необходимо бороться, является вера в бойкот, как успешное средство для предотвращения войны.

Вот почему чрезвычайно важно, чтобы мы пользовались всяким случаем для того, чтобы убеждать рабочих, и в особенности женщин, оказывающих большое влияние на своих мужей, в бесцельности лозунга бойкота. Мы не должны недооценивать возможность возникновения крупного движения за бойкот в случае об'явления войны. Мы не должны недооценивать опасность, которую будет представлять для нас это движение в случае, если оно выйдет из-под нашего контроля. А это случится, если мы не будем постоянно раз'яснять широким массам, что необходимо, не ограничиваясь одними чувствами, прибегнуть к массовой забастовке. Мы при этом не должны думать, что забастовка сможет приостановить войну, но мы должны ее рассматривать, как агитационное средство для привлечения широких кругов рабочих, не откликнувшихся на наши предостережения.

Возможно, что какая-нибудь сильная и боевая секция профсоюзного движения (как, напр., федерация горняков Южного Уэльса), даст своим членам инструкцию бойкотировать армию. Совершенно очевидно, что наш долг будет заключаться в том, чтобы приложить все усилия к тому, чтобы превратить этот массовый бойкот в исходный пункт для всеобщей забастовки, имея все время в виду восстание, как конечную цель. Необходимо все время подчеркивать, что единственное средство для прекращения войны заключается в свержении буржуазии, что, однако, невозможно при отказе от военной службы. Необходимо вступить в армию для того, чтобы разложить и превратить империалистическую войну в гражданскую.

Вот те об'ективные условия, при которых британская компартия развила свою антивоенную кампанию по определенным линиям, выработанным теперь впервые.

1) Мы должны обращаться не только к сочувствующим лицам, посещающим наши собрания, и членам профсоюзов, кооперативных гильдий и женских секций рабочей партии, как это до сих пор делалось, но и к неорганизованным промышленным рабочим, домашним хозяйкам и даже к женщинам, входящим в организации, враждебные рабочему классу.

В этих целях были организованы во всей стране митинги у ворот фабрик, уличные собрания и делегатские конференции, преследовавшие следующие цели:

а) Устройство национальной антивоенной демонстрации в Лондоне с участием женщин из всех местностей страны.

б) Посылка делегации из 50 трудящихся женщин в Советский Союз. Целью этой делегации является снесение пацифистского барьера, поставленного между многими лево-ориентированными женщинами и нашей партией.

Беспартийные женщины, побывавшие в Советском Союзе в ноябре прошлого года, научились различать между двумя родами «насилия»: между традиционным насилием буржуазии, стремящейся сохранить свое господство, и оборонительными мерами Советского Союза, принимаемыми для защиты революции.

Научившись разбираться в этом различии, многие из этих женщин совершенно изменили свое отношение к вопросу о насилии, и одна из них выступила на конференции женской кооперативной гильдии с пламенной речью против Лиги Наций и за советские предложения разоружения.

Почти все эти беспартийные женщины, участвовавшие в делегации, были пацифистками, членами движения против повторения войны, сторонниками Лиги Наций и проч., хотя в других вопросах они были близки к нашей партии и лойяльно с нею работали.

Наши ораторы старались выступать в профсоюзах, кооперативных гильдиях и в женских секциях рабочей партии, и они получили приглашение принять участие в делегатских конференциях.

Митинги под открытым небом прошли с наибольшим успехом в угольных районах в то время, как в текстильных районах пользовались наибольшим успехом собрания у ворот фабрик. Профсоюзы и женские секции рабочей партии почти неизменно бойкотировали нас, но кооперативные гильдии хотели иметь наших ораторов и принимать участие в наших конференциях.

2) Широкое влияние пацифистских и лже-пацифистских организаций может быть подорвано лишь при систематическом тщательном разоблачении истинных целей этих организаций. Отношение компартии к войне должно быть выражено с величайшей ясностью и определенностью, и наши ораторы ни в каком случае не должны поддаваться искушению и играть на чувствах женщин и их сильнейшей ненависти к войне, не убеждая их при этом в неизбежности новых войн при капитализме. В особенности необходимо ясно об'яснить истинный смысл советских предложений разоружения, указав при этом на сознательное извращение этих предложений пацифистами и реформистами.

Особое внимание было уделено на всех делегатских конференциях Лиге Наций. Приводились все факты, разоблачающие ее, и сторонники ее были вызваны выступить в ее защиту. Тот же метод был применен и к пакту Келлога и письму Понсонби о мире (в этом письме Артур Понсонби, член независимой рабочей партии, бывший товарищ министра иностранных дел в кабинете Макдональда, просил всех врагов войны дать свою подпись в знак того, что они откажутся от какого-либо участия в будущей войне. Была развита энергичная деятельность для получения подписей среди рабочих и членов религиозных и пацифистских обществ). Партия все время подчеркивала, что разоружение и всеобщий мир возможны лишь при разоружении международной буржуазии и захвате власти международным пролетариатом. Таким образом, было в значительной мере подорвано пацифистское влияние в массах.

3) Необходимо прилагать все усилия к расширению круга беспартийных женщин, привлеченных к организации демонстрации и делегации, но при этом ни в коем случае не должно быть замаскировано лицо партии, и она не должна быть отодвинута на задний план.

Каждая делегатская конференция (было организовано всего 20 конференций с участием от 25 до 200 человек в каждой) кончалась избранием комитета единого фронта. В эти комитеты входили представители беспартийных организаций и фабричных рабочих, согласных работать вместе с компартией в антивоенной кампании. Эти комитеты прекрасно работали. Они не только создали целую сеть организаций для сбора денег, необходимых для поездки 50 женщин в Советский Союз и с'езда 1.500 женщин из провинции в Лондон для принятия участие в демонстрации, но, работая в тесном сотрудничестве с коммунистами, они расстались с прежним предубеждением против компартии, и многие из них вступили в ее ряды.

Заключительным аккордом этой кампании явилась гигантская демонстрация в Трафальгарском сквере в Лондоне 29 июля и от'езд 50 делегаток в Советский Союз.

Капиталистическая пресса писала об этой демонстрации, как о крупнейшей демонстрации женщин, какая когда-либо была в Англии. Все ораторы, выступавшие на демонстрации, как партийные, так и беспартийные, считали нужным подчеркнуть, что демонстрация направлена в такой же мере против пацифизма, как и против войны

50 делегаток, большинство которых беспартийные (текстильщицы, упаковщицы, жены горняков, работницы кооперации и т. д.), едут в СССР в качестве послов мира от страны, правительство которой является всегда первым застрельщиком в антисоветских интригах. Они приезжают укрепить узы единства между советскими и британскими трудящимися женщинами и передать привет Красной армии.

Британская компартия вынесла много ценных уроков из этой кампании. Восторженный отклик на наш призыв показал нам ярче, чем когда-либо, что в вопросе о войне мы можем рассчитывать на самую широкую поддержку трудящихся женщин. Этот отклик показал, как велика наша задача, заключающаяся в том, что мы должны окончательно рассеять сильные пацифистские иллюзии, все еще являющиеся тем средостением, которое отделяет массы трудящихся женщин от нашей партии. Энергия и искусство, проявленные при организации всей кампании, ясно показали то огромное значение, которое широкие массы женщин имеют для революционного движения. Вместе с тем был дан должный ответ тем элементам, которые боятся того, чтобы наша партия определенно и открыто выступала с каким бы то ни было обращением к массам.

Само собой разумеется, что мы только затронули эту проблему, и то малое, что мы уже сделали, ясно показало, какую огромную работу нам еще предстоит проделать.

В первую очередь необходимо развить и усилить нашу работу среди работниц в промышленности. В 1914 г. было сравнительно легко мобилизовать женщин для изготовления оружия, военных материалов и проч. Сейчас, когда миллионы женщин индустриализированы, это будет еще легче, в особенности, если мы примем во внимание то огромное количество женщин, которые работают во вновь рационализированных отраслях промышленности — химической промышленности, в промышленности по выделке искусственного шелка и проч. Эти отрасли промышленности можно почти немедленно приспособить для военных целей и изготовления военных материалов. Кроме того, как раз в этих отраслях промышленности рабочим обыкновенно воспрещается быть членами профсоюзов, и там развиты так называемые компанейские союзы.

Этих женщин нам придется во время войны вовлечь в забастовочное движение. Поэтому необходимо уже теперь развить интенсивнейшую работу среди них у ворот фабрик, в профсоюзах, добиваться допущения женщин в фабзавкомы и проч. Устройство делегатских, уличных собраний, интенсивная деятельность в реформистских организациях, работа единым фронтом с коммунистическим пионерским движением против империалистической системы преподавания в школах, создание и развитие женских органи-

заций самообороны на здоровых политических основах, устройство массовых демонстраций — вот та важная работа, которой не следует пренебрегать.

Наша партия, наконец, должна понять, что недостаточно мобилизовать женщин для идеологической борьбы с войной. Они должны быть также подготовлены для принятия активного участия в самой гражданской войне.

Буржуазные партии всех стран готовятся вовлечь женщин в активную борьбу с революционным движением, и если мы не последуем примеру всесоюзной и китайской партий и не признаем женщин мощной революционной силой, мы их толкнем в лагерь контрреволюции.

В британской компартии теперь уже нет больше места мнению, будто работа среди женщин не имеет большого значения, и, приободренные успехом нашей антивоенной кампании 1928 г., мы будем продолжать эту работу с удвоенным энтузиазмом и уверенностью в ее успешном завершении.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

О теоретических проблемах мирового хозяйства.

(*М. СПЕКТАТОР. «Введение в изучение мирового хозяйства»*. ГИЗ. 1928, *стр. 314. Ц. 3 р.*).

Проблемы мирового хозяйства привлекают в настоящее время огромный интерес. Об этом свидетельствуют многочисленные работы, появляющиеся у нас. Нужно, однако, отметить, что подавляющее большинство книг о мировом хозяйстве является описательными работами. Между тем, действительное понимание современного мирового хозяйства невозможно без уяснения теоретических проблем мирового хозяйства. В этом отношении работа т. Спектатора восполняет огромный пробел, имеющийся в нашей литературе, и является у нас первым законченным трудом, трактующим вопросы мирового хозяйства в теоретическом аспекте. Исчерпать в рецензии все затронутые т. Спектатором многочисленные проблемы, конечно, невозможно. Мы остановимся главным образом на спорных и неверных, с нашей точки зрения, моментах работы Спектатора. При этом мы подчеркиваем, что работа Спектатора является крупным событием Книга благодаря богатству материала, интересной трактовке проблем, исчерпывающему анализу важнейших вопросов займет безусловно видное место в нашей экономической литературе, посвященной мировому хозяйству. За всем тем, однако, это не освобождает нас от необходимости вскрыть ошибки этой, повторяем, ценной работы.

В первую очередь автор останавливается вполне правильно на определении понятия мирового хозяйства. Известно, что этому вопросу посвящены многочисленные работы буржуазных экономистов, главным образом немецких. Автор не останавливается на критике дефиниции понятия мирового хозяйства, даваемой буржуазными экономистами. Нужно отметить, что у нас как раз последний год этой критике были посвящены две статьи: т. Угарова в «Вестн. Ком. Академии» № 23 и В. Акуленко (Проблема мирового хозяйства) в «Вопросах Экономики» (научноисследовательской кафедры по экономике в Харькове, выпуск 2-й). В марксистской литературе вопрос об определении понятия мирового хозяйства разработан весьма слабо. Лишь т. Бухарин дал четкое определение мирового хозяйства, которое является: «системой производственных отношений и соответствующих ей отношений обмена в мировом масштабе» («Мировое хозяйство и империализм», стр. 14). К этому определению близко подходит Иосиф Иванов в своем небольшом очерке «Мировое хозяйство, как единый производственный организм». («Вестник Соц. Академии», книга 6-я, 1923 г.).

Тов. Спектатор основное внимание уделяет вопросу об историческом месте мирового хозяйства, он неоднократно подчеркивает, что «о мировом хозяйстве можно говорить только в эпоху империализма или монополистического капитализма» (стр. 29 рец. раб.) Свое определение он основывает на том, что только экспорт капитала является «основным фактором, вовлекающим промышленно-отсталые страны в общую сферу мирового хозяйства» (стр. 28). Таким образом, т. Спектатор относится к числу тех исследователей, которые отрицают наличие мирового хозяйства в домонополистический период капитализма. Вопрос об историческом месте мирового хозяйства у нас совершенно не разработан. Между тем, этот вопрос имеет огромный теоретический интерес, и необходимо внести в него определенную

ясность. В буржуазной экономической литературе по этому вопросу имеются совершенно противоположные мнения. Одни считают, что мировое хозяйство существует уже испокон веков. Так, например, проф. Куске в своей работе «Исторические основы мирового хозяйства» (1926 г.) на немецком языке доказывает, что мировое хозяйство существует уже тысячи лет, а в период капитализма лишь подверглось известным модификациям. Другие исследователи вообще отрицают наличие мирового хозяйства. Например, известный германский экономист Карл Диль указывает, что «мировое хозяйство не существует и никогда не будет существовать. Всегда были налицо мировая торговля, мировой транспорт, мировой рынок; в новейшее время они усилились, дело только в степени, это нисколько не позволяет говорить о стадии мирового хозяйства» (цитирую по статье Ф. Капелюш «Обзор иностранной экономической литературы», «Под Знам. Марксизма» № 5, 1927 г.). Несколько своеобразной точки зрения держится Рихард Кальвер, который считает, что мировое хозяйство будет существовать лишь в эпоху социализма! Мы не будем останавливаться на критике всех этих концепций буржуазных экономистов, о которых т. Спектатор вообще совершенно не упоминает. Перейдем непосредственно к ответу на вопрос, когда можно говорить о мировом хозяйстве? Мы считаем, что мировое хозяйство создается в эпоху капитализма (этой точки зрения придерживается и т. Угаров в упомянутой выше статье в «Вестн. Ком. Академии»). Строя свое определение, мы опираемся на Маркса, который неоднократно подчеркивал мировую роль капитализма. Уже говоря о трех главнейших фактах капиталистического производства, Маркс указывает, что третьим фактом, на ряду с концентрацией средств производства и организацией труда, как общественного труда, является «создание мирового рынка» («Капитал», т. III, часть 1, изд. 1907 г., стр. 242). В первом томе «Капитала» Маркс подчеркивал, что «мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии историю жизнедеятельности современного капитала» («Капитал», т. I, стр. 116, изд. 1920 г.). Все это, конечно, прекрасно известно т. Спектатору, который в своей работе приводит ряд цитат из Маркса, касающихся мирового рынка. Однако, т. Спектатор считает, что в эпоху домонополистического капитализма речь шла только «о рыночных отношениях, которые существовали и в доисторические времена»...

При этом тов. Спектатор указывает, что мирохозяйственные связи были до эпохи империализма весьма слабые и что от прекращения этих связей хозяйственная структура большинства стран не изменилась бы и, таким образом, связь этих стран с мировым хозяйством не имела существенного значения. Мы считаем, что в данном случае положение т. Спектатора является спорным. Если товарообмен между странами существовал давно, то при капитализме эта связь между отдельными странами ставится по-новому. Сам т. Спектатор цитирует Маркса, который в «Нищете философии» указывает, что в отличие от прежнего периода «крупная промышленность... зависит уже единственно от всемирного рынка, от международного разделения труда». В своей старой работе т. Спектатор также подчеркивал, «что с переходом к фабричной машинной промышленности страны связываются не только в торговом, но и промышленном отношении с мировым рынком» («Мировое хозяйство», 1924 г., стр. 133). Известно, что Маркс считал, что в эпоху промышленного капитализма в сферу капиталистического хозяйства включается весь земной шар. В 1858 году Маркс писал: «Задача буржуазного общества заключается в том, чтобы установить мировой рынок, хотя бы в общих чертах, и установить п р о и з в о д с т в о, п о к о я щ е е с я н а е г о о с н о в е. А так как земля—шар, то, как мне кажется, с колонизацией Калифорнии и Австралии и с открытием дверей Китая и Японии э т о д е л о з а к о н ч е н о» (Карл Маркс и Ф. Энгельс, Письма, перевод Адоратского, ГИЗ, стр. 74, разрядка моя. *М. И.*). В эпоху, исследуемую Марксом, основой мирохозяйственных связей являлась внешняя торговля, поэтому М. и употребляет термин «мировой рынок». Таким образом, и в эпоху домонополистического капитализма можно говорить о мирохозяйственных связях. Конечно, эти связи в дальнейшем все более укрепляются: экспорт капитала создает более глубокие и длительные связи между отдельными частями мирового хозяйства. Но эти связи существовали и до того периода, когда экспорт капитала сделался доминирующим фактором мирового хозяйства. Поэтому мы считаем, что тов. Спектатор не прав, когда пишет, что «не меновые отношения сами по себе характерны для мирового хозяйства, а именно эти финансовые отношения, связанные с экспортом или импортом капитала... Понятие мирового хозяйства—поскольку мы под ним не подразумеваем исключительно рыночные отношения, простого товарообмена, существовавшего еще в доисторические времена—связано с процессом индустриализации аграрных стран, совершающимся посредством импорта капитала» (стр. 29).

Нужно отметить, что тов. Спектатор раньше при определении мирового хозяйства ставил во главу угла лишь внешнеторговые связи. В упомянутой работе «Мировое хозяйство до мировой войны» (Москва, 1924 г.) он писал: «При каких обстоятельствах можно говорить о мировом хозяйстве? Только в том случае, когда в н е ш н я я т о р г о в л я или внешнехозяйственные отношения получили решающее значение для национального хозяйства. Конкретно говоря, когда, например, внешняя торговля втягивает в свою орбиту процентов 30—50 отечественного производства» (стр. 134). Дальше он пишет: «Короче, период мирового хозяйства наступает для данной страны когда она в значительной мере зависит от мирового рынка, с одной стороны, в смысле обеспечения необходимыми средствами пропитания и сырьем, а с другой—в отношении сбыта своих важнейших продуктов...» (стр. 134, разрядка моя. *М. И.*). Правда, в постановке т. Спектатора концепцию вполне правильно критиковал Бронский, указавший в статье «Обзор литературы по мировому хозяйству» («Вестник Социалистической Академии», кн. 3-я, февраль 1923 г.), что невольно напрашивается вопрос: «Почему 30 или 50%, а не 25%» (стр. 292). В этом отношении примечание тов. Спектатора к русскому изданию своей упомянутой старой работы, нисколько ему не помогает.

Если исходить из той теории, что период мирового хозяйства наступает для каждой страны в зависимости от интенсивности ее связи с мировым рынком, то нужно признать, что и в настоящее время нельзя говорить о мировом хозяйстве, как о системе, охватившей все страны. Теперь т. Спектатор на первый план выдвигает экспорт капитала, который, по его мнению, связывает по-настоящему отдельные страны. Не говоря уже о том, что это несколько противоречит его прежней постановке вопроса, где об экспорте капитала как о факторе, образующем мировое хозяйство, ничего не говорится, мы еще раз повторяем, что если стоять на точке зрения, что основным признаком является лишь определение интенсивности связей (в форме ли рыночных отношений или экспорта капитала), то о мировом хозяйстве нельзя было бы говорить и в настоящее время.

Если, таким образом, мы не считаем правильным определение мирового хозяйства тов. Спектатором, то отпадает и определение науки о мировом хозяйстве, данное тов. Спектатором. Тов. Спектатор пишет: «Наука о мировом хозяйстве есть учение о монополистическом капитализме современной формации, однако, ставящее себе конкретную задачу исследования взаимоотношений различных государств на мировом рынке, их политики и борьбы, как и результатов этой борьбы» (стр. 29). В первую очередь, мы считаем, что науки о мировом хозяйстве, как самостоятельной дисциплины, нет. В основу теоретического изучения мирового хозяйства должна быть положена экономическая теория Маркса.

Правда, сам тов. Спектатор пишет: «Мы не строим целой теории монополистического развития капитализма, а, основываясь на теории капиталистического развития Маркса, мы только отмечаем те отклонения, которые внесло новое развитие в характер современного капиталистического производства» (стр. 30, разрядка моя). Однако, указанное замечание относится к теории монополистического капитализма, каковое понятие, как мы уже указали, не совпадает с мировым хозяйством. Ведь, кроме всего, нужно подчеркнуть, что мировое хозяйство и монополистический капитализм совершенно различные логические категории, а тов. Спектатор их отождествляет, когда пишет, что «наука о мировом хозяйстве есть учение о монополистическом капитализме». Монополистический капитализм есть понятие, показывающее экономическую структуру (которая есть только система производственных отношений, входящих в систему хозяйства и определяющих его характер). Понятие же «хозяйство» включает и производственный аппарат общества, состоящий как из вещественных элементов, так и из людей, об'единенных между собой производственными отношениями.

Тов. Спектатор фактически дает учение о монополистическом капитализме, а не науку о мировом хозяйстве. Необходимость же науки о мировом хозяйстве он совершенно не доказывает. Что касается определения науки о мировом хозяйстве, то в этом отношении тов. Спектатор впадает в противоречие, когда стремится разграничить науку о мировом хозяйстве и учение о монополистическом капитализме. В своей первой статье «Понятие мирового хозяйства» («Мировое Хозяйство и Мировая Политика» № 8, 1927 г.) он пишет: «Наука о мировом хозяйстве ставит своей задачей исследование взаимоотношений различных государств на мировом рынке, их политику и борьбу как и результат этой борьбы... Основным об'ектом изучения являются внешнерыночные, междугосударственные отношения. Этим мировое хозяйство и отличается от империализма, изучающего новейшую фазу капитализма, как отношения внутри государства (новые рыночные, производственные и социальные), так и внешние, колониальную и вообще внешнюю политику». Стоит только сравнить подчеркнутые мною слова, как становится ясно, что фактически тов. Спектатор не может провести грань между об'ектом исследования науки о мировом хозяйстве и науки об империализме, поскольку в его определение предмета изучения империализма включаются те же проблемы, которые должны, по его мнению, изучаться наукой о мир. хоз. В своей настоящей работе он несколько смягчил это разделение, однако, и здесь, когда он пишет, что наука о мировом хозяйстве исследует «взаимоотношения различных государств на мировом рынке и т. д.» (стр. 29), то он фактически затрагивает те же проблемы, которые затрагиваются в любом курсе империализма. Достаточно перечислить основные главы работы тов. Спектатора, которые относятся к мировому хозяйству в эпоху монополистического капитализма, и мы увидим, что они почти текстуально совпадают, например, с заглавием разных глав «Империализма» Ленина. В книге т. Спектатора имеются следующие главы: гл. 4-я «Новейшие тенденции развития капитализма», гл. 5-я «Финансовый капитал», гл. 6-я «Монополистический капитализм», гл. 7-я «Борьба за рынок», гл. 8-я «Экспорт капитала», гл. 9-я «Колонии» (характерно, что остальные главы автор посвящает истории торгового капитала, процессу образования рынка в период промышленного капитализма, торговой политике и т. д., т.-е. всем тем проблемам, которые не должны были бы найти свое отражение в работе по мировому хозяйству, если стоять на точке зрения автора, что мировое хозяйство создается только в эпоху монополистического капитализма). Ведь все указанные проблемы относятся к капитализму домонополистической эпохи и, следовательно, ничего общего не должны иметь с проблемами мирового хозяйства. Это является еще одним доказательством спорности определения у т. Спектатора понятия мирового хозяйства. Таким образом, тов. Спектатор не доказал необходимости особой науки о мировом хозяйстве, которая в его концепции вообще совпадает с теорией империализма, которая была впервые дана Лениным. Но если исходить из нашего определения мирового хозяйства (мировое хозяйство — продукт капиталистического развития), то и тогда не нужно создавать особой науки о мировом хозяйстве, так как все теоретические проблемы мирового хозяйства могут быть разрешены и установлены на основе экономического учения Маркса и Ленина. Если два разобранных выше вопроса могут считаться спорными, и во всяком случае подлежащими еще дальнейшему исследованию, то безусловно необходимо отвергнуть даваемое т. Спектатором определение монополистического капитализма. Как характеризует т. Спектатор монополистический капитализм? Он пишет: «К основному источнику прибавочной стоимости прибавляется еще один — эксплоатация крестьянского населения, в особенности в колониальных странах... Этим и отличается новая ступень развития, характеризуемая, как период монополистического капитализма» (стр. 24). Далее, он подчеркивает, что для монополистического капитализма характерно, что теперь «мы имеем страны-об'екты и страны-суб'екты в процессе капиталистического хозяйства» (стр. 26). Тов. Спектатор считает, что его определение совпадает с резолюцией II конгресса Коминтерна, установившего, что «европейский капитализм черпает главным образом свои силы не столько в европейских промышленных странах, сколько в своих колониальных владениях. Сверхприбыль, добываемая в колониях, является одним из главных источников средств современного капитализма» (стр. 26). Это положение, безусловно, верно. Однако, не в этом суть ошибки определения тов. Спектатора. Эксплоатация крестьянства не есть специфическая черта монополистического капитализма и не это отличает монополистический капитализм от торгового и промышленного капитализма. Общеизвестны места из Маркса, указывавшего, что «торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет собой систему грабежа» («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 37). Мы не будем на этом останавливаться (тем более, что сам Спектатор об этом говорит на стр. 40). Известно также, что Маркс указывал на наличие неэквивалентного товарообмена при торговле со странами, находящимися на более низкой ступени развития (см. главу «Внешняя торговля», в III томе). Когда тов. Спектатор теперь возражает против этого и доказывает, что более высокая прибыль, получаемая капиталистами индустриальных стран при обмене с аграрными, является следствием «эксплоатации своих рабочих, а не аграрных стран» (стр. 77), то это утверждение по меньшей мере звучит странно. Ведь Маркс именно подчеркивал, что «передовая страна продает свои товары выше их стоимости» и, следовательно, разница между продажной ценой и стоимостью товара не является результатом обсчета именно колониальных стран. Можно согласиться с тем, что в эпоху монополистического капитализма при отсутствии свободной конкуренции эта эксплоатация через неэквивалентный обмен усиливается, но, безусловно, это не есть явление, которое впервые имеет место лишь при монополистическом капитализме.

Но если вообще исходить из концепции Спектатора, то нужно притти к выводу, что та колоссальная прибыль, та сверхприбыль, которая притекает в руки небольшой группы монополистов, создается путем эксплоатации крестьянства. Получается любопытная теория, что источником сверхприбыли империализма является некапиталистическая среда—«третьи лица». Это уже своеобразный «люксембургизм». А так как прекрасно известно, что капитализм, и особенно монополистический капитализм, чрезвычайно быстро разлагает крестьянское хозяйство в колониях, обезземеливает крестьян, превращает их в пролетариев и заставляет их работать на своих капитали-

стических плантациях и фермах, то выходит, что база получения сверхприбыли монополистического капитализма теперь сужается, что, конечно, в корне противоречит действительности. Ошибка тов. Спектатора при определении монополистического капитализма заключается в том, что он центр тяжести переносит на сверхприбыль, получаемую от эксплоатации путем незквивалентного обмена крестьянства. Таким образом, из поля зрения выпущено у него присвоение через процесс производства неоплаченного прибавочного труда сельскохозяйственного и промышленного пролетариата и полупролетариев колоний и полуколоний. Это перенесение в колонии капиталистических производственных отношений именно характерно для монополистического капитализма. Ленин писал: «Экономическое различие между колониями и европейскими народами—по крайней мере, большинством последних—состояло прежде в том, что колонии втягивались в обмен товаров, но еще не в капиталистическое производство. Империализм это изменил. Империализм есть, между прочим, вывоз капитала. Капиталистическое производство все более и более ускоренно пересаживается в колонии» (т. XIII, стр. 414. Разрядка моя. *М. И.*). Тов. Спектатор останавливается на работе английского рабочего исследовательского бюро «Империализм в Восточной Африке», а ведь в этой книге и вышедшей новой работе этой серии—«Империализм в Африке»—блестяще подтверждается высказанное нами положение, что колонии становятся все больше и больше источниками получения сверхприбыли. Разве прибыли, получаемые каучуковыми, нефтяными, хлопковыми и т. д. компаниями, не являются следствием присвоения прибывочной стоимости пролетариев колоний? В упомянутой английской работе приводятся интересные примеры, показывающие, что рабочие по добыче олова в Зап. Африке из 8 часов, которые они работают, 6 часов работают на капиталиста и только 2 часа на себя. Следовательно, норма эксплоатации составляет 300%. Не приходится удивляться, что эти английские компании выплачивают дивиденды в размере от 65—80% на акционерный капитал. (Элеонор Беренс—«Империализм в Западной Африке», 1928 г., стран. 56 и след.). Когда на II конгрессе Коминтерна устанавливалось, что в настоящее время «развилось невиданное раньше господство ничтожного числа крупнейших банков, финансовых королей, финансовых магнатов, которые на деле превращали даже самые свободные республики в финансовые монархии, и т. д., и т. д. (Ленин. Речь на II конгрессе, т. VII), то имелось в виду, что в настоящее время, благодаря эксплоатации гигантскими монопольными об'единениями, благодаря экспорту капитала, монополистический капитализм приковал к своей колеснице миллионы колониальных и полуколониальных пролетариев и полупролетариев, и за счет прибавочной стоимости, притекающей со всего мира, живут господствующие классы маленькой группы стран-эксплоататоров. Мы не отрицаем наличие других форм эксплоатации колоний (неэквивалентный товарообмен, экспроприация доходов путем налогового пресса и т. д.). Но не это является определением для монополистического капитализма. Из многочисленных признаков монополистического капитализма в отличие от предыдущего периода у Ленина нигде не фигурирует «открытый» товарищем Спектатором основной источник сверхприбылей монополистического капитализма.

Следующий раздел т. Спектатор посвящает проблеме финансового капитала и монополистических об'единений. Трактовка этих проблем не представляет в теоретическом отношении ничего нового. Зато богатый фактический материал иллюстрирует новейшее развитие монополистического капитализма в главнейших странах. Наиболее важным является в этом разделе теория т. Спектатора о картельной цене и картельной ренте. Тов. Спектатор считает, что его теория является «в настоящий момент общепринятой». Правда, доказательства этой общепризнанности, приводимые тов. Спектатором в пользу этой теории, для нас не весьма убедительны. В качестве доказательств т. Спектатор выдвигает новейшее признание Гильфердинга в журнале «Гезельшафт» и главное, что на этой точке зрения стал... «С'езд представителей Союза германских промышленников в Дрездене в 1926 г.» (стр. 133). С каких пор с'езд промышленников стал авторитетом для подтверждения в установлении правильности той или иной теории для марксистов, это остается на совести тов. Спектатора. Теория т. Спектатора была им в русской литературе подробно обоснована в его работе «Мировое хозяйство до войны» (1924 г.). Сущность этой теории, изложенная в рецензируемой работе в разделе «Картельная рента» (136—145), является почти текстуальной перепечаткой соответственного места упомянутой старой работы т. Спектатора (стр. 75—84 упомянутой работы). Нужно подчеркнуть, что теория монопольных цен—одна из наименее освещенных в марксистской литературе, несмотря на то, что правильное решение этой проблемы имеет огромное теоретическое и практическое значение для понимания экономических явлений современности. Поэтому весьма значительна заслуга т. Спектатора, уделившего большое внимание анализу и трактовке этой проблемы. Однако, его концепцию нельзя считать общепризнанной и бесспорной. В чем сущность теории т. Спектатора? Она явствует из следующего его определения: «Картельная и трестовская цена не является монопольной в том смысле, что она устанавливается совершенно произвольно, и только зависит от размеров сбыта, либо уровня средней нормы прибылей некартелированных отраслей промышленности, как полагал раньше Гильфердинг: она определяется издержками производства, но не при средних, а при наихудших условиях, при чем последние имеют место главным образом у стоящих вне картеля предприятий. Таким образом и создается и в картелированной промышленности диференциальная рента, которую мы можем назвать картельной рентой» (стр. 138). Эта картельная рента «представляет собой вычет из прибыли некартелированной отрасли промышленности, а также из заработной платы» (стр. 44). Основная мысль т. Спектатора сводится к тому, что «основным регулятором цен и при монополистическом капитализме является тот же закон стоимости» (311). Мы вполне согласны с тов. Спектатором, что при определении монополистических цен необходимо исходить из законов стоимости Маркса. Попытки некоторых экономистов даже в самое последнее время исходить при определении монопольных цен исключительно из законов спроса и предложения—совершенно неправильны. Однако, т. Спектатор, строя свою теорию, не учитывает влияния на картельные цены емкости рынка и возможности, например, для капиталистических монополий повышения цен выше цен производства наиболее отсталых предприятий.

Очень обстоятелен раздел, посвященный экспорту капитала. Теоретический анализ этой проблемы дан был тов. Спектатором в предисловии к выпущенной под его редакцией книге Гобсона «Экспорт капитала». В рецензируемой работе тов. Спектатор не развил свои положения, а скорее, наоборот, изложил их более кратко и менее четко. Зато он дал очень богатый и обстоятельный фактический материал. Особенно подробно тов. Спектатор остановился на роли иностранного капитала для империалистических стран. Последний вопрос в многочисленной иностранной литературе как раз наименее освещается, так как авторы немецких и английских работ главным образом интересуются проблемами экспорта капитала с точки зрения экспортирующей страны. В этом отношении материал тов. Спектатора особенно интересен, а для нас имеет и практический интерес в отношении нашей концессионной политики (особенно стр. 225). Теоретические взгляды автора нашли у нас

подробный отклик в рецензиях на работу Гобсона. Мы поэтому ограничились лишь краткими замечаниями в связи с весьма спорной трактовкой т. Спектатором причин экспорта капитала и источников его оплаты странами, импортирующими капитал. Концепция тов. Спектатора четко изложена в упомянутом выше предисловии к книге Гобсона, где он пишет: «Экспорт капитала, если отвлечься от случайных неравномерностей развития народного хозяйства, связан с более медленным расширением основного капитала в сельском хозяйстве, чем рост продукции его» (стр. 14, Гобсон, «Экспорт капитала», Москва, 1928 г. Разрядка моя. *М. И.*). В рецензируемой работе он также подчеркивает ту мысль, что сельское хозяйство является основным источником, поставляющим капитал для экспорта. С другой стороны, для него при решении вопроса о причинах экспорта капитала чрезвычайно важное значение имеет спрос со стороны аграрных стран. Тов. Спектатор считает, что развивающаяся промышленность аграрных стран «пред'являет большой спрос на капитал, извлекая его из сельского хозяйства своей страны и из других стран» (стр. 202, разрядка моя. *М. И.*). Таким образом, экспорт капитала ставится в зависимость от требований возникающей промышленности аграрных стран, а не как это происходит в действительности, именно: экспорт капитала способствует созданию промышленности в аграрных странах. Но если вообще исходить из концепции т. Спектатора, то совершенно непонятно, почему экспорт капитала является специфической категорией монополистического капитализма. Ведь причины, которые, по мнению т. Спектатора, вызывают экспорт капитала, имеют место уже в эпоху промышленного капитализма. Правда, т. Спектатор прибавляет, что «другим моментом, который усиливает экспорт капитала, является образование картелей» (195), и далее посвящает полстранички об'яснению причин усиления экспорта капитала в эпоху империализма. Однако, эта трактовка совершенно не удовлетворительна. Именно, в эпоху монополистического капитализма экспорт капитала впервые развивается во всей широте благодаря тому, что колоссально возросшая прибыль, накопление капитала не может найти рентабельного применения в своей стране в условиях монополий. Источником экспорта капитала является именно прибавочная стоимость, накопляемая монополистическим об'единением. Теория о том, что промышленность развивается за счет капиталов сельского хозяйства своей страны и других стран—есть теория, противоречащая Марксу и в новейшее время выдвигаемая проф. Каценеленбаумом. Вполне правы критики этой теории, подчеркивая, что это есть мелкобуржуазная эклектическая теория индустриального развития, поскольку «Маркс указывает лишь на два основных метода накопления капитала: первоначальное накопление и «превращение прибавочной стоимости в капитал» (см., например, А. Леонтьев «Социалистическое строительство и его критики», Москва, 1928 г., стр. 206—209). Только в той постановке, которая дана нами, становится понятным, почему именно «для новейшего капитализма, с господством монополии, типичен стал вывоз капитала» (Ленин. «Империализм»). Что касается источников оплаты импортированного капитала, то тов. Спектатор считает, что земельная и горная рента является главным источником оплаты иностранного капитала. И здесь тов. Спектатор не подчеркивает значения прибавочной стоимости, образующейся в процессе капиталистического производства, как основного источника оплаты импортированного капитала. Если принять целиком концепцию автора, то получается следующее: он пишет, что так как рента является главным источником для оплаты иностранного капитала, то «в известной мере оплачивает ввезенный капитал заграничный потребитель» (стр. 226). Таким образом, получается, что импортирующая страна получает огромные выгоды от иностранного капитала, а расплачивается за нее заграничный потребитель экспортирующей страны. Спрашивается только, какая же выгода с народнохозяйственной точки зрения экспортировать для этой страны капитал. Все это, конечно, не так. Иностранный капитал оплачивается и рентой, но как мы уже говорили выше, касаясь определения тов. Спектатором монополистического капитализма, экспорт капитала в эпоху монополистического капитализма ведет к насаждению капиталистических отношений в отсталых странах, к выкачиванию оттуда промышленной прибыли, создаваемой пролетариатом.

Наконец, последний большой раздел посвящен проблеме колоний. Этот раздел оставляет, однако, двойственное впечатление. С одной стороны, автор подчеркивает, что «центральной проблемой империализма являются колонии» (стр. 236). С другой, весь этот раздел посвящен доказательству, что колонии не дают особых выгод метрополиям. Касаясь возможности переселения в колонии избыточного населения или возможности создания армии из колониального населения, автор пишет, что то и другое является не реальным. В этом отношении характерен следующий отрывок из работы, касающийся Франции: «Если сосчитать те огромные затраты, которые Франция делает на свои колонии,—пишет т. Спектатор,—то можно с уверенностью сказать, что без этих колоний она могла бы на эти деньги собрать любую наемную армию. Быть может, она была бы в состоянии, смягчив налоговый гнет и ведя социальную политику, даже содействовать более быстрому развитию собственного населения. Потратила же она на Алжир 4 млрд. франков, на завоевание Индо-Китая 6 млрд. франков и на Марокко (до мировой войны) 2 млрд. франков» (стр. 242). В разделе, посвященном колониям как рынкам сбыта, тов. Спектатор подчеркивает, что для Франции и довоенной Германии колонии не играли роли. Автор пишет, что и для Англии «роль колоний в смысле снабжения сырьем падала». Также «падало участие Англии во ввозе колоний». Далее, по вопросу об экспорте капитала он пишет, что процент по колониальным займам весьма низок, и «следовательно, нельзя сказать, что колонии представляют в этом отношении особую приманку» (стр. 255).

Получается, таким образом, довольно «стройная» концепция, имеющая у нас многочисленных сторонников, что, как формулирует это т. Спектатор, «при нормальных отношениях колонии не представляют особенных выгод» (стр. 255). Поэтому после всего того, что говорил т. Спектатор об отрицательном значении колоний, совершенно неубедительным звучит его тезис о причинах погони за колониями. «Монополистический капитализм гонится за сверхприбылью, и он ее находит в колониях, которые, правда, представляют маленький, но зато монополизированный рынок, на котором относительно слабее конкуренция» (стр. 255). Конечно, не так нужно трактовать проблему колоний в эпоху монополистического капитализма. В первую очередь необходимо было остановиться на значении колоний, как источников получения дешевого сырья. Далее, когда т. Спектатор указывает, что роль Англии в импорте колоний все время падает, то он забывает им же приводимое раньше об'яснение Лениным этого факта. Что говорил по этому поводу Ленин? Если сказать, как говорит т. Спектатор, «торговля английских колоний с Англией развивается теперь медленней, чем с другими странами...», то это значит, что «Англию побивает тоже монополия, тоже империализм, только другой страны» (Ленин, том XIII). Поэтому то, о чем говорит т. Спектатор, не значит, что колонии «постепенно высвобождаются из-под влияния метрополий» (стр. 246), а что в борьбе за передел колоний Англия должна уступить эксплоатацию колоний другим более мощным империалистическим государствам.

В отношении же того, что колонии не представляют выгод как рынок приложения ссудных капиталов, тов. Спектатор совершенно неправ. Если официальный процент не высок, то не надо забывать, что при предоставлении займов колониям им ставятся такие условия реализации, что огромная часть

номинальной суммы займа остается в карманах финансирующих организаций и разных посредников. (См., например, упоминавшиеся выше работы английского Рабочего Бюро). Далее эти займы дают возможность получить крупные заказы промышленности метрополии. Поэтому, если такие займы не дают непосредственно крупных прибылей, то они сулят капиталистам-заимодавцам в дальнейшем огромные выгоды. Ведь эти займы даются в большинстве случаев на организацию железных дорог, каналов, портов, электростанций и т. д., и т. д. Словом, эти займы сулят метрополиям возможность в дальнейшем инвестиции уже промышленных капиталов с перспективой получения колоссальных барышей. Мы не сомневаемся, что тов. Спектатору совершенно ясна роль колоний в эпоху империализма. Об этом говорят и отдельные фразы, разбросанные в книге, но увлекшись полемикой с Зомбартом, он дал нечеткую и противоречивую картину значения колоний и этим значительно обесценил трактовку им этой проблемы. Мы не будем касаться остальных разделов книги. Большинство из них не имеет непосредственного отношения к проблеме мирового хозяйства, особенно в определении его т. Спектатором. И в этом отношении мы вполне согласны с тов. Спектатором, что в данной работе можно было «ограничиться только несколькими страницами» по вопросу о процессе образования рынка в период промышленного капитализма. По этому вопросу у нас имеется достаточно большая литература (список которой приводится и тов. Спектатором), и нечего загромождать трактовкой этой проблемы работу. Очень интересен раздел, трактующий проблему внешнего рынка. Мы также согласны с тов. Спектатором в его критике Герценштейна и Дашковского, что критерием при определении внешнего рынка при изучении проблемы мирового хозяйства «являются государственные перегородки» (стр. 53), а не некапиталистические «слои города и деревни» (Герценштейн) или «страны, находящиеся на иной ступени развития производительных сил» (Дашковский).

Мы считаем крупным пробелом работы тов. Спектатора отсутствие в ней анализа проблемы неравномерного развития. Об этом тов. Спектатор говорит буквально лишь в нескольких строках, между тем эта проблема является одной из важнейших при изучении мирового хозяйства, особенно в эпоху монополистического капитализма. Безусловно, этот пробел должен быть восполнен в дальнейших изданиях работы.

Как мы уже указывали вначале, мы далеко не исчерпали содержание богатейшей и интереснейшей работы тов. Спектатора. Мы считаем, что эта работа должна вызвать дискуссию по затронутым им вопросам, в результате которой, мы считаем, будет внесена ясность в ряд теоретических проблем мирового хозяйства. Однако, плодотворность дискуссии будет зависеть от того, будет ли она вестись в тонах полемики, или в спокойной деловой обстановке. К сожалению, у нас многие авторы относятся весьма презрительно к критике, особенно, если она исходит, по терминологии тов. Спектатора, от «молодых ученых» (стр. 61). Мы считаем, что независимо от возраста критиков, если ими вскрываются те или иные ошибки даже заслуженных ученых, то этим только оказывается помощь в деле выковывания правильной марксистской теории. И в этом отношении все, кому дорога марксистская теория, должны оказывать этим попыткам всемерное содействие и быть выше чувства ложного самолюбия.

М. Иоэльсон.

О. ТАНХИЛЕВИЧ. «Маркс и Энгельс о крестьянстве». Стр. 152. Госиздат. 1928 г. Ц. 1 р. 20 к.

Интерес к углубленному изучению вопросов марксизма все более усиливается. В последнее время особенно «повезло» в этом отношении аграрно-крестьянской проблеме. Это далеко не случайно. Сложность и политическая

актуальность крестьянского вопроса достаточно выявлены. Между тем, именно в данной области на нашем книжном рынке почти совершенно отсутствуют сколько-нибудь приличные систематизации взглядов на крестьянский вопрос основоположников научного коммунизма. Лишь в этом году мы могли отметить первые опыты, попытки более или менее серьезного подхода к разрешению этой задачи. Брошюра тов. Танхилевич является одной из подобных попыток.

В основу рецензируемой работы автором был положен свой доклад, прочитанный в ленинградском научноисследовательском институте по методологии марксизма. Целью работы является «изложение взглядов самих Маркса и Энгельса». Брошюра охватывает в основном 4 группы вопросов. Изложив эволюцию взглядов Маркса и Энгельса на крестьянство, автор переходит к анализу крестьянства как социально-экономической категории, завершив свою систематизацию анализом аграрной программы и тактики с.-д. и выяснением отношения Маркса и Энгельса к вопросу о строительстве социализма в деревне.

Совершенно справедливо автор замечает, что, когда говорят об эволюции взглядов Маркса и Энгельса послегегелевского периода их формирования, то под ней надо понимать не принципиальное изменение этих взглядов, а лишь дальнейшее их развитие и углубление. Вся первая глава является в основном довольно удачным доказательством последнего тезиса. Автор прослеживает эволюцию их взглядов по 4 этапам: I — ранние работы, где Маркс выступал еще как левый демократ и гегельянец; II — эпоха революции 48 года, когда Маркс и Энгельс были уже коммунистами и материалистами, а в аграрном вопросе выступали с критикой мелкого крестьянского хозяйства; III — эпоха I Интернационала и Парижской Коммуны, с которой связано открытие и обоснование Марксом абсолютной ренты и проблемы национализации земли, и IV — эпоха 90-х гг., когда изменившаяся социально-экономическая обстановка поставила перед Энгельсом вплотную задачу формулировать формы взаимоотношения рабочей партии и крестьянства (стр. 20).

Свое оружие и Маркс, и Энгельс оттачивали на критике мелкобуржуазных и буржуазных взглядов. Автор довольно подробно пытается это проследить, уделяя особое внимание критике Марксом постановки Рикардо в вопросе о земельной ренте и законе убывающего плодородия, а также проблеме национализации земли в эпоху I Интернационала. Правильно указывая на внеисторичность взглядов Рикардо и смыкание его «закона убывающего плодородия» с буржуазной апологетикой, на непонимание Рикардо особенностей развития капитализма в сельском хозяйстве и т. д., автор, однако, на наш взгляд, недостаточно выясняет отличительные особенности в постановке проблемы ренты со стороны Маркса и Рикардо. Так, напр., в качестве вывода из своего анализа она пишет: «Основную ошибку Рикардо — полученную им в наследство от Адама Смита — Маркс видит в непонимании им цены производства и смешении ценности с ценой производства. Это смешение понятий и не позволяло Рикардо признать существование абсолютной ренты» (стр. 15). Это положение совершенно правильное. Однако, следует еще заметить, что Рикардо, полагавший, что в итоге конкуренции цены приравниваются к ценностям — тем самым закрыл себе путь и к пониманию источника дифференциальной ренты. Кроме того, коренная причина неразрешения Рикардо проблемы абсолютной ренты лежит в том, что он не понимал значения для теории ренты проблемы органического строения капитала, стоимости рабочей силы, равно как и специфической роли переменного капитала, как источника самовозрастания стоимости. Рикардо не решил проблемы прибавочной стоимости, как общественного источника прибыли и ренты. Где источник ренты, откуда

и отчего она получается, на это Рикардо не сумел ответить. Поэтому, хотя он и дал механизм образования земельной ренты,—понимая под ней дополнительную прибыль, однако теоретически об'яснить природу земельной ренты он не сумел. Вот почему совершенно естественно, что причину появления земельной ренты Рикардо видит в несоответствии между ростом народонаселения и ростом производительных сил, т.-е. в основу своей теории он кладет закон убывающего плодородия. Между тем, по Марксу, абсолютная рента, возникающая из излишка ценности по сравнению с ценой производства, есть просто часть земледельческой прибавочной стоимости, превращенной в ренту и присваиваемой землевладельцем. При чем, последняя зависит именно от низкого органического строения капитала в земледелии и монополии земельной собственности, мешающей уравнению прибыли в этой отрасли народного хозяйства с другими, имеющими более высокое строение капитала.

В связи с этим надо отметить и не совсем верную трактовку, данную автором при разборе генезиса капиталистической земельной ренты. «Денежная рента,—пишет автор,—есть форма разложения феодальной отработочной и натуральной ренты. При денежной ренте — в противоположность непосредственному принуждению при отработочной и узаконенному государством принуждению при натуральной ренте — общественные отношения становятся договорными (разрядка моя. *А. А.*). Только теперь (?) (т.-е. при денежной ренте? *А. А.*) в прямое договорное отношение землевладелец вступает уже не с непосредственным производителем, землепашцем, а с арендатором» (стр. 77). Приведенная цитата говорит, как нам кажется, о явном смешении автором категории денежной ренты, представляющей, по Марксу, «превращенную форму ренты натурой», с капиталистической рентой. Неверно, что при денежной ренте землевладелец вступает в договорные отношения уже не с непосредственным производителем, а с арендатором. Суть денежной ренты заключается в том, что она является той же рентой натурой, превращенной в деньги в силу развития товарного производства. Между тем, капиталистический характер рента носит, когда на место крестьянина является предприниматель в земледелии, ведущий обработку при помощи наемного труда.

В связи с критикой мелкобуржуазных и буржуазных взглядов на природу земельной ренты Маркс и Энгельс выступали не менее решительно и против мелкобуржуазных взглядов на земельную собственность, на значение национализации земли и т. п. Маркс был первым, который резко выступил против тех, кто видел в акте национализации земли чисто социалистическое мероприятие. Исходя из своего анализа капиталистического хозяйства, он доказал, что институт частной земельной собственности, даже в пределах капитализма, является совершенно излишним, паразитическим наростом, нисколько не связанным нитями органического единства с последним. Для капиталистического способа производства нужно лишь, чтобы земля не была общей собственностью, чтобы она противостояла рабочему классу, как не принадлежащее ему средство производства, а эта цель достигается вполне, если земля становится государственной собственностью. Больше того, национализация земли, будучи связана с уничтожением абсолютной ренты, является глубоко прогрессивным капиталистическим мероприятием, способствующим форсированному развитию буржуазных отношений в деревне и в сельском хозяйстве и общему росту капитализма. Этот факт является лишь крайним, радикальным буржуазным мероприятием. Однако, вся суть вопроса, как показали Маркс и Энгельс, состоит в том, что буржуазия неспособна его провести. Ей нехватает для этого классовой смелости, ибо «нападение на одну форму собственности было бы очень опасно и для другой формы. Кроме того, буржуа сам обзавелся землей» (стр. 56. Цитата

Маркса). Вот почему разрешение этого мероприятия ложится на рабочий класс, но «тогда национализация земли из буржуазного мероприятия, каким она является по существу, превращается в мостик, ведущий к социализму» (там же). В этой связи Маркс подчеркивает, что «социальная революция должна начаться с самых основ, т.-е. с земельной собственности» («Письма»).

Мысль о неспособности буржуазии радикально ставить проблемы, разрешение коих вполне мыслимо в рамках капитализма, нашла свое отражение в оценке ими уроков революции 48 года. Несомненно, что Маркс несколько недооценивал в этом случае потенциальные возможности буржуазии и перспективы капиталистического развития, переоценив тогдашние революционные возможности пролетариата,— в этом автор прав, однако, их основной вывод, что буржуазия неспособна была уже тогда к решительному проведению аграрной революции, что буржуазная демократия выказала в революции всю свою социальную беспомощность—оказался абсолютно верным.

Огромное значение и для современности имеет мысль Маркса о тактике пролетариата в буржуазно-демократической революции и об отношении его к буржуазной демократии и ее борьбе (стр. 170—6).

Всем известен крик буржуазных подголосков, в лице современной с.-д., о том, что рабочий класс не должен выступать в общедемократической борьбе против реакции с самостоятельными требованиями, дабы не «отпугнуть» от себя «демократию» и не играть на руку реакции. Весьма кстати приводимое автором составленное Марксом и Энгельсом «обращение к союзу коммунистов» как нельзя лучше разоблачает весь оппортунизм подобной постановки. «Рабочие не должны дать подкупить себя фразами демократов, напр., о том, что это (т.-е. защита своих революционных позиций, сохранение своей полной самостоятельности в программных и тактических вопросах. *А. А.*) раскалывает демократические партии и дает реакции возможность победить. Все эти фразы в конце концов приводят к тому, что пролетариат оказывается обманутым» (стр. 134). «Больше того,— добавляют они,— даже там, где нет никакой надежды на их проведение, рабочие должны выставлять своих собственных кандидатов, чтобы сохранить свою самостоятельность, подсчитать свои силы и публично проверить свои революционные позиции и свою партийную точку зрения» (там же). С другой стороны, пункт «б» и «в» «обращения», где говорится о необходимости пролетариату параллельной организации на ряду с мелкобуржуазными правительствами своих собственных зародышевых органов власти в лице советов, комитетов, клубов и т. п., а также предварительного строительства пролетарской армии, вооружения рабочих и т. д.,—является блестящим подтверждением ленинской тактики в 1917 г. и общей позиции большевизма в революции.

В этой же связи Марксом ставится следующий вопрос: может ли само крестьянство, как таковое, подняться до такой высоты политического сознания, чтобы оказаться способным взять дело улучшения своего положения в собственные руки? И на этот вопрос он — равно как и Энгельс,—отвечал неизменно отрицательно. Они (т.-е. Маркс и Энгельс) дали мастерской анализ двойственной, противоречивой природы крестьянства, показали, почему оно органически неспособно самостоятельно вести победоносную борьбу, вскрыли причины неизбежного колебания его между буржуазией и пролетариатом, сделав вывод, что «логика исторического развития», связанная с предательством буржуазией интересов широких крестьянских масс, с одной стороны, и с огромной социальной диференциацией в крестьянской среде— с другой, будет неизбежно толкать крестьянство, особенно в лице маломощных его слоев, на союз с пролетариатом. Их совместная борьба с капитализмом тем более необходима, что крестьянство представляет собою огромную политическую силу, от которой зависит подчас и конечный исход ре-

волюции вообще и пролетарской революции в частиости. Эту мысль Маркс выразил в своем письме к Энгельсу от 16 августа 1856 г., где писал: «Все дело в Германии будет зависеть от возможности поддержать пролетарскую революцию каким-нибудь вторым изданием крестьянской войны». Аналогичный вывод делается им и для Франции (см. «18 брюмера» и «Классовая борьба во Франции»). Эта часть разработана автором в общем удачно, однако, переходя к общей характеристике крестьянства, как определенной социально-экономической категории, автор предваряет ее следующим, на наш взгляд, неправильным тезисом. На стр. 86 она пишет: «При аиализе какого-либо класса, Маркс тщательно разграничивал (разряд. моя. *А. А.*) его экономическую и политическую физиономию. С этой целью он пользовался даже специальной терминологией, обозначая понятием «класс в себе»—класс как экономическую и «класс для себя»—класс как политическую категорию. Однако, ие всякий класс в экономическом смысле может стать классом «для себя». Понятие класса «для себя» у Маркса связано с понятием прогрессирующего класса»... Дальнейший же смысл изложения должен показать, что так как крестьянство не в состоянии политически оформиться и не является исторически-прогрессивным классом, оно так на «вечные» времена и остается классом «в себе». Нам кажется, что Маркс нигде не проводил такого резкого разграничения политики и экономики, как то приписывает ему автор. Приводимая ею цитата, долженствующая будто бы подтвердить данную ею формулировку, дает на самом деле самую обычную трактовку этих понятий. Конституирование класса как класса «для себя», несомненно, предполагает известную степень политической самостоятельности, понимания своих классовых интересов и т. д. Но процесс политического оформления класса представляет собою другую сторону его экономической консолидации. То состояние класса, когда он представляет собою еще класс «в себе», характерно для него в известном смысле и своей экономической неоформленностью, неустойчивостью, относительной экономической слабостью, при чем на даиной ступени развития имеются в наличии отдельные слои класса, уже доросшие до осознания своих классовых интересов, подобно тому, как в среде «осознавшего» себя класса имеются в наличии отсталые группировки, еще ие доросшие до полного классового сознания. Характеристика класса отмечает лишь господствующий, преобладающий признак. Впрочем, характеристика крестьянства как класса «в себе» ставится нами вообще под сомнение. Несмотря на ее значительную распространенность, она, нам кажется, не имеет никакой познавательиой ценности.

Недостаточно четкой, наконец, нам кажется и одна из сторон трактовки автором задач аграрной программы. Говоря о том, что смысл аграрной программы сводится к тому, что она «выставляет ряд практических требований, могущих быть осуществленными еще в рамках капиталистического общества» (стр. 98), автор справедливо отмечает скрывающуюся здесь опасность оппортунистических иллюзий о возможном якобы действительном улучшении положения мелкого крестьянского хозяйства в рамках капитализма. Так же верно, что ударение только иа этот момент, при опускании революционной стороны требований, преследующей цель разоблачения буржуазно-землевладельческих классов и организационного завоевания крестьянства—служит водоразделом, отделяющим нас, революционных марксистов, от различного рода ревизионизма. Но правильно отмечая эти стороны, формулируя нашу точку зрения, автор бросается в другую крайность, заявляя: «задача аграрной программы—чисто агитациониая: критика и разоблачение аграриев и буржуазных партий в целях привлечения мелкого крестьянства на сторону пролетариата» (101 стр.). Правда, страницей ранее имеется и такое место: «Конечно, аграрная программа может (!) содержать и практические требования, если только они не очень широки, т.-е. если они не противоречат принципам с.-д.». Достаточно сопоставить с этими цитатами следующий тезис Энгельса, приводимый тем же автором, чтобы понять, что акцент здесь сделан не совсем правильный. Энгельс указывает, что «аграриая программа должиа показывать мелкому крестьянину, что рабочая партия решительно становится иа его сторону», а этого можно добиться не только указанием крестьянству его конечных задач, но руководством его конкретной повседневиой борьбой. Именно на конкретных фактах борьбы вокруг актуальнейших вопросов (которые пролетарская партия не только может, но и должна внести в свою аграрную программу борьбы), затрагивающих коренные интересы крестьянства, ей удастся разоблачить эксплоататорские группировки. Ведь господствующие классы никогда не идут добровольно на уступки, хотя бы речь шла о весьма умеренных требованиях. Поэтому центр тяжести тактики партии пролетариата должен заключаться в правильном диалектическом сочетании коикретных требований борьбы с общими целями революции, в подведении крестьяиства к последним через насущные интересы его «сегодняшнего» дня. Последнее замечание: иеясно, несколько неряшливо пытается автор интерпретировать тезис Маркса, выдвинутый им в качестве урока 1848—49 гг. о том, что пролетариат не должеи растворяться в мелкобуржуазных организациях. Идя об руку с последними в борьбе против буржуазии, рабочий класс, говорит Маркс, должеи строить свою самостоятельную партию и сохранять все время свое классовое лицо. Попутно Маркс указывает, что в 1848—49 гг. мелкобуржуазная партия в своем составе определялась не только буржуазным населением городов, но и крестьянством и деревенским пролетариатом, «пока ои еще не нашел опоры в самостоятельном пролетариате городов» (Маркс). Автор пытается комментировать и обобщить эту мысль следующим образом. «Маркс прекрасно поиимал, что рабочие не могут рассчитывать на действительную поддержку до конца со стороны демократов. Рабочим по пути с мелкой буржуазией (т.-е. и с крестьянством, как составной частью мелкой буржуазии. *А. А.*) лишь до момента свержения буржуазии. После захвата власти мелкая буржуазия будет думать лишь о том, как бы воспользоваться плодами победы для себя. Рабочие не должны всерьез рассчитывать на мелкую буржуазию» (стр. 131).

Из этой цитаты совершенно очевидно, что 1) из правильного марксова тезиса автор делает неправильный вывод о том, что после свержения буржуазии пути рабочего класса и мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, решительно расходятся. Между тем, вряд ли и сам автор будет отрицать, что в своих работах через 2 года (1850 г.) Маркс решительно ставит вопрос о втором издании крестьянской войны—для победы пролетарской революции и закрепления ее завоеваний. 2) Из правильного констатирования двойственной природы мелкой буржуазии делается неправильный вывод, что рабочему классу в своей борьбе ие следует серьезно и думать о привлечении на свою сторону мелкобуржуазной массы. Нам думается, что подобная интерпретация Маркса неверна. Говоря об основном массиве мелкобуржуазной массы—крестьянстве, надо заметить, что для Маркса и Энгельса даже в середине XIX в. мелкое крестьянство, если бы и выступило на первом этапе по завершению буржуазно-демократической революции против рабочего класса, вслед за этим, в коиечном счете, неизбежно пришло бы к поддержке пролетарской революции. Больше того, в лице последнего Маркс видел единственную гарантию конечной победы пролетариата. 3) Автор неправильно отождествляет в этом случае растворение пролетариата в мелкобуржуазных массах—от чего предостерегал Маркс—с необходимостью для пролетариата завоевания на свою сторону масс мелкой буржуазии. Трактовка автора не только неправильно ориентирует читателя, но идет в разрез с взглядами, общепринятыми в партии.

Нельзя согласнться н с тем местом (стр. 120), где автором высказывается мысль, будто бы только Ленин впервые сформулнровал ндею союза рабочего класса с мелким крестьянством. Сам же автор иа протяжении всей своей работы себя решительио опровергает. Вообще, иельзя не отметить, что миогие из подобного рода формулировок тем более страииы, что в другнх местах автором довольно правнльно н выдержанно ставятся эти же вопросы, хотя и по другим поводам н в иной связн.

У нас иет возможиости остаиовиться еще иа иекоторых других важных вопросах. В частиости, иельзя ие отметить, что работа во миогом проигрывает от того, что в ней иет достаточио дифереицированиого аиализа поведення различных прослоек крестьяиства на отдельных этапах буржуазной н пролетарской революции. Рецензируемая работа хотя н носнт несколько академический характер, все же послужит в общем полезным пособием для иашего середияка-партийца, пропагаидиста и агитатора. Ряд проблем иашел в ией достаточиое освещеиие и разрешеиие. Однако, иекоторые места работы обязательио требуют своего нсправлення н уточиеиия. Обращает на себя внимание недостаточно четкое н ясное местами изложение (см., иапр., стр. 77 и др.), иаличие трудио поиимаемых для среднего читателя слов и т. д. Издаиа работа в общем удовлетворительно, хотя и не без ошибок.

А. Александров.

От редакции.

Редакция обращается с просьбой ко всем товарищам, присылающим статьи для напечатания в «Большевике», давать весь цифровой материал обязательно в метрических мерах.

РЕДАКЦИЯ.
